Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Иркутская епархия в XVIII – начале XX века

Учебное пособие

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2013

УДК 281.93(571. 5)(091)(075. 8)
ББК 86.372(2Р54)гя73
И81

Печатается по решению учебно-методической комиссии исторического факультета ИГУ

Издание выходит в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ» на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001 при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00308

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. В. В. Синиченко
канд. ист. наук, доц. Т. А. Перцева

Научные редакторы:
д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов*; канд. ист. наук, доцент *А. П. Санников*

Авторский коллектив:
д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов* (введение, гл. 1, гл. 2, § 3.2. гл. 3);
канд. ист. наук, доц. *А. П. Санников* (гл. 1, гл. 2, § 3.1 гл. 3);
канд. ист. наук *И. А. Погодаева* (§ 4.1 гл. 4);
д-р ист. наук, доц. *А. В. Костров* (§ 4.2 гл. 4);
канд. ист. наук *Т. А. Крючкова* (§ 5.1 гл. 5);
канд. ист. наук *И. В. Смолина* (§ 5.2 гл. 5)

И81 **Иркутская епархия в XVIII – начале XX века** : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; науч. ред. : А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 209 с.

ISBN 978-5-9624-0845-3

Настоящее учебное пособие подготовлено в рамках научных исследований по конфессиональному развитию Сибири. В нем рассматриваются ключевые аспекты учреждения и деятельности Иркутской епархии в XVIII – начале XX в.

Предназначено для студентов исторического факультета, обучающихся по направлениям «история» и «музеология».

УДК 281.93(571. 5)(091)(075. 8)
ББК 86.372(2Р54)гя73

ISBN 978-5-9624-0845-3 © ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение **5**

Глава 1
Иркутская епархия: этапы развития
(Дулов А. В., Санников А. П.) 7
Контрольные вопросы 20

Глава 2
Монастыри Иркутской епархии
(Дулов А. В., Санников А. П.) 21
2.1. Иркутский Вознесенский мужской монастырь 21
2.2. Иркутский Знаменский женский монастырь 36
2.3. Иркутский Князе-Владимирский мужской монастырь 44
2.4. Братская Спасская пустынь 46
2.5. Киренский Троицкий мужской монастырь 49
Контрольные вопросы 56

Глава 3
Архиереи и подвижники благочестия Иркутской епархии **57**
3.1. Первые архиереи Иркутской епархии *(Санников А. П.)* 57
3.2. Вскрытие погребения архиепископа Иркутского Михаила Бурдукова *(Дулов А. В.)* 66
Контрольные вопросы 73

Глава 4
Народ и православие **74**
4.1. Церковный брак, семейные отношения, развод в Иркутске в XIX веке *(Погодаева И. А.)* 74
4.2. Формирование и состав старообрядчества Байкальской Сибири *(Костров А. В.)* 92
Контрольные вопросы 110

Глава 5
Иркутская епархия в советский период 111
5.1. Хроника преследований и репрессий церковно-священнослужителей и монашества Иркутской епархии *(Крючкова Т. А.)* 111
5.2. Иркутские храмы и региональная церковная политика (по материалам Свято-Троицкой церкви в Иркутске) *(Смолина И. В.)* 159
Контрольные вопросы 177

Заключение 178

Указатель по истории православия в Восточной Сибири
(Дулов А. В., Санников А. П.) 183

Примечания **197**

Введение

История православной церкви по-прежнему остается одной из основных востребованных направлений исторических исследований. К 270-летию Иркутской епархии был подготовлен сборник «Апостол Аляски», посвященный актуальным вопросам истории Иркутской епархии и деятельности Иннокентия Вениаминова. В 1998 г. сотрудниками Иркутского государственного университета и активистами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был выпущен сборник научных статей «Из истории Иркутской епархии». В 2005 г. при поддержке Межрегионального института общественных наук при ИГУ была проведена конференция «Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие», по итогам которой был издан сборник материалов. За последние годы появилось немало публикаций по данной тематике.

История религий и конфессий также изучается по ряду направлений («История», «Музеология», «Религиоведение» и др.) по программам высшего профессионального образования. При этом явно ощущается недостаток современной учебной и учебно-методической литературы по данным дисциплинам. Авторы настоящего учебного пособия попытались выделить ряд вопросов из истории Иркутской епархии, раскрывающих судьбы православия на территории Иркутской епархии и Восточной Сибири.

В первой главе освещаются основные этапы развития Иркутской епархии. Несмотря на то что уже имеются статьи на эту тему, есть смысл рассмотреть подобный материал и в учебном пособии, но с несколько иных позиций. Такая попытка предпринята профессором А. В. Дуловым и доцентом А. П. Санниковым. Эти же авторы описывают историю всех пяти монастырей, действовавших на территории Иркутской епархии.

Обзор деятельности первых иркутских архиереев подготовлен А. П. Санниковым. О редком событии – вскрытии погребения архиепископа Михаила Бурдукова в 1980 г. – рассказывается в материале, частично основанном на воспоминаниях А. В. Дулова. Автором приведена уникальная иллюстрация – рисунок крышки гроба архиепископа.

Доцент А. В. Костров характеризует особенности формирования старообрядчества на территории Восточной Сибири.

Т. А. Крючкова, автор многочисленных работ об истории иконописания и церковной жизни Сибири, собрала большой архивный материал о жестоких незаконных репрессиях против духовенства Иркутской епархии в 1920–1930-х гг. Изучив 105 архивных дел, она составила летопись преследований этой категории населения. Оказалось, что 154 представителя монашества и клира были привлечены к уголовной ответственности за «антисоветскую деятельность». Половина из них была расстреляна (большинство – в 1937–1938 гг.), остальные отбывали срок в лагерях, откуда вернулись лишь немногие.

И. В. Смолина рассказывает о борьбе верующих с советской администрацией за право вести богослужения в Троицкой церкви Иркутска.

Полезным для начинающих исследователей и любителей истории может оказаться список научных работ по истории православия в Восточной Сибири, содержащий более 200 названий. Он приведен в конце книги.

Таким образом, настоящее учебное пособие позволит студентам, изучающим историю православной церкви, восполнить свои знания по истории региональных церковных организаций.

А. В. Дулов, А. П. Санников

Глава 1

ИРКУТСКАЯ ЕПАРХИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ*

Устройство административно-церковных дел в Восточной Сибири началось с учреждения Иркутского викариатства, которое было образовано в 1706 г. тобольским митрополитом Филофеем (Лещинским). Его главой в декабре 1706 г. стал Варлаам (Коссовский), именовавшийся епископом Иркутским и Нерчинским. Под его управление передавалось южное Прибайкалье и Забайкалье (Даурская десятина), за исключением Селенгинского Троицкого монастыря и приграничных с Китаем территорий, что составляло 42 церкви и 4 монастыря: Иркутский Вознесенский мужской (1672 г.), Иркутский Знаменский женский (1693 г.), Посольский Спасо-Преображенский мужской (1682 г.), Нерчинский Успенский мужской (1664 г.)[1].

Епископ Варлаам прибыл в Иркутск в 1707 г. и управлял викариатством 2,5 года. В 1709 г. из-за конфликта с тобольским митрополитом о юрисдикции Киренской десятины и недостаточном содержании он покинул Иркутск и направился в столицу, где до 1714 г. представлял Сибирь в Синоде, а после получил новое назначение. В 1721 г. Иркутское викариатство неожиданно получило нового главу – опального митрополита Крутицкого Игнатия (Смолу), который предпочел через несколько дней после назначения удалиться в пустынь, чем отправляться в отдаленный край. Реально административные функции исполняли местоблюстители, назначавшиеся из настоятелей Иркутского Вознесенского монастыря – Антоний (Платковский), Мисаил

* Глава подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00308

(Трусов), позднее иркутский протоиерей П. Г. Шульгин. Викариатство прекратило свое существование после учреждения Иркутской епархии.

Иркутская и Нерчинская епархия образована в 1727 г. Ее первым главой стал Иннокентий (Кульчицкий), именовавшийся епископом Иркутским и Нерчинским. Первоначально границы новой епархии совпадали с границами викариатства и только в 1731 г. последовало решение о передаче в ее состав Киренского, Якутского духовных правлений, Забайкалья и Дальнего Востока. Размежевание сибирских епархий завершилось в 1733 г., при втором иркутском епископе Иннокентии (Неруновиче). В 1798 г. был проведен очередной пересмотр границ Иркутской епархии, в состав которой включили часть приходов Енисейского края, а в 1796 г. – Алеутские острова и Аляску.

Административно-церковное оформление епархии явилось результатом распространения православия в Восточной Сибири, начавшегося в XVII в. с появлением в крае русских поселенцев и часовенного строительства. Первой церковью в Восточной Сибири считается Енисейская Введенская, возведенная в 1623 г. В дальнейшем храмы строятся в 1631 г. в Братском, в 1641 г. в Якутском, в 1645 г. в Илимском, в 1648 г. в Баргузинском, в 1652 г. в Нижнеудинском, в 1656 г. в Киренском, в 1672 г. в Иркутском и др. острогах. К началу XVIII в. их уже насчитывалось более 50[2]. Первым монастырем в Восточной Сибири был Енисейский Христо-Рождественский женский монастырь (1623 г.). В 1642 г. основан Спасский Енисейский мужской монастырь. Всего же в регионе к концу XVII в. было основано 14 монастырей – 12 мужских и 2 женских[3]. Все они входили в состав обширной Тобольской митрополии. В XVII в. правительство дважды пыталось учредить в Сибири новые епархии (1667 и 1681 гг.) «в Енисейске и на Лене», но сделать это не удалось.

Центр новой епархии был избран не случайно: к 1727 г. в городе имелось 8 церквей и 2 монастыря, при этом Иркутск динамично развивался и являлся административным центром.

Учреждение новой епархии способствовало укреплению православия в Восточной Сибири. Активизировалось строительство церквей, число которых увеличилось с 42 в

начале XVIII в., до 73 в 1731 г.; в 1754 г. числилось уже 99 церквей, а в 1799 г. – 182. В большинстве своем церкви были деревянными, число каменных храмов было незначительным. Только в Иркутске к 1800 г. все 13 церквей были каменные.

Особо выделялась Спасская церковь, перестроенная в каменную в 1710–1713 гг. под руководством мастера каменных дел М. И. Долгих[4]. Ее восточная стена была украшена живописью, сочетавшей библейские легенды и сюжеты из истории Иркутска. В 1758 г. к Спасской церкви пристроили каменную колокольню с «боевыми часами» (установлены в 1791 г.).

Главным храмом епархии вплоть до середины XIX в. являлся Богоявленский собор (1693–1695 гг.). Изначально он был деревянный, и во время пожара в 1716 г. сгорел. Восстановили собор на пожертвования иркутян. Работами руководил подмастерье каменных дел В. Гаряев. Основные строительные работы завершились в 1731 г., а отделка продолжалась до 1746 г. Регулярные богослужения в нем проводились уже с 1724 г. Собор отличался великолепием и вмещал до 2 тыс. верующих. Здесь же находилась усыпальница иркутских архиереев.

С 1727 по 1744 г. основным распорядительным органом епархии являлся архиерейский приказ, размещавшийся в Вознесенском монастыре. В 1746 г. была создана духовная консистория, находившаяся там же. Только после постройки в 1755 г. каменного архиерейского дома церковную администрацию перевели в Иркутск. Территория епархии была разделена на 6 округов – духовных правлений, во главе с заказчиком.

Приходы Иркутской епархии в XVIII в. отличались разбросанностью малочисленных поселений и значительной удаленностью церквей друг от друга. К концу XVIII в. в Иркутском духовном правлении средняя удаленность составляла 27 верст, в Балаганском – 50, в Киренском – 80. При общем увеличении количества церквей постоянно происходил рост числа прихожан. В конце XVII в. Одна приходская церковь объединяла около 600, а в конце XVIII в. – более 900 верующих.

Обеспечение церквей клиром являлось серьезной проблемой для иркутских архиереев. К церквям определяли духовных лиц из России, оказавшихся в Сибири. С 1725 по 1746 г. действовала школа при Вознесенском монастыре. Однако

недостаток кадров привел к тому, что правительство в 1739 г. разрешило определять к церквям выходцев из податных сословий с их освобождением от податей. Иркутская епархия являлась единственной в России, для которой было сделано подобное исключение. Со второй половины XVIII в. церковные места стали заполняться детьми духовенства, а в 1779 г. в Иркутске была открыта семинария, что позволило значительно снизить остроту кадровой проблемы. Большинство причтов епархии получали содержание от приходских общин. К концу XVIII в. годовой доход священника составлял более 75–80 руб., дьякона – 50–60 руб., причетников – 35 руб. Уровень дохода приходского священника соответствовал доходам зажиточного крестьянина или внеклассного чиновника (подканцеляриста или канцеляриста).

В 1731 г. Иркутской епархии были переданы Селенгинский Троицкий (1681 г.), Якутский Спасский (1663 г.), Киренский Троицкий (1663 г.) мужские монастыри, Братская Спасская пустынь (1671 г.), а также Нижнекамчатская Успенская пустынь Якутского монастыря. Таким образом, в епархии числилось 9 монастырей (7 самостоятельных и 2 приписных). Их особенностью была малочисленность братии (в 1745 г. – 117 монашествующих), несмотря на довольно устойчивое экономическое положение монастырей. Накануне секуляризации монастырям принадлежало около 3 тыс. десятин пашни и около 2 тыс. душ мужского пола (м. п.) зависимых крестьян. Реформа 1764 г. нанесла монастырям серьезный удар. Все они лишились вотчин, 5 из 9 монастырей отнесли к 3-му классу, с годовым содержанием 806 руб. 30 коп. Якутский Спасский монастырь оказался «на своем содержании», а Нерчинский Успенский монастырь, Братская Спасская и Нижнекамчатская Успенская пустыни прекратили свое существование. На грани закрытия оказался единственный женский монастырь епархии – Иркутский Знаменский, выстоявший благодаря поддержке епископа Софрония и Синода.

В XVIII – начале XIX в. во главе епархии сменилось пять архиереев. Каждый из них запомнился верующим по-своему. Епископ Иннокентий (Кульчицкий) сумел заслужить уважение со стороны прихожан, показав пример истинно нравственного религиозного служения. Являясь одним из образо-

ваннейших людей своего времени, он много внимания уделял исправлению нравов духовенства и прихожан.

Второй епископ – Иннокентий (Нерунович) обустроил епархию, заботился о церковном образовании и миссионерской деятельности, занимался вопросами церковного строительства. Число церквей в годы его управления епархией практически удвоилось. Софроний (Кристаллевский) восстановил управляемость, помог с обустройством многих церквей (например, лучшие колокола в Иркутске появились в период его управления епархией), сохранил большинство монастырей епархии после реформы 1764 г. Иркутянам он запомнился тем, что остановил деятельность следователя-самодура Крылова.

Несомненной заслугой Михаила (Миткевича) является открытие в 1779 г. в Иркутске духовной семинарии. Наиболее долго пребывал на иркутской кафедре епископ Вениамин (Багрянский) с 1789 по 1814 г. Необходимо отметить, что за исключением периода с 1747 по 1753 г., Иркутская кафедра практически не пустовала: это свидетельствовало о том, что высшее духовенство перестало считать назначение в Иркутскую епархию проявлением царской немилости или почетной ссылкой. В этом немалая заслуга иркутских архиереев XVIII в.

Важным событием в истории развития Иркутской епархии XIX в. стала канонизация Синодом в декабре 1804 г. Иннокентия Кульчицкого. В феврале 1805 г. были проведены торжественные церемонии перенесения его мощей в главную церковь Вознесенского монастыря. Вплоть до 1918 г. Иннокентий оставался единственным общероссийским святым на территории Сибири, что сразу повысило значимость и Вознесенского монастыря, ставшего популярнейшим из монастырей Сибири, и в 1836 г. переведенного в 1-й класс.

В 1822 г. в состав Иркутской епархии была включена территория Енисейской губернии. Самая восточная епархия России оказалась самой большой по территории – около 10 млн кв. км, занимая более половины всего пространства страны и простираясь на два материка. С 1834 г. начинается процесс постепенного уменьшения епархии, на окраинах которой учреждаются новые церковные области. В 1834 г. образована епархия Томская и Енисейская, в состав которой

вошел бассейн р. Енисея. В 1840 г. из восточной окраины Иркутской епархии образована Камчатская, Курильская и Алеутская. В 1852 г. в состав этой епархии вошла территория Якутии. В 1894 г. учреждена Забайкальская епархия. В результате в конце XIX в. Иркутская епархия была ограничена территорией Иркутской губернии. Главой Иркутской епархии с 1816 г. именовался епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский, с 1852 г. – Иркутский и Нерчинский, а с 1894 г. – Иркутский и Верхоленский.

В 1826 г. Иркутская епархия переведена из 3-го класса во 2-й, а ее архиерей стал архиепископом. В дальнейшем все владыки получали тот же сан, иногда – не сразу. Остальные сибирские епархии возглавлялись епископами.

До 1814 г. епархией управлял епископ Вениамин (Багрянский). По словам иркутянина-писателя И. Калашникова, он «…был человек высокого образования и необыкновенного ума, нрава строгого и вспыльчивого… Духовенство во многом при нем улучшилось, духовные его уважали и крайне боялись»[5]. Решения Вениамина о перемещениях должностных лиц и наказаниях духовенства были не всегда взвешенными, что вызвало написание жалоб в Синод. Синод назначил комиссию для расследования деятельности епископа, чем воспользовался губернатор-сатрап Н. И. Трескин, поставивший архиерея в зависимое положение. Однако комиссия серьезных нарушений не выявила.

Следующим епископом стал Михаил (Бурдуков), управлявший до 1830 г. При нем в 1819 г. в Иркутске открылось отделение Библейского общества. Михаил долгое время не вмешивался в дела управления Иркутской губернией, но затем решительно выступил против губернатора Н. И. Трескина, установившего режим массовых поборов и насилий. Письма Михаила к петербургским официальным лицам, наряду с жалобами других иркутян, заставили правительство в 1819 г. назначить ревизию М. М. Сперанского, закончившуюся снятием с должности Трескина и ряда его чиновников. При Михаиле была произведена реорганизация Иркутской духовной семинарии, впервые отправлено несколько ее выпускников в духовную академию, открыты духовные училища.

Епископ Ириней (Нестерович) отличался энергией, требовательностью к подчиненным, сильным характером. Он

попытался обуздать генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, установившего для себя противозаконные почести в церкви. Но Лавинский оклеветал Иринея и добился указа о его переводе в один из монастырей Вологодской губернии (1831 г.). Однако следствие, начатое по инициативе Иринея, привело затем к снятию с должности и самого Лавинского.

Выдающимся деятелем церкви был архиепископ Нил (Исаакович), управлявший епархией с 1840 по 1853 г. Это был высокообразованный человек, большие способности которого признавали даже декабристы. Им написан солидный труд «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», книга «Путевые заметки по Сибири»[6], ряд крупных статей. Ему принадлежат переводы на бурятский и монгольский языки религиозной литературы. Он активно занимался храмостроительством, много сил отдавал миссионерскому делу. Однако его стремление приводить в лоно официальной церкви бурят и старообрядцев жесткими мерами вызвало недовольство генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, по настоянию которого Нил был переведен в Ярославль. По просьбе Муравьева-Амурского был переведен в другую епархию и архиепископ Евсевий (Орлинский), за то, что он резко осудил поведение иркутских чиновников, которые в 1859 г. принудили к дуэли чиновника Неклюдова, убитого при весьма сомнительных обстоятельствах.

В 1828 г. в епархии было 310 церквей (в Иркутской губернии – 96, Енисейской – 98, в Забайкалье – 101, Якутии – 15), в 1863 г. – 229 (121 церковь в Иркутской губернии и 108 в Забайкальской области), а в 1914 г. – 223 церкви и 207 часовен и молитвенных домов. В храмостроительстве епархии наблюдался значительный удельный вес каменных церквей для первой половины XIX в. (ввиду запрета на деревянное строительство со стороны Синода), и резкое возрастание доли деревянных церквей с середины XIX в., вызванное разрешением строить деревянные церкви по типовым проектам, что дало возможность возводить их дешевле, без участия архитектора.

До 1840 г. близлежащие церкви (от 10 до 30) объединялись в духовные правления, впоследствии замененные бла-

гочинными округами. Благочинные назначались из числа опытных и хорошо зарекомендовавших себя священников. Раз в полгода они объезжали подведомственные им церкви, проверяли деятельность духовенства. На территории Иркутской губернии в 1863 г. благочинных округов было 13, а в 1914 г. – 20.

В XIX в. наибольшую известность в Восточной Сибири приобрел Вознесенский монастырь, ставший духовным центром епархии. Здесь было 4 церкви, часовня над могилами монастырских старцев, гостиница, школа, здания келий, хозяйственные постройки. Высокая колокольня, пятиглавый Вознесенский собор, другие церкви и постройки отличались красотой и богатством. В монастыре жило в 1900 г. 250 обитателей, а в 1914 г. – 143 человека[7].

Довольно известной и крупной обителью был Знаменский монастырь, находившийся в Иркутске. В нем в начале XX в. насчитывалось 16 различных построек. Здесь, кроме церквей, находились кельи, трапезная, школа, больница, корпус свечного завода и другие хозяйственные постройки. Монахини выпекали хлеб, вышивали ризы и облачения, ухаживали за скотом, разводили пчел, изготовляли свечи. На рубеже XIX–XX вв. в монастыре находилось более 120 монахинь и «белиц»[8].

В 1903 г. в Иркутске при Князе-Владимирской церкви за Ушаковкой был открыт Князе-Владимирский мужской монастырь.

Небольшим монастырем оставался старейший в губернии Киренский Троицкий, где число монашествующих не превышало 10 человек.

Большое значение в Иркутской епархии придавалось духовному образованию. В начале XX в. здесь действовала мужская духовная семинария, численность воспитанников которой в 1911 г. достигло 150 человек, церковно-учительская семинария, женское училище духовного ведомства, 4 второклассные учительские школы и 4 двухклассных церковно-приходских школы. Образовательный уровень преподавателей семинарии был высоким. По данным за 1914 г., в мужской семинарии из 20 преподавателей 14 имели высшее образование, в церковно-учительской из 10 наставников – 7. Почти при каждой церкви действовала церковно-

приходская школа. В 1910 г. их было в епархии 194 с 6 601 учащихся, а к концу 1913 г. число школ достигло 229, а учеников – 7 593. Несмотря на низкий уровень преподавания, церковно-приходские школы давали первоначальные знания и положительно влияли на нравственность детей.

Постепенно повышался уровень подготовленности священников. Если в 1828 г. лишь 23 % священников епархии имели семинарское образование, то в 1855 г. их было уже 58 %, в 1880 г. – 79 %, а в начале XX в. – почти все священники имели образовательный ценз. С 1822 г. в епархии появляются выпускники духовных академий. Материальное положение городских священников в XIX – начале XX в. в целом было близким к уровню богатых мещан или мелких купцов, а в сельской местности могло опускаться до уровня среднего или зажиточного крестьянина. С 1844 г. приходское духовенство стали переводить на государственное содержание. В деревнях членам клира предоставлялись сельским обществом дома, церковная земля или руга. Материальное положение псаломщиков было значительно ниже, иногда снижаясь до уровня бедноты. В наиболее глухих местностях в бедности жили даже священники. Все это нередко вынуждало членов клира искать дополнительный заработок. В среднем на каждую церковь епархии в конце XIX в. приходилось по 2,34 члена причта, что выше общероссийского показателя и показателя других епархий Сибири. Это связано со значительным количеством двух- и трехклирных храмов в епархии. Средняя людность семьи иркутского духовенства равнялась 4,18 – показателю более низкому, чем в среднем по стране. Семьи священников, имевших лучшее материальное положение, были в 2–3 раза многолюднее, чем у псаломщиков. В городах удельный вес духовенства был значительно выше, чем в сельской местности. Хотя далеко не все священнослужители отвечали идеалу духовного пастыря, большинство из них, даже нарушая некоторые нормы поведения, все же стояли в нравственном отношении несколько выше основной массы прихожан. Оценка священнослужителей народом в целом не была особенно высокой, и несколько ухудшилась к началу XX в., но жалобы на членов причта поступали сравнительно редко.

Духовенство нередко жаловалось на недостаток «благочестия», что было вызвано, вероятно, проявлением недовольства навязанностью ряда «христианских обязанностей» – ежегодной исповеди, постов, обязанности посещать церковь в выходные и праздничные дни. Соотношение числа исповедавшихся к тем, кто обязан был выполнять эту обязанность, можно приблизительно оценить в 40–60 % для 30–50-х гг. XIX в. и 50–60 % для рубежа XIX и XX вв. Посещаемость исповедей в городах была выше, чем в сельской местности. Однако внутренняя религиозность была присуща большинству населения: оно соблюдало церковные праздники, молилось и в домашней обстановке, знало важнейшие постулаты веры, в значительной степени соблюдало нравственные нормы.

В 1862 г. в епархии была введена должность викарного епископа Селенгинского, который находился в Посольском монастыре, был руководителем духовной миссии. В 1883 г. открыто второе викариатство – Киренское. Викарный епископ Киренский должен был управлять Иркутским Вознесенским монастырем.

Особая роль Иркутска в религиозной жизни Сибири подчеркивалась строительством Богородице-Казанского кафедрального собора (1875–1894 гг.). Собор значительно превосходил своими масштабами остальные сибирские церкви. Он поднялся в высоту на 60 м, вмещал 5 тыс. человек, имел 6 престолов. По оценкам современников, среди провинциальных этот собор по величине и пышности стоял на 4-м месте в России.

С 1863 г. стали выходить «Иркутские епархиальные ведомости» – первые в Сибири.

Миссионерская деятельность в епархии особенно усилилась с 60-х гг. XIX в. при архиепископе Парфении. За это время (1860–1873 гг.) было построено 11 миссионерских станов. В 1908 г. – в Иркутской миссии было 24 стана.

В 1891 г. в целях христианизации бурят было использовано пребывание в губернии наследника престола Николая Александровича: крестившиеся мужчины получали имя Николай. Вплоть до конца XIX в. в целях крещения применялись иногда материальные стимулы и даже меры принудительного характера. В 1905 г., после манифеста о веротер-

пимости, часть населения выходит из православия. В целом же миссионерская деятельность привела к росту числа православных в Иркутской губернии: в 1911 г. они составляли 85,8 % населения (ниже, чем в Енисейской епархии и Якутии, но выше, чем в Забайкалье). Язычников было в Иркутской губернии 6,93 %.

Энергичным администратором был архиепископ Вениамин III (Василий Благонравов), возглавлявший епархию с 1873 по 1892 г. Он быстро восстановил единовластие в управлении епархией, ослабленное при его предшественнике, установил строгий контроль над финансовой деятельностью церквей. В 1881 г., когда по городам России прокатилась волна еврейских погромов, он отдал распоряжение, чтобы по всем церквям города священники проповедовали против подобных действий в Иркутске. В результате никаких погромов здесь не было. В 1884 г. он издал распоряжение и наставление о внебогослужебном церковном обучении детей истинам христианской веры, одобренное руководством церкви и рекомендованное к распространению в других епархиях.

Бурные события начала XX в. заставили иркутское духовенство принимать участие в общественно-политической жизни. В формировавшейся многопартийной системе они сделали ставку на политические партии правой и центристской ориентации. Священник М. Смирнов являлся одним из руководителей иркутского отдела партии кадетов. Архиепископ Тихон активно поддерживал «Союз русского народа». В 1907 г. он баллотировался по списку этой партии в состав иркутских выборщиков, но набрал всего 632 голоса, что было более чем в два раза меньше чем у социал-демократов (меньшевиков) и кадетов. Поражение на выборах заставило православные власти несколько дистанцироваться от прямой поддержки какой-либо партии. В период выборов в Учредительное собрание в 1917 г. было решено поддерживать политиков, которые «ближе к христианству»[9].

Февральскую революцию 1917 г. духовенство встретило в основном одобрительно. Проходивший в мае 1917 г. епархиальный съезд поддержал создание демократической республики, а также принял решение о продолжении работы по канонизации епископа Софрония. После Октябрьской

революции иркутское духовенство поддержало патриарха Тихона. В ходе гражданской войны значительная его часть поддерживала Колчака.

После восстановления Советской власти на Иркутскую епархию, как и православную церковь в целом, обрушилась волна репрессий. В Иркутске в 1920 г. были закрыты семинария и духовные училища. Власти не позволили восстановить печатное издание епархии – «Иркутские епархиальные ведомости», а в большевистской прессе развернулась антицерковная кампания. В 1921 г. были вскрыты мощи Иннокентия Кульчицкого и вывезены из города. В 1921–1923 гг. неоднократно проводилось изъятие церковных ценностей, в результате ряд церквей остались без утвари. Началось закрытие церквей. Деятельность монастырей была ограничена, что привело к их упразднению в начале 30-х гг. XX в. Над архиепископом Анатолием (Каменским) в 1922 г. был проведен показательный судебный процесс. В 1927 г. пять священников были высланы за пределы Иркутской области, в 1933 г. ОГПУ арестовало двенадцать монахов и священников, но вскоре вынуждено было их выпустить. В 1937 г. по бездоказательным обвинениям девяносто восемь представителей иркутского духовенства были расстреляны, а семнадцать человек направлены в лагеря. Был арестован и, не выдержав тяжелейших условий заключения и допросов, скончался в тюрьме архиепископ Иркутский Павел (Павловский).

Серьезным дезорганизующим фактором в деятельности епархии стал раскол (1922–1931 гг.) иркутской церкви на «тихоновскую» и обновленческую.

Указом Синода в 1931 г. была образована Восточно-Сибирская митрополия с центром в Иркутске. В ее состав вошли епархии Иркутская, Киренская, Читинская, Сретенская, Канская, Красноярская, Верхнеудинская, Якутская. С 1943 по 1948 г. Иркутская епархия была упразднена, а ее приходы включены в состав Новосибирской епархии[10].

В 1948 г. произошло восстановление Иркутской епархии, а ее глава получил титул епископа Иркутского и Читинского. Однако отношения с властью оставались сложными. Пропаганда проповедовала стереотип атеистического мышления, ориентировалась на показ вреда религий. Под любыми предлогами закрывались церкви, снимались с регистра-

ции религиозные объединения. В 1980-х гг. на территории Иркутской области насчитывалось лишь 10 действующих церквей, 3 из которых были в Иркутске. Крупные города, за редким исключением, вообще не имели православных приходов. Не было ни одного действующего монастыря.

Только в условиях перестройки стало меняться отношение государства к религии. Возрос общественный интерес к православной церкви. С 1989 г. началось возрождение епархии. В 1990 г. в Иркутск были доставлены мощи св. Иннокентия. Началось возвращение церковных зданий и имущества. В 1994 г. Синодом учреждаются новые епархии в Сибири. Иркутская епархия вновь была ограничена территорией Иркутской области, а ее архиерей стал именоваться епископом Иркутским и Ангарским. С 1990 г. епархию возглавляет архиепископ (с 2012 г. – митрополит) Вадим (В. А. Лазебный). В 1994 г. возобновилась деятельность Знаменского женского монастыря, возрождается Князе-Владимирский мужской монастырь, восстанавливаются и строятся новые храмы. В 2001 г. в епархии действовало около 100 церквей.

Архиереи Иркутской епархии

Архиереи (до раскола 1918 г.): Иннокентий Кульчицкий (1727–1731), Иннокентий Нерунович (1732–1747), Софроний Кристаллевский (1753–1771), Михаил Миткевич (1772–1789), Вениамин Багрянский (1789–1814), Михаил Бурдуков (1814–1830), Ириней Нестерович (1830–1831), Мелетий Леонтович (1831–1835), Иннокентий Александров (1835–1838), Нил Исакович (1838–1853), Афанасий Соколов (1853–1856), Евсевий Орлинский (1856–1860), Парфений Попов (1860–1873), Вениамин Благонравов (1873–1892), Тихон Денебин-Троицкий (1892–1911), Серафим Мещеряков (1911–1915), Иоанн Смирнов (1916–1918).

Архиереи-тихоновцы: Зосима Сидоровский (1918–1920), Иаков Пятницкий (1920), Анатолий Каменский (1920–1922, 1924), Гурий Степанов (1924–1926), Кирилл Соколов (1924–1925), Ираклий Попов (1925–1927), Евсевий Рождественский (1926), Даниил Шерстенников (1926–1927), Варсонофий Лузин (1928–1930), Дионисий Прозоровский (1930–1933), Павел Павловский (1933–1937).

Архиереи-обновленцы: Николай Чижов (1922–1923), Василий Виноградов (1923–1926), Илия Фокин (1927–1928), Владимир Злобин (1928–1930), Петр Добринский (1930–1931), Алексей Копытов (1931–1932), Константин Знаменский (1934–1938).

Архиереи Киренской обновленческой епархии: Геронтий Шевлягин (1923–1924), Василий Виноградов (1924–1925), Николай Коблов (1924–1926)

С 1943 по 1948 г. приходы Иркутской епархии находились в ведении Новосибирской кафедры. В 1948 г. восстановлена Иркутская и Читинская епархия. **Архиереи:** Ювеналий Килин (1948–1949), Палладий Шерстенников (1949–1958), Вениамин Новицкий (1958–1973), Владимир Котляров (1973–1975), Серапион Фадеев (1975–1980), Мефодий Немцов (1980–1982), Ювеналий Тарасов (1982–1984), Хризостом Мартишкин (1984–1990), Вадим Лазебный (с 1990).

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте положение православной церкви в Восточной Сибири к моменту открытия самостоятельной Иркутской епархии?
2. В каком году была открыта Иркутская епархия и кто был ее первым епископом? Что вы знаете о нем?
3. Какие территории Восточной Сибири входили в состав Иркутской епархии к началу XIX в.?
4. Как изменились границы Иркутской епархии в XIX в.?
5. Какие политические силы поддерживало православное духовенство в начале XX в.?
6. В каком году Иркутская епархия была восстановлена и как изменились ее границы во второй половине XX в.?

Глава 2

МОНАСТЫРИ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ*

2.1. Иркутский Вознесенский мужской монастырь

Из всех монастырей Иркутской епархии наиболее значимым и известным являлся Вознесенский мужской монастырь. Судьба монастыря неразрывно связана с историей Иркутска и Иркутской епархии.

Основателем Вознесенского монастыря был старец Герасим, появившийся в Иркутском остроге через несколько лет после его постройки. В конце 60-х гг. XVII в. он удалился из острога, остановился в четырех верстах от него на противоположном берегу Ангары и построил небольшой скит, на заранее облюбованном месте. В 1669 г. вокруг скита собралась небольшая община верующих из «людей всякого звания и чина», основавшая пустынь. В том же году старец Герасим подал енисейскому воеводе челобитную о закреплении земли под монастырские строения[1].

Однако строительство монастыря оказалось невозможным без помощи государства. Огромную поддержку в деле основания обители оказали жители Иркутского острога, о чем свидетельствует грамота митрополита Корнилия: «Лета 7180-го (1672) декабря в 2 день великому господину… Корнилию митрополиту Сибирскому и Тобольскому били нам челом Енисейского уезду Иркутского острогу сын боярской Иван Максимов и служилые люди казачей пятидесятник Анисимко Михалев, десятник Ивашко Турчанин с товарищи, чтоб нам… их благословити и велети б старцу Герасиму в

* Глава подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13–01–00308.

Иркутском остроге по край Ангары реки построить монастырь и церковь воздвигнуть во имя Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа… и мы… Корнилий митрополит Сибирский и Тобольский пожаловали их и…благословили»[2]. Таким образом, 1672 г. стал годом основания Вознесенского монастыря.

После получения «благословенной грамоты» монастырь начал активно застраиваться. Первой постройкой стала деревянная церковь Вознесения Господня, давшая название всей обители, затем возвели кельи для братии и ограду. В самом монастыре проживало в это время три иеромонаха, иеродьякон и несколько монахов.

Одним из самых тяжелых для монастыря стал 1679 г. В этом году случился пожар, уничтоживший все монастырские постройки. Казалось бы, обители нанесен смертельный удар, но она выстояла. Все заботы по восстановлению монастыря взяли на себя сами монашествующие во главе со старцем Исаией. В 1680 г. вновь заложили Вознесенскую церковь на мирские сборные средства и при финансовой поддержке Вавилы Григорьева. В 1686 г. она была вновь воздвигнута, а в 1690 г. освящена. К началу 90-х гг. XVII в. братии удалось полностью восстановить все строения, а в 1692 г. построить новую церковь во имя Тихвинской Божией матери.

Вести активное строительство монастырю давала возможность его хозяйственная деятельность. Особую роль в становлении экономического положения монастыря сыграл игумен Макарий. В конце XVII – начале XVIII вв. он добился от властей пожалований для Вознесенского монастыря целого ряда деревень и заимок. В разные годы к монастырю были приписаны Введенское, Бадайское, Усольское, Тайтуркское, Узколугское, Еланское, Баклашинское, Мальтинское и др. селения. Вокруг самого монастыря сформировалась Подгородно-Жилкинская слобода.

Монастырь активно способствовал заселению своих вотчин. Для этого поселенцам, на первых порах, оказывалась материальная помощь при обустройстве: семенным материалом, скотом, инвентарем. Пользуясь нехваткой женщин в начале колонизации края, монастырь сумел обеспечить «женским элементом» свои селения. Записываясь «за монастырь», поселянин получал помощь, нередко жену, при этом обязывался отдавать часть урожая обители и обрабатывать монастырские земли. «Благодеяния» накрепко привязывали крестьянина к монастырю. О том, как это происходило, свидетельствует показание бадайского крестьянина Ивана Лукьянова: «…в прошлых летах в Иркутской Вознесенской монастырь во крестьянство отдавались повольно из гулящих людей и на монастырских вкладных бабах и девках поженились и денежную и хлебную и скотинную ссуду и подмогу и пашенный всякий завод с того монастыря взяли и ссудные жилые записи в тот Вознесенский монастырь оне на себя дали, что им... за тем монастырем во крестьянах з женами и з детьми вечно по смерть их и пахать им и сеять по все годы на монастырский обиход всякому человеку по десятине ржи на год»[3]. Помимо монастырских крестьян, землю обрабатывали вкладчики.

О размерах хозяйства Вознесенского монастыря свидетельствуют данные 1728 г. В этом году в монастырских кладовых и на заимках имелось 16 944 пуда хлеба, монастырское стадо составляло 483 головы крупного рогатого скота, 110 баранов и овец, 222 лошади[4]. За монастырем числилось 52 двора, в которых проживало 195 душ м. п. [5] Кроме земледелия монастырь занимался ловлей рыбы на Байкале при деревне Голоустной. К 1755 г. за Вознесенским монастырем

значилось 464 души м. п., а накануне секуляризации – в 1764 г. – уже 614[6].

Особое место в хозяйственной деятельности Иркутского Вознесенского монастыря занимал соляной промысел. 19 января 1705 г. на Малом острове на Ангаре (близ современного Усолья-Сибирского. – *Прим. авт.*) была построена монастырская варница, названная Вознесенскою. Ежегодно на монастырской варнице совершали 144 вари, получая за одну варю 70 пудов соли[7]. Таким образом, монастырские запасы пополнялись более чем на 10 тыс. пудов соли в год, что приносило ежегодный доход около 1000 руб. В 1709 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин распорядился соляной промысел Вознесенского монастыря «взять в казну», выплатив компенсации 260 руб., по мнению настоятеля «учинив монастырскую превеликую обиду и разорение». В 1728 г., после обнародования «Устава о соляных промыслах и торговле оною…» Вознесенскому монастырю вновь разрешили заниматься соляным промыслом, выкупив их у казны с торгов за 726 руб. 84 коп. Промысел постоянно расширялся. В 1738 г. монастырь распространил хозяйственную деятельность на Большой остров, а 27 января 1747 г. выкупил последнюю частную варницу у А. В. Пивоваровой. С этого времени Иркутский Вознесенский мужской монастырь стал единоличным владельцем Ангаро-Усольского солепромысла и приписанных к нему «земляных дач»[8].

Численность монашествующих Вознесенского монастыря в XVII–XVIII вв. была невелика. К моменту открытия Иркутской епархии (1727 г.) в нем проживало 28 человек, в период секуляризационной реформы она сократилась до 12, а к концу века увеличилась до 40[9].

Иркутский Вознесенский монастырь сыграл огромную роль в организации системы управления Иркутской епархией. С 1672 г. он был включен в состав Даурской десятины Тобольской митрополии. В 1706 г. его передали во вновь учреждаемое Иркутское викариатство Тобольской митрополии. Прибывший в Иркутск в 1707 г. глава викариатства епископ Варлаам (Коссовский) подолгу останавливался в монастыре. Монастырь оказывал помощь викариатству, частично финансируя из своей казны церковное строительство, направлял иеромонахов в приходские церкви, где не было постоянных священников. В 1709 г. из-за конфликта с тобольским митрополитом Филофеем (Лещинским) и неудовлетворенности своим положением епископ Варлаам покинул Иркутск и направился в столицу, прихватив при этом ризницу из Вознесенского монастыря. Несмотря на все старания настоятелей монастыря и иркутских архиереев, возвратить ризницу в Иркутск так и не удалось.

Формально епископ Варлаам оставался главой Иркутского викариатства до 1714 г. и представлял интересы Тобольской митрополии в Москве, а после получил новое назначение. В 1714 г. по решению тобольских церковных властей была учреждена Иркутская десятина, главой которой являлся настоятель Иркутского Вознесенского монастыря. Возглавил Иркутскую десятину архимандрит Мисаил, переведенный из Селенгинского Троицкого монастыря[10].

В марте 1719 г. в Иркутск прибыл тобольский митрополит Филофей. В свите митрополита в Иркутск прибыл архидьякон Антоний (Платковский) для дальнейшего следования в Ургу[11]. В 1720 г. он был посвящен в сан архимандрита Вознесенского монастыря и оставлен управлять делами викариатства в качестве местоблюстителя. Деятельность архимандрита Антония оценивается исследователями неоднозначно. С его именем связано создание при Вознесенском монастыре школы для детей духовенства, объединение трех монастырей, конфликт с инквизиторами и сибирскими архиереями – тобольским митрополитом Антонием (Стаховским) и Иннокентием (Кульчицким).

В 1724 г. к Иркутскому Вознесенскому монастырю были приписаны Посольский Преображенский монастырь и Братская Спасская пустынь. При объединении этих монастырей

вотчины передали Вознесенскому монастырю. Туда же отправили и всю монастырскую казну. На деле объединение монастырей обернулось их практической ликвидацией. Посольский Преображенский монастырь начал приходить в запустение, хотя до этого имел устойчивое экономическое положение. Только в одной его вотчине – Куядской находилось «крестьян – 3 избы, амбаров с хлебом – 3, скирд – 17, лошадь – 131, 121 штука рогатого скота и 125 мелкого, 35 десятин засеяно озимого хлеба, 16 бочек соленой рыбы»[12]. Принимали монастырь иеромонахи Вознесенского монастыря Корнилий и Стефан. Они распоряжались как настоящие хозяева: ломали печати, замки и двери. Так, они увезли из монастыря незанесенный в опись ящик с монастырской казной в сумме 1400 руб.[13]

После объединения Посольский монастырь оказался фактически упраздненным. Это вызвало огромное неудобство для посольств и торговых караванов, отправлявшихся в Китай, так как все они останавливались в этом монастыре. Сибирскому губернатору и Тобольскому митрополиту стали поступать жалобы от торговых людей. Но, они не спешили вмешиваться в данный вопрос, так как он был решен в столице и закреплен распоряжением Синода. В тяжелейшем положении оказалась и Братская Спасская пустынь. После возвращения ей самостоятельности восстановить хозяйство оказалось невозможно, что впоследствии привело к ее упразднению.

В планах архимандрита Антония (Платковского) было объединение с Киренским Троицким монастырем, в результате под его управлением оказалось бы сразу четыре монастыря Восточной Сибири, обладавших значительным экономическим потенциалом. В 1725 г. он просил об этом Синод, но встретил резкий протест со стороны тобольского митрополита Антония (Стаховского), отстранившего архимандрита от дел церковного управления. В 1727 г. Посольский Преображенский монастырь вновь стал самостоятельным[14].

В 1721 г., в ходе реформирования государственного аппарата, правительство пошло на учреждение внеепархиального контрольного органа – института инквизиторов. Все церкви и монастыри Восточной Сибири попали под надзор провинциал-инквизитора Арсения Иевлева – иеродьякона Иркутского Вознесенского монастыря, а Иркутская десяти-

на была отнесена к ведению инквизитора Аарона – монаха того же монастыря. В результате между ними и архимандритом монастыря возник конфликт, в который были вынуждены вмешаться церковные власти Тобольска и Синод. Только упразднение самого института инквизиторов смогло его погасить.

Митрополит Антоний (Стаховский), а позднее иркутский епископ Иннокентий (Кульчицкий), начали проверку деятельности настоятеля Вознесенского монастыря. В ходе нее выявились огромные для того времени недостачи денежных сумм, списывавшиеся на создание школы. Например, из сумм Вознесенского монастыря на монастырскую школу Антоний израсходовал 7000 руб., Посольского монастыря – 3000 руб., при этом сам архимандрит остался должен монастырю 3794 руб. 62 коп.[16]

С 1727 по 1755 г. Иркутский Вознесенский монастырь стал центром епархиального управления Восточной Сибири. Здесь находилась резиденция иркутских епископов Иннокентия (Кульчицкого) и Иннокентия (Неруновича). В связи с тем что гражданские власти затянули решение вопроса о выделении земли под архиерейский дом и очень медленно вели его строительство, иркутские архиереи вынуждены были большую часть времени находиться в стенах Вознесенского монастыря. С 30-х гг. XVIII в. центром гражданской администрации Восточной Сибири являлся Иркутск, находившийся на левом берегу Ангары, а церковной – Вознесенский монастырь – находившийся на правом.

Возникавшие противоречия между властями зачастую приводили к серьезным последствиям. Наиболее острый конфликт произошел в 1736 г. 21 мая 1736 г. епископ Иннокентий (Нерунович) на обеде у откупщика И. Глазунова, после литургии и крестного хода, рассорился с вице-губернатором Плещеевым. Вице-губернатор пригрозил епископу арестом, и епископ спешно удалился в Вознесенский монастырь. Вице-губернатор приказал выставить напротив монастыря несколько пушек, на другом берегу имеющиеся орудия выставил епископ. Между противниками состоялась артиллерийская дуэль, которую удалось погасить лишь после вмешательства купечества и горожан[16].

Кроме резиденции епископа в Иркутском Вознесенском монастыре размещался архиерейский приказ (1727–1746 гг.), руководил работой которого, как правило, настоятель монастыря. С 1746 по 1755 г. в стенах Вознесенского монастыря размещалась Иркутская духовная консистория, одним из членов присутствия которой, зачастую первоприсутствующим, также являлся настоятель монастыря. Таким образом, можно предположить, что в XVIII в. архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря являлся вторым лицом в Иркутской епархии.

В 1755 г. иркутский епископ Софроний (Кристаллевский) перешел в новый архиерейский дом, построенный в Иркутске, недалеко от Богоявленского собора. Туда же по распоряжению архиерея перенесли духовную консисторию. Таким образом, гражданские и церковные власти оказались сосредоточены в одном центре – Иркутске.

Иркутский Вознесенский монастырь сыграл огромную роль в становлении духовного образования в Восточной Сибири. В нем в 1725 г. была открыта школа для детей духовенства, которая размещалась в двух избах, принадлежавших монастырю. В первой, именуемой «горницей», размещались классы, а во второй – «черной избе» – помещались школьники. Первоначально школа подразделялась на «русскую» и «мунгальскую». В «русской» школе учили азбуку, часослов, псалтырь и заповеди, а чуть позднее было введено церковное пение; в «мунгальской» – «мунгальскую» азбуку, разговорный бурятский язык и читали монгольские и китайские рукописные книги. Срок обучения точно определен не был. Окончившим школу считался ученик, прослушавший полный курс и успешно сдавший экзамены. За неуспеваемость следовало отчисление. Число учеников в разные годы было неодинаковым. В 1727 г. в ней обучалось 13 (8 – в «русской» и 5 – в «мунгальской»), в 1728 г. – 28 человек, в 1732 – 24, в 1734 – более 70[17].

Главной проблемой для школы был финансовый вопрос. Финансирование школы было возложено на монастыри. Селенгинский Троицкий, Посольский Преображенский и Киренский Троицкий монастыри должны были обеспечивать 25 учеников, а Иркутский Вознесенский – содержать учителей и помещение.

С 1727 г. заботу о школе взяли на себя иркутские архиереи. Наивысшего подъема учебное заведение достигло при епископе Иннокентии (Неруновиче), который нередко называл ее семинарией и считал любимым своим детищем.

Школа при Иркутском Вознесенском монастыре просуществовала всего 21 год, с 1725 по 1746 г. Несмотря на столь короткий период своего существования, она оказала огромное влияние на формирование приходского духовенства. Более сорока ее выпускников заняли места при иркутских приходских церквях. Значительная часть выпускников впоследствии перешла на службу в органы епархиального управления, а некоторые – на гражданскую службу. Прослушавшие курс в «мунгальской» школе нашли себе применение в качестве миссионеров, переводчиков или были направлены для служения в Китай. Таким образом, вклад школы в подготовку квалифицированных священно- и церковнослужителей оказался значительным.

С 1754 по 1787 г. Иркутским Вознесенским монастырем управлял архимандрит Синесий, много сделавший для обители. На период его управления выпало немало испытаний, связанных как с проведением правительственных реформ, так и со стихийными бедствиями, однако монастырь не только выстоял, но и получил мощный импульс для своего развития.

При Синесии было завершено строительство главного Собора Вознесения Господня, закладка которого состоялась в 1749 г. В 1759 г. под колокольней был освящен придел во имя Антония и Феодосия Печерских, а в 1767 г. главный храм. Его освящение провел епископ Софроний (Кристаллевский). На месте деревянной Успенской церкви, возведенной в 1741 г., в 1780 г. была заложена каменная, освящение которой состоялось в 1783 г.

Успешное церковное строительство проводилось в непростых экономических условиях. В 1764 г. императрица Екатерина II провела секуляризационную реформу. Все монастырские земли и промыслы были изъяты государством и переданы в Коллегию экономии. По своему статусу (в зависимости от числа монашествующих) монастырь зачислили в 3-й класс и назначили содержание в размере 806 руб. 30 коп. Для Вознесенского монастыря наступили не лучшие време-

на. Численность братии начала сокращаться. Монастырь был вынужден существовать за счет государственного содержания, пожертвований верующих и паломников. Только в конце XVIII в. удалось получить часть земельных владений и развернуть промысловую деятельность, что несколько облегчило положение монастыря.

Серьезным испытанием для обители стал пожар 11 июня 1783 г. Пострадали все церкви, были уничтожены кельи монашествующих и деревянные постройки, «колокола истопились, великий страх был»[18]. В пламени бушующего пожара уцелела только деревянная Тихвинская церковь. Спасение церкви в народе отождествлялось с нахождением мощей «божьего угодника» – первого иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого). Епископ был похоронен в кирпичном склепе под алтарем Тихвинской церкви. Впервые захоронение было вскрыто в 1764 г. при ремонте церкви, при этом свидетели констатировали факт нетленности мощей. Случай во время пожара способствовал широкому распространению культа святителя. В монастырь стали стекаться паломники. По решению епархиальных властей монашествующие стали записывать все случаи исцеления и готовить материалы для канонизации.

Одновременно с этим архимандрит Синесий создал условия для дальнейшего развития монастыря. К концу XVIII в. в Вознесенском монастыре имелось три церкви: Вознесенская, Успенская и Тихвинская, двенадцать жилых келий, часовни, хозяйственные и другие постройки. Главной своей задачей архимандрит видел повышение статуса монастыря и его перевод во 2-й класс. Однако завершить начатое дело он не успел. Только спустя 10 лет после кончины Синессия – в 1797 г. Иркутский Вознесенский мужской монастырь был отнесен ко 2-му классу, а в 1836 г. переведен в 1-й класс.

Сбор материалов для канонизации святителя завершился в начале XIX в. К этому времени «чудес» накопилось уже более 100, и епископ Вениамин направил в Синод прошение о канонизации. Его поддержали сенаторы Ржевский и Левашов. Для освидетельствования мощей в 1801 г. в Иркутск прибыл викарный епископ Свияжский Юстин, подтвердивший нетленность мощей. После этого все материалы были направлены в Синод, который 1 декабря 1804 г.

принял решение о канонизации епископа Иннокентия и установил 26 ноября днем его памяти. Это известие иркутяне встретили с ликованием. Прошли торжественные богослужения, в феврале 1805 г. состоялось перенесение мощей в соборную церковь Вознесенского монастыря. В 1808 г. купец Мыльников приобрел серебряную раку для гробницы, выполненную московскими мастерами и стоившую 14 тыс. руб.

Культ Иннокентия получил широкое распространение в Сибири. В Вознесенский монастырь стекались тысячи паломников. Повышение статуса Вознесенского монастыря стало своеобразным признанием того, что он является духовным центром Восточной Сибири. В 1840 г. в число табельных дней для Иркутска было включено 26 ноября – как день памяти святителя[19].

С 1802 г. архимандрит монастыря был одновременно и ректором духовной семинарии. В 1849 г. указом Сената монастырю к тем 30 десятин земли, которые он получил в 1797 г., были добавлены еще 120 десятин, находившиеся, правда, довольно далеко от самой обители, в 20 верстах, на правом берегу р. Ушаковки.

В Вознесенском монастыре было 5 храмов. Вознесенский собор произвел хорошее впечатление на архиепископа Нила, писавшего, что церковь эта, «хотя необширна, однакож, как по правильности расположения, так и по фасаду, достойна внимания. Особенно красивый вид придает ей портик, открытый для взора при первом входе в монастырь»[20].

Каменными были также Успенская церковь, построенная, как и собор, во второй половине XVIII в., и Смоленская, или Одигитриевская, церковь, действовавшая с 1809 г. и перестроенная в 1837 г. Продолжала стоять с первых лет XVIII в. и деревянная Тихвинская церковь, под которой в пещере многие годы покоилось тело Иннокентия. Над главными западными вратами в 1823 г. была освящена каменная Сретенская церковь.

В 1802 г. над могилою основателя монастыря старца Герасима, считавшегося местночтимым святым, возведена каменная часовня. В том же году монастырь обнесли массивной каменной оградой.

Внутри ограды находились каменный корпус, где жила братия, хозяйственные постройки. В 1839 г. была открыта

начальная школа для обучения крестьянских детей грамоте[21]. Церкви, особенно храм Вознесения, отличались богатством интерьеров, убранства и утвари.

С 1802 по 1861 г. в монастыре сменилось девять архимандритов, причем трое из них были уволены за различные упущения. В их числе знаменитый синолог Иакинф (Бичурин), управлявший монастырем с 1802 по 1806 г. Судя по перечню архимандритов[22], в среднем они управляли монастырем по шесть с половиной лет, причем их от четырех до шести раз переводили из одной местности в другую. Монахов в 1855 г. было 11, послушников – 17[23].

Вознесенский монастырь во второй половине XIX – начале XX в. оставался наиболее почитаемым в Восточной Сибири, поскольку в нем хранились мощи единственного в регионе общерусского святого Иннокентия (Кульчицкого). Монастырь имел значительные доходы (в 1880 г. – около 25 тыс. руб., а в конце XIX в. – около 50 тыс. руб. в год). В 1867 г. монастырь берет у крестьян соседнего Подгородно-Жилкинского селения 130 десятин земли в аренду на 80 лет. (В 1884 г. эти земли становятся собственностью монастыря. На них был устроен скотный двор, маслобойный и кирпичный заводы.)

В 1876 г. в этой местности строится деревянная церковь во имя Архистратига Михаила и рядом с ней дом для братии. В 1898 г. при строительстве Транссибирской магистрали более 53 десятин было передано железной дороге, и этот храм (сохранившийся до нашего времени) превратился в скит с монастырской фермой и особой братии не имел[24].

В 1910-х гг. монастырь представлял собой большую обитель, окруженную каменной стеной и насчитывавшую до 20 построек. Расположение его зданий показывает план, составленный С. И. Медведевым. Старая каменная Вознесенская церковь в 1863 г. была разобрана, и на том же месте был заложен новый Вознесенский собор, сооружение которого закончили в октябре 1872 г. Строительство собора обошлось почти в 200 тыс. руб. В нем имелось 3 престола и рака св. Иннокентия.

Выстроенный по проекту В. А. Кудельского в русско-византийском стиле пятиглавый собор стал притягательным местом для паломников. Богато украшенный интерьер

храма, его главный иконостас, фрески на южной и северной стенах, беломраморные колонны, поддерживавшие величественную арку с золотым ангелом и херувимами производили на молящихся сильное впечатление. В особом стеклянном шкафу лежали вещи, принадлежавшие епископу Иннокентию (Кульчицкому), в соборе хранилась карета Иннокентия, переданная в 1864 г.

В монастыре находилась также каменная Успенская церковь, к которой в 1870 г. была пристроена трапезная палата и братская кухня[25]. В небольшой Смоленской церкви с 1880 г. разместилась ризница, в которой имелось немало ценных облачений и икон. В хорошем состоянии поддерживалась древняя Тихвинская церковь.

В 1878–1881 гг. над главными вратами вместо разобранной Сретенской церкви была построена высокая стройная трехъярусная колокольня, уравновесившая массы собора и придавшая завершенность всему ансамблю монастыря. На верхние этажи ее вели ступени чугунной лестницы. Большой колокол весил 22,5 т. Колокольню завершал медный вызолоченный крест высотой 3,5 м.

Кроме часовни над гробом старца Герасима, в 1870 г. рядом была сооружена часовня над склепом архимандрита Синесия, умершего в 1787 г. Третья часовня построена в 1899 г. на находившейся рядом станции Иннокентьевской (ныне – Иркутск-Сортировочный).

Кроме того, в монастыре имелись два двухэтажных каменных корпуса для братии и настоятеля и ряд хозяйственных построек. Напротив монастырской колокольни в начале XX в. был возведен каменный двухэтажный корпус гостиницы для странников и богомольцев. Обычно за год монастырь посещали до 5 тыс. паломников, а в 1913 г. – 8 544 человека[26].

В 1861 г. архимандрит перестал быть одновременно ректором семинарии, а монастырь преобразовали в общежительный. С 1883 г. настоятель монастыря стал викарным епископом Киренским, а обитель стала называться Вознесенским Святителя Иннокентия монастырем.

Монастырь славился и прекрасно организованной службой. В епархиальном отчете за 1880 г. говорилось: «Богослужение в нем продолжительное, совершается строго по уставу. Для пения имеется хор из братии и учеников учили-

ща, дирижируемый опытным регентом. Каждое воскресение совершается соборне молебен св. Иннокентию, а по вторникам также правит ему акафист. Стечение богомольцев в обоих случаях бывает весьма значительное…»[27]

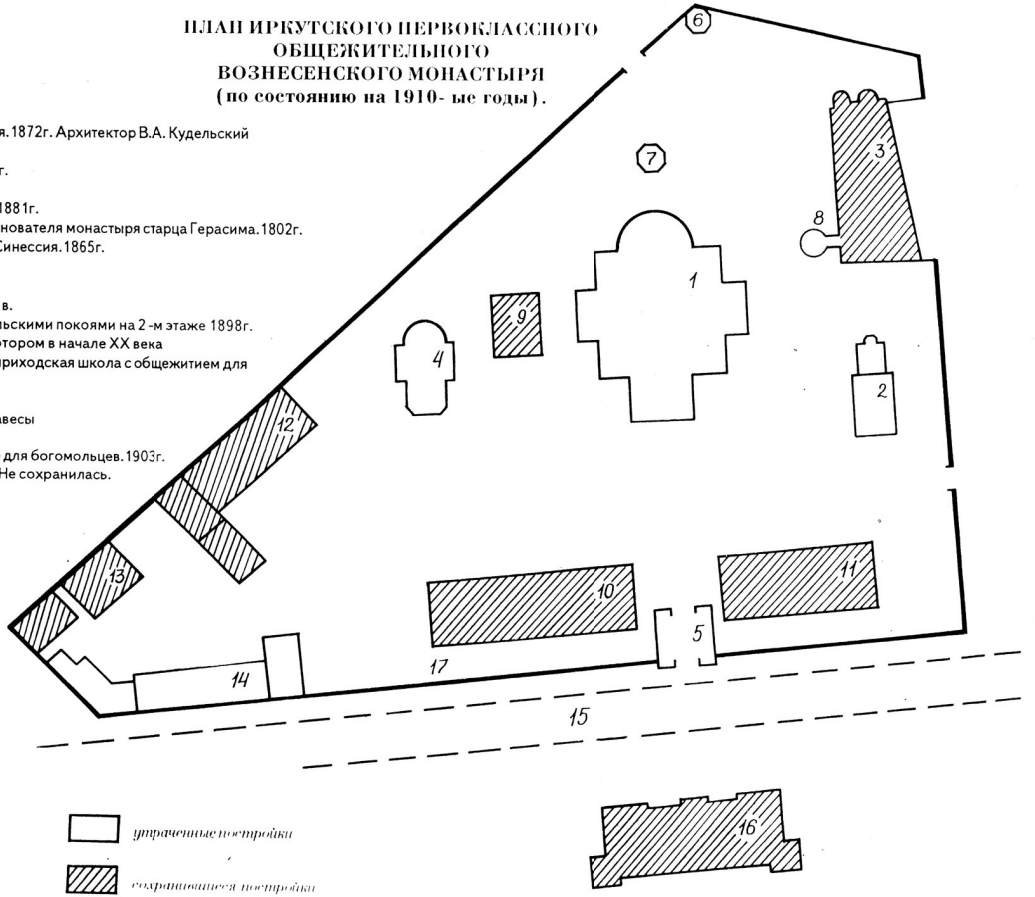
Численность проживающих в монастыре в начале XX в. была большой: кроме монахов и послушников, в нем обитали эпитимийцы (представители духовенства, наказанные за различные проступки с обязанностью некоторое время находиться в монастыре «на исправлении»). Согласно «Ведомости о монастырях и монашествующих по Иркутской епархии за 1908 г.», в монастыре было 20 монахов и 14 послушников[28]. По сведениям С. И. Медведева, в 1900 г. население монастыря составляло 250 человек, а в 1914 г. – 143 человека, в том числе: 1 настоятель, 7 иеромонахов, 1 архидьякон, 9 иеродьяконов, 1 схимонах, 8 монахов, 6 указных послушников, 62 испытуемых послушника, 32 ученика, 1 учитель, 12 служащих и рабочих, 3 коровницы[29].

Как и прежде, в монастыре существовала школа. В 1876 г. сгорело здание, в котором крестьянские дети обучались грамоте. В 1898 г. построили двухэтажный дом; в нем 40 бурятских мальчиков жили и учились в миссионерской школе. Но в сентябре следующего года он тоже сгорел. Тем не менее, монастырь в 1900 г. вновь открывает школу для сирот, имевших слух и голос. В 1909 г. эту одноклассную школу преобразовали в двухклассную. В ней училось до 30 человек. В монастыре имелась библиотека с 2 206 экземплярами книг и журналов[30].

После окончания гражданской войны на почитаемую многими обитель обрушились гонения. В мае 1920 г. был арестован епископ Зосима. В 1920–1922 гг. многократно изымались церковные ценности. 11 января 1921 г., несмотря на протесты монахов, были вскрыты мощи св. Иннокентия. Затем они были вывезены из Иркутска, многие годы находились в Ярославле и лишь в 1990 г. были возвращены в Иркутск и находятся в Знаменском монастыре. По-видимому, в 1925 г. прекратилось богослужение в Вознесенском соборе, который стал приходским[31]. В 1930-х гг. все монастырские здания были разрушены, а Успенскую церковь превратили в клуб. Недавно это здание вернули Иркутской епархии, и церковь после реставрации вновь начала действовать.

ПЛАН ИРКУТСКОГО ПЕРВОКЛАССНОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (по состоянию на 1910- ые годы).

1 Соборный храм Вознесения Господня. 1872г. Архитектор В.А. Кудельский
2 Тихвинская церковь. 1692г.
3 Успенская церковь с трапезной. 1783г.
4 Смоленская церковь. 1809г.
5 Колокольня над Святыми воротами. 1881г.
6 Двухъярусная часовня над прахом основателя монастыря старца Герасима. 1802г.
7 Часовня над могилой архимандрита Синессия. 1865г.
8 Святой колодец. После 1840г.
9 Ризница монастыря. 1907.
10 Братский корпус. Первая треть XIX в.
11 Новый братский корпус с настоятельскими покоями на 2-м этаже 1898г.
12 Старый настоятельский корпус, в котором в начале XX века помещалась монастырская церковно-приходская школа с общежитием для учеников. 1804 и 1835гг.
13 Баня
14 Хозяйственные службы, кладовые, навесы
15 Старый Московский тракт
16 Странноприимный дом и помещение для богомольцев. 1903г.
17 Ограда монастыря. Начало XX века. Не сохранилась.



2.2. Иркутский Знаменский женский монастырь

История Иркутского Знаменского женского монастыря начинается в конце 80-х гг. XVII в. При строителе Семене Семенове, дело шло медленно. Возведение обители значительно активизировалось в 1689 г. с назначением тобольским митрополитом Павлом нового строителя «выборного торгового человека города Иркутска» Власа Сидорова. Влас Сидоров за рекой Идой (Ушаковкой) на собственные средства начал строительство Знаменской церкви[1]. Впоследствии к ней были пристроены кельи и в **1693 г.** основан женский монастырь. Строительство Знаменской церкви стало первым в Иркутске примером церковного строительства за счет личных средств.

Церковь, с момента ее постройки, являлась приходской. Вокруг нее сформировался Знаменский приход, который к концу XVIII в. превратился уже в Знаменское предместье.

Влас Сидоров оказался успешным предпринимателем. За несколько лет он приобрел для «вновь заводимого» монастыря Китойское селение, «для пропитания к тому монастырю поселил 6 человек крестьян». Вместе с этим была приобретена мельница, заведены кожевенные промыслы и рыбные ловли. Монастырь имел доход «деньгами и китайским товаром и мяхкие рухляди… на 300 рублев»[2].

В 1697 г. по ложному оговору за «неистовое житие и нерадение» поступившему от «старицы Кириакии с сестрами»

Влас Сидоров был отстранен от должности монастырского строителя. В обвинении также говорилось, «что де он монастырской казной корыстовался и сродичей снабдевал и в долги давал и торговал». Необходимо отметить, что для Сибири использование монастырской и церковной казны в качестве заемного капитала было обыденным делом и часто использовалось с выгодой для монастыря или церкви. Конфликт был разрешен в 1698 г. По челобитной детей боярских Ивана Перфильева, Андрея Савельева и других Влас Сидоров был оправдан и восстановлен в качестве монастырского строителя. Старица Кириакия, как оказалось, «в миру женка ссыльная и ведомая воровка и в монастыре прикладу никокова от нее нет»[3].

К концу XVII в. основные монастырские здания были построены, а сама обитель обнесена деревянным забором. Тобольским митрополитом Филофеем (Лещинским) в 1703 г. Влас Сидоров был утвержден в должности церковного старосты Знаменского храма. Первой игуменьей монастыря назначили старицу Акилину, вступившую в настоятельскую должность в 1704 г. Она возглавляла обитель более 40 лет – до 1744 г. Данный период истории Знаменского монастыря отмечен многими знаменательными событиями и является временем его расцвета.

В 1708 г. Знаменский монастырь приобрел бесценную реликвию – в монастырь поступило Евангелие с дарственной надписью царя Петра I: «Книга глаголемая Евангелия от благочестивейшаго великого Государя, Царя и Великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и малыя и белыя России самодержца, жалованная в девичий монастырь Знамения Пресвятыя Богородицы, Иркутский, года 1708 … иже аще бы кто дерзнул от обители этой Богородичной отдалити, таковой во второе страшное пришествие Господа Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа ответ воздаст»[4]. Царский подарок свидетельствовал о признании монастыря далеко за пределами Сибири.

Поначалу число монахинь было невелико. В 1728 г. в монастыре проживало 12 сестер, вместе с настоятельницей, самой младшей из которых исполнилось 55 лет, а старшей – 85. При этом все они были неграмотными[5]. Спустя 10 лет число монахинь увеличилось более чем в 3 раза. Епископ

Иннокентий (Нерунович) даже ставил вопрос о разделении обители на две общины. Предполагалось новую общину организовать при Крестовоздвиженской церкви. Однако из-за самовольного захвата церковных земель иркутскими жителями построить новую обитель в запланированном месте оказалось невозможно. Впоследствии этот вопрос так и не был решен.

В конце 1740 г. в Знаменский монастырь доставили дочь русского государственного деятеля и дипломата А. П. Волынского, казненного в Петербурге за участие в заговоре против Анны Иоанновны, Анну, и постригли в монахини. В 1741 г. последовал указ о помиловании детей Волынского. В 1742 г. Анна была расстрижена и получила свободу. В память о своем пребывании в Иркутске она позднее направила в монастырь напрестольное Евангелие в богатом окладе[6].

Экономическое положение Знаменского монастыря в первой половине XVIII в. оставалось стабильным. Монастырские владения были довольно внушительными, хотя значительно уступали Вознесенскому. Монастырю принадлежало Китойское селение и 8 заимок и зимовий (7 по Ангаре: Долганово, Хромово, Молодово, Хомутово, Щеглово, Гнилокуровское, Никольское и одно на Байкале: Лиственичное). На р. Ушаковке монастырь имел сенные покосы.

Основным источником доходов для монастыря являлось Китойское селение. В 1728 г. здесь распахивалось 33 десятины земли. Монастырский конный табун насчитывал 75 голов, стадо крупного рогатого скота в 90 голов и 35 овец. В селении проживало 120 монастырских крестьян в 27 дворах[7]. Здесь же имелось 3 мельницы. В 1764 г., при описи монастырского имущества в Китойском селении имелось: ржи – 3 290 пудов, пшеницы – 1 391 пуд, ячменя – 653 пуда, овса – 46 пудов, проса – 2 пуда, конопляного семени – 2 пуда, ржаной муки 23 пуда, пшеничной – 9 пудов, ячневых круп 15 пудов, овсяного толокна 10 пудов[8].

Монастырские заимки и зимовья с сенными покосами, рыбными ловлями и пивоварнями сдавались в аренду и ежегодно приносили монастырской казне около 300 руб. дохода. Накануне секуляризации Знаменский монастырь имел 355 душ м. п. [9]

После проведения секуляризационной реформы в 1764 г. Иркутский Знаменский женский монастырь зачислили в 3-й класс, с выплатой содержания 806 руб. 30 коп. Экономическое положение резко ухудшилось. Посильную помощь монастырю оказали епархиальные власти и городские жители. Значительные вклады в монастырь внесли купеческие жены Н. Шелихова и Т. Сизых.

Ухудшение экономического положения незамедлительно сказалось на численности монахинь. После реформы их осталось всего 3 человека: настоятельница, казначея и монахиня. Над монастырем нависла реальная угроза закрытия. Игуменье Анне Истлентьевой (1753–1766) и епископу Софронию пришлось буквально спасать обитель. Епископ обратился в Синод, который направил в Иркутск новую игуменью, казначею и 14 монахинь, прибывших в 1770 г.[10] Однако на этом тяжелые времена для монастыря не закончились. В 1781 и 1787 гг. в монастыре произошло два пожара, уничтоживших многие постройки. Лишь к концу XVIII в. в монастыре завершились восстановительные работы, и был получен земельный надел, что позволило создать условия для развития обители в последующее время.

На протяжении всего XVIII в. в монастыре продолжалось строительство. В 1727 г. началось возведение второй Знаменской церкви, также деревянной, но более вместительной. При каждой из церквей имелись приделы. К середине XVIII в. церкви сильно обветшали, поэтому было решено начать строительство каменной церкви, впоследствии заменившей вторую Знаменскую церковь. Ее сооружение началось в 1757 г. Финансировал работы иркутский купец И. С. Бечевин, выделявший большие средства на церковное строительство. В 50-е гг. XVIII в. в Иркутске на его капиталы воздвигли Тихвинскую и Благовещенскую церкви. Однако завершить строительство он не смог: во время деятельности в Иркутске комиссии следователя Крылова он скончался, не выдержав пыток. С 1760 г. каменная Знаменская церковь возводилась за счет средств монастыря. Первоначально она задумывалась как двухпрестольная (Знаменский храм и придел во имя Николая Чудотворца). Затем к ней были пристроены Казанский и Преображенский приделы. Главный храм был освящен в 1762 г., а окончательно работы

завершились в 1794 г. Таким образом, Знаменский монастырский храм был уже четырехпрестольным. В таком виде он дошел до нашего времени[11].

В 1731 г. согласно иркутской летописи в монастыре была заложена двухпрестольная деревянная церковь во имя великомучеников Дмитрия и Трифона; освящение приделов состоялось в 1739 г. и 1746 г. соответственно. К 1786 г. церковь сильно обветшала, поэтому иконостас по решению монастырских и епархиальных властей был перенесен, а сама церковь после пожара 1787 г. разобрана.

В 1742 г. по указанию епископа Иннокентия (Неруновича) началось строительство надвратной Преображенской церкви. Сооружалась она на средства иркутского купца Ф. Щербакова. Освящение храма состоялось в 1745 г. Церковь просуществовала до 90-х гг. XVIII в. В 1796 г. (по другим данным – в 1790 г.) она была разобрана[12].

Пожар 1787 г. уничтожил деревянную монастырскую ограду и часть построек. Их восстановление началось в 1792 г. На собранные средства, значительную часть которых пожертвовали купеческие вдовы Т. Сизых и Н. Шелихова, началось возведение каменной ограды, куда встраивались настоятельские кельи и другие постройки. Работы завершились в 1802 г.

Иркутский Знаменский монастырь в XIX в. стал крупнейшей женской обителью Восточной Сибири. В первой половине XIX в. его экономическое положение, подорванное секуляризацией 1764 г. было недостаточно прочным, но постепенно улучшалось. В 1798 г. монастырю выделили 30 десятин сенокосной земли. В результате энергичных хлопот купцов Басниных, к роду которых относилась игуменья Илария Нечаева (1827–1836 гг.), монастырь в 1836 г. причислили ко 2-му классу, штат которого включал игуменью, казначею, 15 монахинь, столько же послушниц и 15 «белиц» («белицами» называли как лиц, готовящихся к поступлению в монашество, так и женщин, желавших просто отдохнуть от мирской суеты в монастыре). Илария «счастливо сочетала в себе черты опытной и расчетливой хозяйки…, строгой и справедливой настоятельницы»[13]. В отличие от Вознесенского монастыря, игуменьями Знаменского монастыря были сибирячки, не имевшие среднего духовного образования,

представительницы самых разных сословий, в том числе и крестьянского.

В 1850 г. монастырю прирезали еще 30 десятин земли, в результате чего материальное положение его укрепилось. Монастырь в первой половине XIX в. имел только одну церковь – каменную Знаменскую.

Монахини и послушницы ежедневно должны были присутствовать на богослужениях. В монастыре существовала традиция непрекращающегося чтения псалтири[14]. Монахини и послушницы занимались шитьем священнических облачений, различными видами художественной вышивки. Всех жительниц монастыря, если они были неграмотны, учили чтению и письму, церковнославянскому языку, а обладавших слухом и голосом учили пению по нотам. В монастыре жили также девочки-сироты, получавшие здесь приют, первоначальное образование и православное воспитание. В 1855 г. в монастыре было 15 монахинь и 33 послушницы[15].

Во второй половине XIX в. Знаменский монастырь развернул еще более активную хозяйственную деятельность, чем прежде. В 1886 г. он получает большой участок земли по р. Ушаковке площадью в 120 га с лесами, полями, лугами. Сестры, жившие здесь в специально построенных домах, успешно занимались земледелием, скотоводством. Стадо из 20 коров снабжало монастырь молоком. Особое внимание уделялось пчеловодству. С 75 ульев пчел добывалось до 14 пудов меда и воска. Воск перерабатывали на монастырском свечном заводе, дававшем свечи для целой епархии.

В 1886 г. на пожертвования А. Н. Портновой возводится крупный двухэтажный каменный корпус с кельями. Чуть раньше на средства благотворителей были построены здания хлебопекарни и мастерских, общей трапезной, большой амбар[16].

В отчете за 1880 г. епископ Иркутский Вениамин писал, что Знаменский монастырь не располагает такими большими средствами, как Вознесенский, «и если имеет большое число сестер, то содержит их главным образом собственными трудами. В рукодельной монастыря, кроме простых работ, производятся работы золотошвейные, шьются митры, плащаницы и тому подобная церковная утварь. По общежительному уставу плата за труды идет на общее содержание

всех сестер монастыря, причем немощные и старицы питаются за счет трудов здоровых. Во время работы одною из сестер читаются душеспасительные книги. Богослужение церковное совершается по монастырскому уставу, насколько могут нести труд его служащие при монастыре белое духовенство и женские силы обители. Каждую среду пред литургиею читается в монастыре акафист Успению Божьей Матери. Желающих спасаться в Знаменском монастыре очень много…»[17]

В начале XX в. наибольший доход монастырю – по 9 тыс. руб. в год – давало свечное дело и изготовление и продажа просфор, которые использовались в храмах города и ближайших сел. Еще около 2 тыс. руб. монастырь получал за счет рукоделий и сдачи в аренду рыбных ловель и собственных домов. Благотворители жертвовали в год до 4500 руб. Общий годовой доход монастыря достигал 36 тыс. руб.

Порядки в обители были строгие. Выходить за его стены разрешалось в особых случаях, с согласия игуменьи. Монастырские ворота закрывались зимой в 6, а летом в 8 часов вечера. День начинался в 3 часа утра с обязательной молитвы, после чего до 4 часов дня сестры выполняли послушание.

С 1872 г. монастырь жил по общежительному уставу. Численность его обитательниц росла: в 1872 г. их было 120, а в начале XX в. – уже 280[18]. Но по данным за 1908 г. в нем числилось всего 37 монахинь и 25 послушниц[19]. Таким образом, большинство насельниц составляли девочки, воспитывавшиеся в обители, «эпитимийцы», состоявшие на исправлении, работницы, помогавшие управляться с хозяйственными делами и, вероятно, «белицы», не определившие свою судьбу окончательно.

Сохранился документ, свидетельствующий о том, каким образом жившие в обители становились монахинями. 10 декабря 1896 г. в Иркутской духовной консистории слушался рапорт игуменьи Валентины на имя архиерея: «Послушницы вверенного ей монастыря (перечислено 9 лиц), проживая в монастыре на испытании более 10 лет, показали себя к монастырской жизни способными, в исполнении послушания ревностными и в нравственности безукоризненными. Представляя о сем Его Преосвященству, настоятельница монастыря ходатайствует о принятии означенных послуш-

ниц в число сестер вверенного ей монастыря навсегда». Консистория решила: «…свидетельствуемых настоятельницею постричь в монахини по отобрании от них собственных отзывов о желании их принять монашество. Пострижение поручить г. Ректору семинарии»[20].

С 1893 г. при монастыре открыли школу, в которую приняли 15 девочек, в 1908 г. стала действовать церковно-приходская школа. Численность проживавших в приюте девочек в 1912 г. достигла 44.

Библиотека обители состояла почти из 500 книг.

В монастырской ограде были похоронены игуменьи, многие купцы-жертвователи, некоторые члены причта Знаменской церкви. До настоящего времени сохранились могилы предпринимателя и мореплавателя Г. И. Шелихова, декабристов Н. А. Панова, П. А. Муханова, В. А. Бечаснова, жены декабриста Е. И. Трубецкой и ее детей. В 2001 г. туда же перенесены останки второго епископа Иркутского Иннокентия (Неруновича).

В годы Первой мировой войны монастырь активно помогал воинам. Так, в 1915 г. он отпускал на содержание койки в госпитале 500 руб., отчислил 2 % своих доходов, собрал кружкою для раненых 740 руб., уступил для военных нужд дома́ на Блиновской улице общей площадью 89 кв. саж., сшил 125 штук лазаретного белья и халатов, отправил в армию около 100 кг белья и различных вещей[21].

В 1920-х гг. монастырь был закрыт, но до 1934 г. Знаменская церковь, как и прежде, выполняла роль приходской. После ее закрытия в церкви сначала разместили клуб, а в 1935 г. – авиационные мастерские. В середине 1940-х гг. верующие добились возвращения церкви, в которой удалось вновь собрать иконостас и начать службы. В 1994 г. после длительного перерыва, были пострижены в монашество 3 женщины. В 2000 г. в восстановленном Знаменском монастыре уже было 15 сестер (4 мантийных монахини, 8 инокинь и 3 послушницы)[22].

2.3. Иркутский Князе-Владимирский мужской монастырь

Иркутский Князе-Владимирский мужской монастырь возник по инициативе богатого иркутского купца В. А. Литвинцева (1821–1895 гг.). Родившись в купеческой семье, он занимался сначала мелочной торговлей, а позже завел собственное дело, специализируясь главным образом на скупке и торговле мехами. Прекратив в 1879 г. торговые операции, он заинтересовался церковными делами и с 1883 по 1894 г. был старостой Казанского кафедрального собора. В эти же годы велось сооружение нового кафедрального собора, и В. А. Литвинцев был одним из самых активных членов строительного комитета. В год 900-летнего юбилея принятия христианства на Руси он пожелал построить храм в честь великого князя Владимира Святославича[1]. 15 июля 1888 г. в городе состоялись празднества, посвященные крещению Руси. Крестный ход направился в Знаменское предместье, и здесь в торжественной обстановке была произведена закладка храма. Строился он 7 лет, и освятили его незадолго до смерти жертвователя, 16 июля 1895 г. [2]

По проекту В. А. Кудельского возведена одна из наиболее интересных в архитектурном отношении культовых по-

строек Иркутска конца XIX – начала XX в. Композиция храма не имеет аналогов в Восточной Сибири. Это – единственная нефная постройка города, напоминающая внутренним устройством древнехристианские храмы, которые рядами колонн делились на нефы («корабли»). Князе-Владимирская церковь делится двумя рядами колонн на три продольные части. Семиглавая церковь необычна и расположением наиболее высоких венчающих объемов не над самим храмом, а с западной и восточной его сторон. Название церкви определило стремление использовать традиции древнерусского зодчества: «В отличие от многих храмов русской архитектуры, композиционное построение базилика с колокольней и выраженной алтарной частью в “русском стиле” позволило не только обогатить интерьер Князе-Владимирской церкви, но и усилить воздействие внешнего объема. Общее впечатление величия, простора, торжественности прекрасно сочеталось с функциональным назначением сооружения. Композиция фасадов подчинена главной доминанте здания – высокой колокольне»[3].

При храме была построена богадельня для старцев. В. А. Литвинцев завещал оставшийся капитал на открытие мужского монастыря, в котором была бы также церковно-учительская семинария. В 1900 г. духовное ведомство на дополнительные постройки ассигновало еще 170 тыс. руб., добавленных к 420 тыс. руб. Литвинцева[4]. В границах монастыря в трех каменных зданиях разместилась церковно-учительская семинария на 50 воспитанников и 2-классная образцовая школа на 75 учеников[5].

Указ Синода об учреждении Князе-Владимирского монастыря последовал 20 мая 1903 г. Внештатный монастырь был общежительным и получал право принять такое количество братии, какое мог содержать сам[6].

Первый настоятель монастыря архимандрит Иоанн (Смирнов) прибыл к месту службы 9 октября 1903 г.[7] Иоанн составил Устав монастыря, принял первых его обитателей. Он был одновременно назначен также заведующим церковно-учительской семинарией. В дальнейшем Иоанн трудился на высоких постах епископа Киренского, викария Иркутской епархии (с 1908 г.), епископа Забайкальского и Нерчинского (с 1912 г.), а с 1916 по 1918 г. – архиепископа Иркутского. В

1908 г. новым архимандритом стал Зосима (Сидоровский). В монастыре тогда числилось 6 монахов и 3 послушника[8].

Во время русско-японской войны в монастыре находился госпиталь (1905 г.). Князе-Владимирский монастырь отличался от других обителей епархии своей духовно-образовательной направленностью, насыщенностью учебными заведениями.

Закрыт монастырь был в 1922 г. по решению обновленческого епископа Николая. Спустя несколько лет его здания передали конному полку НКВД, а позже – геологической лаборатории. В настоящее время Князе-Владимирская церковь используется как приходская.

2.4. Братская Спасская пустынь

Об основании Братской Спасской пустыни сведений сохранилось немного. Известно, что просьба об учреждении новой обители была направлена тобольским епархиальным властям жителями Братского острога – «детьми боярскими, служилыми и посадскими людьми, пашенными крестьянами». Между 1664–1668 гг. поступила грамота тобольского митрополита Корнилия, в которой «велено в Брацком остроге на Ангаре реке на Березове горе монастырь построить и в том монастыре церковь воздвигнути во имя всемилостивого Спаса»[1]. В **1671 г.** ко вновь построенной пустыни были отведены земельные владения, что позволяет именно эту дату считать годом основания пустыни. Строителем пустыни был монах Василий Балдаков, затем старец Феодосий.

Монастырь был построен в пяти верстах от Братского острога, на месте бывшей крестьянской заимки, впоследствии это поселение называлось деревней Монастырскою. Построек в нем было немного. В 1722 г. в нем имелась «церковь божия вседержителя Спаса с тремя кельями», обнесенная оградой[2]. В описи 1762 г. кроме этих построек упоминаются еще 3 кельи, 9 хлебных амбаров и баня. Кроме того, за оградой помещались «изба столовая, у которой двор конский, изба скотская с пригонами, овин з гуменником и пригонами», баня, квасоварня, кузница и 3 огорода[3].

Хозяйство Братской Спасской пустыни имело местное значение и ограничивалось потребностями братии. В первое десятилетие монастырь активно приобретал земельные владения. Первое пожалование состоялось в 1671 г., когда приказчик Братского острога Иван Перфильев отводит земли к «Спасской пустыни для монастырского нового строения под пахотную землю и под сенные покосы и под скотиной выпуск против Нижнаго Брацкого острогу за Ангарою рекою от Красного Яру вверх по Ангаре реке до Красноярские речки и до Топкого ручья по увалу, а в горе с еланными местами»[4]. Последующие пожалования земли и угодий государством производились в 1673 г., 1678 г., 1687 г., 1692 г. Кроме того, некоторые земли жертвовались верующими добровольно. Так, первое частное пожертвование поступило в монастырь в 1688 г. от братского крестьянина Григория Найденова. В 1698 г. братский житель Остафий Пономарев «приложил к монастырю» мельницу по р. Оке.

В начале XVIII в. хозяйственный уклад Братской Спасской пустыни уже сложился. Всего за монастырем числилось 86 человек, из них 61 пашенный крестьянин, 8 вкладчиков, 12 гулящих и работных людей, 2 новокрещенных тунгуса, 1 посельщик, 1 богадельщик, 1 дворовой[5]. Непосредственно при монастыре проживало 10 человек, в деревне Кадинской – 48, в деревне Короевской – 28, остальные в заимках по р. Ангаре и на «Московском острову». На момент секуляризации в пустыни имелось более 1,6 тыс. пудов «хлеба разного», 700 копен сена, довольно внушительное поголовье лошадей и крупного рогатого скота.

Численность братии была малой. Кроме настоятеля в монастыре проживало 3 монаха и 2 монаха-посельщика в монастырских деревнях. В 1722 г. в пустыни было 7 человек, включая вкладчиков. Трудные времена для монастыря наступили в 1724 г., когда он оказался приписан к Иркутскому Вознесенскому монастырю. Вся монастырская казна и хлебные запасы были вывезены в Иркутск, туда же перевели всю братию, за исключением одного престарелого посельного монаха Иасона. В результате монастырь пришел в запусте-

ние, а его хозяйство в полное расстройство. В 30–40-е гг. XVIII в. число монахов редко превышало трех человек.

В 1746 г. неожиданно Братская Спасская пустынь на год становится своеобразным центром Иркутской епархии. Вызванный в Петербург иркутский епископ Иннокентий (Нерунович) в августе 1746 г. из-за тяжелой болезни и сложности пути остановился в пустыни, ставшей его последним местом пребывания. Отсюда архиерей управлял делами епархии. С Иркутском связь поддерживалась путем направления причетников с посланиями и распоряжениями. Маршрут был следующий: Братская пустынь – Братский острог – Кежемский погост – Яндинский острог – Балаганский острог – Идинский острог – Иркутск. Скорость сообщения составляла от 8 до 10 дней[6]. Именно здесь епископ подписал многие важные документы, касавшиеся епархии в целом. Умер Иннокентий (Нерунович) 26 июля 1747 г. и был похоронен в пустыни. В 1840 г. куцы П. Саламатов и М. Балдаков над его могилой установили часовню с надгробным камнем. 1 октября 1960 г. останки святителя были перенесены на кладбище в Радищевском предместье Иркутска, а в конце 2001 г. перезахоронены в Иркутском Знаменском монастыре[7].

В 1750 г. в монастыре произошел пожар, уничтоживший большую часть построек и Спасскую церковь. Управляющий пустынью старец Михей организовал работы по возведению нового храма, который освятил в 1754 г. епископ Софроний (Кристаллевский), посетивший пустынь, прибывая на иркутскую кафедру. По сохранившимся описаниям «это была одноэтажная постройка под двускатной кровлей с двумя главами над храмом и над притвором. Храм и трапезную разделяли 4 колонны»[8].

Серьезным ударом, приведшим Братскую Спасскую пустынь к закрытию, стала секуляризационная реформа 1764 г. В ходе ее проведения пустынь лишилась всех земельных владений. Недостаток монашествующих привел к тому, что она не была включена в число монастырей, имевших соответствующий класс и получавших государственное содержание. Иркутская епархия не имела достаточных средств и не могла содержать пустынь, к тому же епископу Софронию

пришлось приложить немало усилий для спасения более значимых монастырей. Монашествующие, оставшись без содержания, были вынуждены перебраться в Иркутский Вознесенский монастырь. Хозяйственные постройки Братской Спасской пустыни были проданы в 1769 г. за 73 руб., а непроданная часть, оцененная в 42 руб. 36 коп. – передана на сохранение крестьянскому старосте[9]. Таким образом, в 1769 г. Братская Спасская пустынь прекратила свое существование.

Последнее напоминание о Братской Спасской пустыни – Спасский храм – в 1776 г. по решению епископа Михаила (Миткевича) был разобран и перенесен в Большеокинское селение, на место сгоревшей церкви. В 1778 г. он был освящен во имя Пророка Илии[10]. Ильинская церковь просуществовала до начала XX в., а в 1912 г. разрушилась из-за ветхости.

2.5. Киренский Троицкий мужской монастырь

Старейшим монастырем Иркутской епархии являлся Киренский Троицкий монастырь. Начало ему положила челобитная священника илимской Спасской церкви Амвросия Толстоухова, поданная по просьбе крестьян и промышленников Ленского волока в марте 1663 г. воеводе Л. А. Обухову, с просьбой о начале строительства монастыря. Строителем был назначен иеромонах Гермоген. Строительство велось неподалеку от Киренского острога, в месте, называемом Никольским погостом. В 1665 г. от тобольского архиепископа Симеона поступила благословенная грамота, предписывавшая «монастырь построить, и церкви воздвигнуть со всяким церковным строением невозбранно»[1]. После чего строителем Гермогеном была заложена Троицкая церковь. Строительство завершилось в 1669 г., после чего обитель стала именоваться Свято-Троицким Киренским монастырем.

Интересна судьба первого строителя монастыря «черного попа Гермогена». В 1666 г. восставшие казаки под руководством Никифора Черниговского убили воеводу Обухова и бежали на Амур, захватив старца Гермогена. На новом месте Гермоген, прославившийся как талантливый пропо-

ведник, заложил Воскресенскую церковь в Албазинском остроге и в 1671 г. Албазинский Спасский монастырь. После падения Албазина он в 1689 г. вернулся в Киренский монастырь, привезя с собой икону Нерукотворного Спаса, считавшуюся чудотворной. В 1690 г. Гермоген скончался и был похоронен в основанном им Киренском Троицком монастыре.

Монастырь довольно быстро застраивался. В 1679 г. здесь уже имелась ограда, деревянная Троицкая церковь с двумя приделами – Алексеевским и Владимирским, пять жилых, больничная кельи и трапезная[2]. В 1686 г. в Киренский монастырь был определен первый игумен Иосиф[3]. В 1693 г. при настоятеле Варлааме над воротами монастыря началось строительство деревянной церкви. Финансировал работы Никита Климов. Церковь была освящена в 1699 г. (по другим данным в 1696 г.) во имя пророка Иоанна Предтечи. По своему архитектурному решению надвратная девятиглавая церковь резко отличалась от других сибирских храмов. В 1726 г. лейтенант Чириков отметил: «Церковное здание… хотя и деревянное, но красно, ибо такового здания в Сибири мало обретается»[4]. Церковь просуществовала до пожара 1814 г., в котором сильно пострадала и была разобрана в середине XVIII в.

В первые же годы монастырь стал обзаводиться хозяйством, превратившись в крупнейшего землевладельца. Первоначально земли монастырю отводились киренскими воеводами по прошениям настоятелей. Огромную поддержку монастырю оказал Е. П. Хабаров. В 1663 г. он выделил деньги на строительство Троицкой церкви, в 1665 г. передал монастырю за 100 руб. и право бесплатного помола мельницу, стоимостью в 1000 руб., а в 1667 г. завещал монастырю свою

деревню Хабаровку и близлежащие заимки, которые перешли в распоряжение обители в 1671 г. Кроме этих владений в монастырь поступало много частных пожертвований. В 1681 г. монахи добились пожалования земель по р. Анга, основав Ангинскую заимку. Таким образом, к концу XVII в. Киренский Троицкий монастырь владел 240 десятинами пашни и 100 десятинами сенокосов[5]. Это давало возможность ежегодно получать около 4 тыс. пудов хлеба в год и выводило монастырское хозяйство в разряд крупнейших в Прибайкалье.

На монастырских землях проживал 221 человек. При этом число монашествующих составляло 18 человек.

Киренский Троицкий монастырь играл заметную роль в религиозной жизни региона. С 1698 г. он являлся центром уездного духовного правления. Вопрос о принадлежности Киренского Троицкого монастыря не раз становился предметом спора между иркутскими и тобольскими архиереями. Первый такой конфликт произошел в 1709 г. Иркутский викарий Варлаам (Коссовский) попытался распространить свою юрисдикцию на Киренский монастырь и десятину в целом, ссылаясь на ее близость к Иркутску. В ответ митрополит направил киренскому заказчику строителю Киренского Троицкого монастыря Иоасафу грозное послание с требованием: «... буде Преосвященный Варлаам, епископ Иркуцкий и Нерчинский учнет от себя какие указы к тебе присылать или похощет Киренскую десятину под своею властию имети, и тебе б отнюдь ево ни в чем не слушать, и на Киренге и во всей Киренской десятине попам слушать ево не велеть»[6].

В 1725 г. архимандрит Антоний (Платковский) направил в Синод прошение, в котором предлагал «малый пустынный монастырец Киренский, что на реке Лене, который имеет крестьян за собою, а монахов малое число» приписать к Иркутскому Вознесенскому монастырю, что также вызвало резкий протест со стороны тобольского митрополита Антония (Стаховского)[7]. После образования самостоятельной Иркутской епархии в 1727 г. монастырь остался в составе Тобольской митрополии, и был передан под управление иркутских архиереев в 1731 г.

В первой половине XVIII в. хозяйство Киренского Троицкого монастыря еще более увеличилось. К 60-м гг. XVIII в.

за монастырем числилось 439 человек, без учета поденных работников. Земельный надел составлял 1026 десятины – 478 десятин пашни и 548 десятин сенокосов. Ежегодно собиралось более 17 тыс. пудов хлеба, который направлялся для продажи в Якутск, ставилось свыше 14 тыс. копен сена. Животноводческое хозяйство стало значительным. Оно состояло из 254 лошадей, 690 голов крупного рогатого скота, 149 свиней, 458 овец[8]. Дополнительный доход монастырю приносили рыбные ловли, 3 мельницы, кузница и кожевня.

Монастырь в это время успешно застраивался. К 1707 г. уже имелось две церкви – Троицкая и Иоанна Предтечи, колокольня с семью колоколами, десять келий, два амбара, поварня, трапезная, два погреба, конский двор и колодец[9].

Сложные времена для братии Киренского Троицкого монастыря наступили во второй половине XVIII в. В 1754 г. произошло большое наводнение, в ходе которого был затоплен весь монастырь, снесло половину ограды и «причинило великое разорение». В 1757 г. в монастыре случил пожар, уничтоживший Троицкую церковь и часть построек. В связи с этим игумен монастыря Вениамин Юзефович в 1758 г. перенес монастырь на более высокое место. На новом месте возводили кельи, ограду с четырьмя башнями, надвратную церковь, келарню, сеновалы и другие строения. В 1767 г. после перестройки больничной кельи была освящена Троицкая церковь. В 1786 г. ее перенесли на место сгоревшей церкви и вторично освятили[10]. В 1784 г. была заложена каменная Троицкая церковь. Нижний этаж с Троицким приделом освятили в 1790 г., верхний этаж с приделом во имя Казанской Божией Матери (впоследствии Предтеченский) освятили в 1817 г. В трапезной в 1838 г. освятили придел во имя св. Иннокентия. Украшением монастыря стала новая надвратная Николаевская церковь, строительство которой началось в 1758 г. Однако возникшие финансовые трудности приостановили строительство, которое удалось завершить лишь в 1785 г.

Серьезным ударом для обители стала секуляризационная реформа 1764 г. В ходе ее проведения монастырь потерял все вотчины, лишился мельниц и другого имущества, утратил все поголовье скота. При этом власти стремились как можно быстрее реализовать монастырское имущество,

продавая его за бесценок. В результате доходы от продажи оказались в 3–5 раз меньше их реальной стоимости. Киренский Троицкий монастырь был отнесен к 3-му классу, с размером содержания в 806 руб. 30 коп. Численность братии сократилась до 12 человек, при этом игумен получал 150 руб., а остальные монашествующие от 8 до 22 руб[11].

Однако монастырь не утратил своей значимости. Он попрежнему сохранял функции уездного духовного правления. Суда же направлялись наказанные священно- и церковнослужители, для исправления нравов. В 1786 г. в монастыре была открыта школа, в которой обучали детей письму, чтению и пению, однако просуществовала она недолго.

Среди его настоятелей было немало деятелей, преданных церковному служению. Игумен Вениамин Юзефович проявил себя как талантливый администратор, сумевший сохранить обитель в трудное время. Игумен Вонифатий Березин, помимо административной деятельности, занимался живописью и иконописанием. Нижний этаж каменной Троицкой церкви он украсил иконостасом и иконами своего писания, часть своих икон он поместил в надвратной церкви.

В первые годы XIX в. монастырь получил 32 десятины покосов, за ним были сохранены рыболовные места на Байкале, приносившие монастырю до 1100 руб. годового дохода. В 1829 г. в монастыре жило 32 человека; из них монашествующих, так как обитель считалась третьеклассной, не могло быть более 12. В 1836 г. монастырь перевели во 2-й класс, при котором монашествующих полагалось 17, в том числе архимандрит, казначей, 6 иеромонахов, 4 иеродьякона, 5 монахов и послушников[12].

Монастырь дважды горел: в 1814 и 1831 гг. Огонь каждый раз уничтожал по одной деревянной церкви, кельи, другие постройки. Но на средства, собранные с жителей губернии и выделенные епархией, монастырь восстанавливался. В 1817 г. была надстроена каменная Троицкая церковь, заново построены из дерева церкви Иоанна Предтечи и Воскресения Христова. До 1831 г. в монастыре действовало духовное училище, уничтоженное пожаром; в нем было 9 учащихся. В 1855 г. решено было снова открыть школу на средства монастыря; 30 учеников должны были жить при монастыре. Сведений о длительности ее существования, к

сожалению, не выявлено. В обители имелась также небольшая библиотека и значительный архив с документами рубежа XVII–XVIII вв.

Архиепископ Нил, побывавший в Киренске летом 1843 г., обратил внимание на «принесенные сюда из Албазина иконы, между которыми первое место занимает Нерукотворенный образ Спаса, – мне пришлось видеть и поклониться перед ними. Настоятелю же монастыря (архимандриту Амвросию) советовал я сугубо блюсти эту святыню»[13]. В 1830-х гг. монахи восстановили гробницу основавшего монастырь Гермогена, а в середине XIX в. было написано «Житие преподобного Гермогена Киренского», который почитался как местночтимый святой[14]. В 1855 г. в обители имелось всего 3 монаха, послушников не было[15].

Во второй половине XIX – начале XX в. экономическое состояние Киренского монастыря оставалось удовлетворительным. Будучи второклассным, он регулярно получал средства от казны. Так, в 1909 г. содержание равнялось 1249 руб. 37 коп. Запасной капитал в 18 тыс. руб. давал обители ежегодные проценты. Немалый доход приносили рыболовные места на Байкале, озере Орон в верховьях р. Витима и на Ангаре. Имелось также 32 десятины сенокосов и огород[16].

Главной церковью монастыря по-прежнему была Троицкая, архитектура которой сочетала черты барокко и классицизма. Композиция храма придавала зданию симметричный и торжественный характер. Строители, стремясь сохранить целостность облика монастырского ансамбля, некоторые особенности здания связали с древней Николаевской церковью. Так, «Троицкая церковь завершалась восьмискатным куполом, упрощенные грани которого перекликались с шатровой формой покрытия Николаевской церкви. Сходство между этими постройками можно уловить и в венчании колокольни каскадной кровлей со шпилем, и в необычном завершении апсиды шатриком»[17].

Уникальная по своей художественной выразительности надвратная Николаевская церковь с 1860 г. не использовалась для богослужения, но сохранялась как памятник прошлого. Третья церковь, Алексеевская, дважды горела (1863 и 1881 гг.), но снова восстанавливалась. Построенное в 1891 г. здание церкви дошло до нас, хотя и в измененном

виде. Она построена «кораблем», по-видимому, с сохранением общего плана сгоревшего храма. Ее облик навеян традициями древнерусского деревянного зодчества: продольно-осевой план, подзор, полотенца, шатровые завершения храма и колокольни, включенной в объем храма. Редкой особенностью здания является круговая галерея на столбах, напоминающая ламаистские дацаны.

Постройки монастыря представляли собой выразительный архитектурный ансамбль. В начале XX в. монастырская летопись утверждала, что в Алексеевской церкви «и поныне почивают мощи преподобного Гермогена»[18].

Как и прежде, братии в монастыре было немного. Вероятно, желающих отпугивал холодный климат местности. В 1862 г. в обители, кроме архимандрита Дмитрия, было только два послушника. В 1870 г. числилось 9 монашествующих и два послушника, в 1873–1874 гг. количество монашествующих сократилось до пяти, послушников было столько же[19]. В 1908 г. в монастыре находилось четыре монашествующих и шесть послушников[20]. Небольшое число братии серьезно ограничивало возможности монастыря. В 1880 г. отмечалось, что обитателей его недостаточно даже для того, чтобы совершать ежедневные богослужения.

Тем не менее, в основном ежедневная служба соблюдалась, пришедшим в монастырь бедным богомольцам отпускались бесплатные обеды (сведения 1910 г.). Крестных ходов в начале XX в. не было, но велись заупокойные службы в честь первостроителя Гермогена: 10 декабря (день тезоименитства) и 19 декабря (день смерти). С середины XIX в. в монастыре не было благотворительных учреждений. В библиотеке обители в 1885 г. имелось 1400 названий книг и рукописей.

С 1861 по 1897 г. монастырем управляли пять архимандритов: Дмитрий, Анатолий, Сергий, Пантелеймон, Венедикт. После этого настоятелями назначались игумены или иеромонахи (до 1917 г. их было семь).

Жизнь монастыря осложняли «эпитимийцы», направляемые «на исправление». Так, в 1864 г. в монастыре находились три иеромонаха, которым было запрещено священнослужение. В 1895 г. наказание отбывали 30 светских лиц, в 1897 г. их было 16. Но затем «эпитимийцев» в монастырь перестали направлять, что, конечно, улучшило состояние обители[21].

После Октябрьской революции монастырь был закрыт. Замечательный памятник зодчества – надвратная Николаевская церковь сгорела в 1931 г. Хотя монастырский комплекс был в 1944 г. поставлен под охрану государства, Троицкая церковь была лишена верхней части и на ней соорудили телевизионный ретранслятор. С Алексеевской церкви сняли венчавшие ее главы и разместили там детские ясли. Теперь на территории бывшего монастыря действует приходская церковь.

Контрольные вопросы

1. Назовите монастыри, действовавшие на территории Прибайкалья и даты их основания?
2. Какой из монастырей Восточной Сибири в XIX в. являлся крупнейшим? С чем связано его возвышение?
3. Определите последствия секуляризационной реформы Екатерины II для монастырей региона?
4. Определите, с какими трудностями столкнулись монастыри Прибайкалья в XIX в.?
5. Охарактеризуйте политику Советской власти по отношению к монастырям региона.

Глава 3

АРХИЕРЕИ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

3.1. Первые архиереи Иркутской епархии

В течение XVIII столетия во главе Иркутской епархии сменилось пять архиереев. Четыре из них являлись выходцами из Малороссии. Все иркутские епископы были людьми образованными, преданными делу церковного служения и оставались во главе епархии до самой кончины. Они внесли огромный вклад в историю православия в Сибири, обустраивали епархию, но каждый из них запомнился верующим по-своему.

Епископ Иннокентий Кульчицкий (1727–1731 гг.) сумел заслужить уважение и любовь прихожан, показав пример истинно нравственного религиозного служения.

Иннокентий (Иван Кульчицкий) родился ок. 1680 г. в семье священника Киевской епархии. Образование получил в Киево-Могилянской духовной академии. В 1706 г. принял постриг и удалился в Киево-Печерскую лавру. В тридцатилетнем возрасте иеромонах Иннокентий был приглашен в Москву для преподавания философии в Славяно-греко-латинской академии, где вскоре стал префектом. В 1719 г. по предложению местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского его перевели в Петербург к соборной Александро-Невской лавре, а позднее назначили обер-иеромонахом во флот.

Переломным в судьбе Иннокентия стал 1721 г. По решению Петра I он был назначен главой духовной миссии, направленной в Китай. 4 марта 1721 г. Иннокентия посвятили в архиерейский сан с титулом епископа Переяславского и Владимирского. На посвящении присутствовали император Петр I и высшие церковные иерархи: Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Феодосий Яновский. 19 апреля 1721 г. епископ Иннокентий выехал из столицы и направился в Пекин.

В марте 1722 г. епископ со свитой прибыл в Иркутск и далее направился в Селенгинск для проезда в Китай. Однако китайское правительство отказалось пропустить «великую особу», ссылаясь на то, что ранее в Пекин направлялись архимандриты. Несколько лет между правительствами обеих стран шла переписка. В 1725 г. стало очевидно, что китайские власти епископа Иннокентия на свою территорию не пропустят. В ожидании дальнейших распоряжений он проживал в Селенгинском Троицком монастыре (1722–1725 гг., 1726–1727 гг.) и Иркутском Вознесенском (1725–1726 гг.).

Положение епископа в Иркутске оказалось сложным, поскольку по сану он был выше архимандрита Антония Платковского, управлявшего викариатством в качестве местоблюстителя, и к нему стали обращаться просители, что вызвало недовольство и гнев последнего. Платковский практически «выставил» епископа из Иркутска. Иннокентий, желая избежать конфликтов, обосновался в Селенгинском Троицком монастыре. Он знакомился с бытом забайкальцев, занимался миссионерской деятельностью, оказывал помощь духовенству.

В 1727 г. правительство учредило самостоятельную Иркутскую епархию, а епископ Иннокентий стал ее первым главой. Он отличался скромностью, терпением, трудолюбием и добротой. Возглавив епархию, Иннокентий особое внимание обратил на вопросы нравственности. Он предъявлял высокие требования к духовенству. Нравственные проступки в его среде наказывались епископом очень строго.

Епископ сумел поддержать и сохранить школу при Вознесенском монастыре. По сохранившимся преданиям, он лично изготавливал для учеников чирки, иногда проводил занятия. Для школы он передал книги из собственного соб-

рания, которые привез в Сибирь. В свободное время святитель занимался живописью – писал иконы.

Епископ сформировал первые органы епархиального управления. Он также поставил вопрос о пересмотре границ между церковными областями в Сибири и передаче в состав Иркутской епархии Киренской, Якутской десятины, а также территории Камчатки и Дальнего Востока.

Хотя его деятельность во главе епархии была непродолжительной, он сумел заслужить уважение и признательность иркутян. Еще до официальной канонизации и признания святым, жители Прибайкалья имели в домах иконы с его изображением. При жизни о нем ходили легенды и рассказы. Например, 9 июня 1729 г. крестьяне с. Оёк просили епископа отслужить у них в селении литургию. Он согласился, но при этом сказал: «Мы едем вперед по лету, а назад по зиме». Жители не поняли епископа. Но уже на следующий день выпал снег и пришлось возвращаться в Иркутск на санях[1]. Проезжая деревню Малая Еланка, святитель указал «места для хлеба и места для сена». Воспользовавшись этим советом, жители получили богатый урожай, а при попытке переместить посевы результаты оказывались печальными: «вместо хлеба родилась солома, а сено для скотинного корма» становилось непригодным[2].

Умер святитель в ноябре 1731 г. и был похоронен в Тихвинской церкви Вознесенского монастыря. В 1760-е гг. при ремонте церкви захоронение вскрыли, и после осмотра мощей был отмечен факт их «нетленности». В монастырь начали стекаться паломники, объявлялись случаи исцеления. Пожар 1783 г., при котором в монастыре сохранилась единственная деревянная церковь, в которой находилось захоронение, укрепил культ Иннокентия, тогда же епархиальные власти начали готовить материалы для канонизации первого иркутского епископа. В 1804 г. Иннокентий Кульчицкий был причислен к лику святых.

Более сложной и противоречивой была личность второго епископа Иннокентия Неруновича (1732–1747 гг.). Иннокентий (Иван Нерунович) родился в 1690-е гг. в Киеве. Он окончил Киевскую духовную академию, затем принял постриг. С 1727 г. преподавал пиитику в академии в сане иеромонаха. В 1728 г. Иннокентий был переведен в

Москву в Славяно-греко-латинскую академию, а с 1730 г. стал ее префектом.

Назначение Иннокентия Неруновича на иркутский кафедру состоялось 5 июня 1732 г., а рукоположение в сан епископа – 25 ноября 1732 г. в Санкт-Петербурге.

Еще находясь в столице, епископ Иннокентий собрал материал о своем новом месте служения. Он добился окончательного решения вопроса о размежевании двух сибирских епархий, составил проект христианизации коренного населения. Таким образом, уже с первых дней своего назначения он проявил себя как деятельный архиерей.

В Иркутск епископ прибыл в октябре 1733 г. Он быстро принял дела и сменил ряд лиц архиерейского приказа. Начало служения омрачил конфликт с вице-губернатором Алексеем Жолобовым из-за имущества Иннокентия Кульчицкого. Вице-губернатор присвоил имущество первого епископа и часть доходов Вознесенского монастыря. Иннокентий Нерунович написал жалобу в столицу. В ходе следствия обвинения подтвердились, Жолобов был казнен, а имущество частично возвращено.

Сложные отношения сложились у епископа с преемником Жолобова вице-губернатором Андреем Плещеевым (1734–1737 гг.). Первоначально новый вице-губернатор оказывал помощь епископу. Он помог организовать поездку архиерея в Забайкалье и Якутск. Однако в 1735 г. возник спор о строительстве архиерейского дома, о захвате земли возле Крестовоздвиженской церкви иркутскими чиновниками. Кроме того, Плещеев «весьма любил компании веселые, делал часто пиры для подьячих и торговых людей, причем не щадил напитков дорогих для потчевания»[3]. Епископ порицал подобное поведение. Конфликт перерос в противостояние, апогеем которого стала «артиллерийская дуэль». Смена вице-губернатора не смогла исправить положения. До самой кончины у архиерея отношения с гражданскими властями оставались напряженными.

Огромное внимание уделял Иннокентий Нерунович церковному строительству. Он не ограничивался ролью простого наблюдателя, посылая грамоты и выдавая антиминсы, а определял населенные пункты, где, по его мнению, необходимо было иметь церкви. Так, проехав по Московскому тракту, он был удивлен малым количеством церквей и в дальнейшем поддерживал все просьбы о строительстве храмов в притрактовых селах. При недостатке средств он разрешал осуществлять сборы по епархии. В годы его управления было построено около 30 церквей.

Много внимания уделял архиерей духовному образованию. На период его деятельности приходится пик развития школы при Иркутском Вознесенском монастыре, была открыта школа при Якутском Спасском монастыре. Кроме того, Иннокентий Нерунович совершил пастырские поездки в Якутию и Забайкалье, активно занимался миссионерской деятельностью, крестив лично более 500 якутов и бурят.

В то же время он отличался жестким нравом, подозрительностью и неуступчивым характером. В 1739 г. Иннокентий был недоволен местом, на котором возводилась Вознесенская церковь в одноименном монастыре. Он не только остановил строительство, но и потребовал возврата денег за уже проведенные работы. В результате возведение храма на несколько лет было прекращено.

Епископ резко выступил против винных откупщиков, имевших питейные заведения близ приходских церквей. «Заводителей кабаков» он гневно обличал в проповедях. Однако многие из них помогали церковному строительству и являлись меценатами. Конфликт с купечеством привел к сокращению пожертвований, к тому же откупщиков поддержали местные власти, заинтересованные в пополнении казны.

Сложно складывались отношения епископа с духовенством. За каждый из проступков следовало наказание, особенно для «уличенных в пьянственном грехе». Одновременно Иннокентий Нерунович отстаивал каждого священника или причетника перед гражданской властью во время «разборов», не боялся идти на конфликт с администрацией, отправлял многочисленные прошения в столицу. В 1737 г. он пошел на крайне непопулярную меру – приказал произвести насильственное пострижение всех вдовых священников в

монахи, вопреки запрету правительства. В начале 1740-х гг. он повторил подобную практику. С административной точки зрения данный шаг был оправдан, поскольку защищал духовенство от «разборов», укреплял монастыри, позволял иметь кадровый резерв, который составляли иеромонахи. В среде духовенства подобные меры воспринимались неоднозначно. Многие оказались вынуждены покинуть свои приходы, изменить устоявшийся уклад жизни. Решение епископа вызвало ропот и противодействие среди священнослужителей. О самоуправстве архиерея сообщали в Петербург.

В начале 1740-х гг. Иннокентий Нерунович сумел восстановить против себя гражданскую администрацию, часть купечества и духовенства. Его опора в сибирском обществе сокращалась, одновременно увеличивался поток жалоб в Синод. Почувствовав отчужденность, он удалился от дел и проживал уединенно в Жилкинском ските Вознесенского монастыря. 1 мая 1744 г. Иннокентий строго предписал: «дабы никто отнюдь не утруждал никакими доношениями, кроме дел самых нужнейших и до персоны его Преосвященства касающихся»[4]. Удаление епископа обернулось снижением эффективности управления. Ревизия 1744 г., прошедшая в губернии, выявила в монастырях епархии множество «бесхозного люда». Епархии был предъявлен штраф в размере 2 415 руб. [5]

23 января 1746 г. в Иркутск поступил указ Синода, требовавший выезда епископа Иннокентия Неруновича в столицу для отчета. 24 марта указ был продублирован, но в более жесткой форме. В случае его неисполнения епископа могли доставить в столицу «за караулом». 13 августа 1746 г. он покинул Иркутск и выехал в Санкт-Петербург. Для епархии он оставил последний дар – 3 810 руб. из сэкономленных личных сумм[6].

Из-за болезни Иннокентий Нерунович был вынужден остановиться в Братской Спасской пустыни, ставшей последним прибежищем святителя. 26 июля 1747 г. он скончался. В конце XVIII в., после упразднения Братской пустыни и переноса Спасского храма в Окинское селение, захоронение было забыто. В 1840 г. купцы П. Саламатов и М. Балдаков над могилой владыки построили часовню с надгробным камнем. В 1960 г. его останки были перезахо-

ронены в Иркутске, а с 2001 г. покоятся в стенах Знаменского монастыря.

Уважением среди верующих Восточной Сибири пользовался третий епископ Софроний Кристаллевский (1753–1771 гг.). Софроний (Стефан Кристаллевский) родился в декабре 1703 г. в Полтавской губернии в семье сельского священника. Образование получил в Переяславской семинарии. В 1727 г. он поступил в Красногорский Покровский монастырь, где в 1730 г. принял монашество, а позднее возглавил обитель, став ее игуменом. В 1745 г. он был переведен в Санкт-Петербург наместником Александро-Невской лавры и стал духовником императрицы Елизаветы Петровны. В 1753 г. по решению императрицы Софроний получил назначение на иркутскую кафедру, став епископом Иркутским и Нерчинским. Ему было разрешено служить в саккосе (одежда из мешковины), хотя его предшественники служили в священнических ризах.

В Иркутск архиерей прибыл 20 марта 1754 г. Его встречало духовенство и горожане у Прокопьевской церкви. Был организован крестный ход к Богоявленскому собору, в котором Софроний отслужил свою первую литургию как глава епархии. Епископ восстановил преемственность церковной власти. После шестилетнего отсутствия главы епархии иркутяне с ликованием встретили архиерея.

Уважение к Софронию Кристаллевскому среди сибиряков заметно возросло после того, как он резко выступил против бесчинств следователя Крылова. Софроний направил доношение императрице, в котором изложил все преступления Крылова, что послужило началом дела в отношении самого следователя.

Управленческую деятельность епископ начал с личного ознакомления с епархией. Он посетил Селенгинск, Кяхту и Якутск. Побывал во многих приходах и реально видел нужды паствы и духовенства. Особое внимание Софроний Кри-

сталлевский уделял обустройству действовавших церквей. В период его управления ряд храмов были перестроены в каменные. Во многих церквях производились частичные перестройки. Запрещалось отапливать церкви «по-черному».

Архиерей очень любил колокольный звон и разбирался в звучании каждого колокола. Он организовал сбор средств по епархии на приобретение колоколов, неоднократно обращался к иркутскому купечеству. Собранная сумма позволила заказать на уральских заводах партию колоколов, специально отлитую для Прибайкалья. В результате на колокольнях Богоявленского собора, Спасской и Воскресенской церквях Иркутска появились «лучшие и приятные» колокола.

При Софронии центр епархиального управления был перенесен из Вознесенского монастыря в Иркутск. Построенный архиерейский дом стал не только резиденцией епископа, но и местом, где была открыта архиерейская школа, которую он возродил. Серьезным испытанием для епископа стала секуляризационная реформа 1764 г. Благодаря его стараниям и деятельности, большинство монастырей Иркутской епархии удалось сохранить. Архиерей сумел спасти от закрытия Иркутский Знаменский монастырь, поддерживал Нерчинский Успенский, надеясь на его сохранение и включение в штат.

Существенные изменения внес епископ в порядок проведения церковных праздников. При нем сложилась традиция ежегодного водоосвящения на р. Ангаре и проведения крестного хода на Рождество, выноса особо почитаемых икон из иркутских храмов в сельские приходы.

Особой заботой Софрония Кристаллевского стала миссионерская деятельность. При нем были учреждены специальные должности проповедников-миссионеров, а также все священники должны были «просвещать» коренное население и «приобщать к истинной вере».

Умер епископ 30 марта 1771 г. и был похоронен в Богоявленском соборе. В 1918 г. он был канонизирован Священным Собором Русской Православной церкви.

Подбор кандидатуры нового главы Иркутской епархии затянулся более чем на год. В 1772 г. Синод принял решение назначить на эту должность Михаила Миткевича (1772–1789 гг.). Михаил (Матвей Миткевич) родился в 1720 г. в Черниговской

губернии. Образование получил в Киевской духовной академии, после ее окончания принял постриг. В 60-е гг. XVIII в. был переведен в Сибирь и определен архимандритом Тобольского Знаменского монастыря. До назначения на иркутскую кафедру был ректором Тобольской семинарии, затем Казанской духовной академии. 5 декабря 1772 г. в Казани был посвящен в сан епископа[43].

Михаил Миткевич прибыл в Иркутск 15 марта 1773 г. При нем активизировалось церковное строительство, было построено 29 новых храмов. В Иркутске и других городах была завершена перестройка деревянных церквей в каменные, начатая еще при епископе Софронии. Епископ сумел организовать поставку в Иркутск икон. Было принято решение о строительстве за Крестовоздвиженской церковью колокольного завода.

Однако наибольшее внимание Михаил Миткевич уделял подготовке лиц для церковного служения. При нем были усилены требования для кандидатов на священнические места и ужесточен отбор. Понимая, что епархии необходимо свое учебное заведение для подготовки грамотных кадров для церковного служения, епископ с апреля 1773 г. постоянно ставил вопрос перед Синодом об открытии в Иркутске духовной семинарии. Переписка продолжалась более шести лет. Только в октябре 1779 г. Синод принял положительное решение. Таким образом, завершилось главное дело в жизни епископа – открытие в Иркутске духовной семинарии. Михаил Миткевич был первым ее ректором, при этом не только руководил ее работой, но и преподавал.

Период управления епархией Михаилом Миткевичем вошел в историю как самый стабильный и бесконфликтный. Он умел находить взаимоприемлемые решения с гражданской администрацией, реорганизовал работу духовной консистории, поставив во главе ее своего брата Ивана Миткевича. Епископом были подобраны удачные кандидатуры на должности заказчиков. Таким образом, Михаил Миткевич проявил

себя как умелый администратор. Умер архиерей 1 августа 1789 г. и был похоронен в Богоявленском соборе Иркутска.

В декабре 1789 г. главой Иркутской епархии стал Вениамин Багрянский. Его правление было самым продолжительным в истории епархии. Оно ознаменовало завершение XVIII столетия и начало нового этапа в истории православия в Сибири.

3.2. Вскрытие погребения архиепископа Иркутского Михаила Бурдукова

В июле 1980 г. в реставрируемом здании собора Богоявления, при работах был вскрыт склеп неизвестного человека. На месте выяснилось, что в приделе во имя Казанской Божией Матери рабочие, готовясь бетонировать пол, случайно сдвинули плиту, под которой оказался склеп. Работы были приостановлены, о случившемся сообщили в облисполком. Кто именно был захоронен, никто точно не знал, хотя и предполагали, что скорее всего это было духовное лицо.

Используя литературные и архивные источники, автор заключил, что в этой могиле похоронен один из двух иркутских владык: епископ Вениамин, умерший в 1814 г., или архиепископ Михаил (Бурдуков), скончавшийся в 1830 г. Основные сведения о захоронениях в приделе Казанской Божией Матери были получены из «Иркутской летописи»[1].

Выяснилось, что в приделе было похоронено пять видных священнослужителей, четверо из которых возглавляли Иркутскую епархию. Придел был выстроен в 1764 г. Первым в нем был похоронен архимандрит Пахомий, руководитель духовной миссии на Камчатке с 1758 по 1762 г., живший в Иркутске на покое и погибший 14 февраля 1776 г. во время пожара Иркутской консистории. При вскрытии гроба его останки можно было бы отличить, так как тело его должно быть обгоревшим.

30 марта 1771 г. умер епископ Иркутский и Нерчинский Софроний, управлявший епархией с 1753 г. Был похоронен в том же приделе, «у левого клироса».

1 августа 1789 г. было последним днем жизни епископа Михаила (Миткевича), приехавшего в Иркутск в 1773 г. Его могила находилась «за правым клиросом».

8 июля 1814 г. в возрасте 72 лет окончил свои дни епископ Вениамин (Багрянский), занимавший эту должность с 1790 г. Известно, что могила его находится в том же приделе.

Наконец, 5 июня 1830 г. в 4 часа утра скончался архиепископ Михаил (Бурдуков), ведавший епархией с 1814 г. Место захоронения двух последних в «Иркутской летописи» не указано; известно лишь, что оба похоронены в том же приделе.

Кроме того, в справке обращалось внимание на то, что на крышке гроба был изображен патриарший крест, который был символом высших церковных должностей православной церкви-патриарха, митрополита или епископа. Отсюда делался вывод, что в захоронении едва ли могут быть останки Пахомия, который епископом не был.

Далее указывалось, что, так как могила находится почти на равном расстоянии от стен придела, в гробу едва ли могут находиться Софроний или Михаил (Миткевич), поскольку они были захоронены недалеко от стен. Все эти факты и рассуждения говорили за то, что был вскрыт склеп либо Вениамина, либо Михаила Бурдукова.

11 июля 1980 г. справка была передана заместителю Иркутского облисполкома Л. Г. Пынько. Ее составитель считал, что нет смысла без крайней необходимости вскрывать гроб и предлагал задвинуть плиту на место и забетонировать пол. Л. Г. Пынько и присутствовавший в его кабинете заместитель председателя президиума областного Совета ВООПИК Н. Ф. Салацкий звонили в Москву, разговаривали с руководством Совета по делам культов. Л. Г. Пынько решил все же вскрыть гроб, мотивируя это тем, что в нем могут оказаться ценные предметы, в поисках которых в захоронение возможно проникновение грабителей.

Вскрытие началось около 12 часов утра. До этого гроб всю ночь охраняли два милиционера. Вокруг придела собралось много любопытных, которые сквозь окна пытались разглядеть, что происходит внутри. У входа стояла милиция. Среди присутствовавших (членов комиссии по вскрытию) были Л. Г. Пынько, Н. Ф. Салацкий, представитель прокуратуры Кировского района Иркутска, антрополог профессор В. А. Флоренсов, научный сотрудник Археологической лаборатории ИГУ Н. А. Савельев, научный сотрудник художественно-

го музея Т. А. Крючкова. Были два представителя от епархии – старший из них, лет тридцати, назвавшийся иеромонахом, и младший, лет двадцати. Они говорили, что это – захоронение Михаила Бурдукова, и принесли с собой его портрет.

Непосредственную работу по вскрытию гроба выполнял в основном Н. А. Савельев. Гроб стоял на дне небольшого кирпичного склепа. Склеп был сухим, что, видимо, способствовало неплохой сохранности захоронения. Верхняя крышка гроба очень хорошо сохранилась. Она была обшита черным бархатом, на котором четко выделялись выполненные техникой аппликации: изображения восьмиконечного патриаршего креста, копье слева от него и трость справа, а также размещенные группами в нескольких местах крышки буквы. Почти все они увенчаны титлами и в сокращенной форме передавали ритуальные тексты. Компьютерная обработка рисунка А. В. Дулова и расшифровка сокращений произведены И. М. Бердниковым (рис.).

В центре крышки гроба изображен восьмиконечный крест на Голгофе (Голгофский крест). По обеим сторонам от креста находятся изображения орудий страстей Христовых: слева – копье, справа – трость с губкой. В верхней части крышки располагается аббревиатура **ІNЦІ**, которую следует читать как Иисус Назарянин Царь Иудейский. Между верхней и средней перекладиной Голгофского креста находится аббревиатура из двух частей: **ИІ** (Иисус) **ХР** (Христос). Под средней перекладиной – надпись **НИКА** (НИКА). Под основанием креста (схематично изображенной горой Голгофой) – аббревиатура **ГА** (глава Адама). Слева от копья – столбец из четырех букв, справа от трости, симметрично первому, также располагается столбец с буквами. Читать их следует слева направо горизонтальными рядами, получаются три аббревиатуры. В верхнем ряду – **К** (копье) **Т** (трость), под ними два ряда **МЛРБ** (Место Лобное Рай (Распят) Бысть), еще ниже – **ГГ** (Гора Голгофа).

При попытке поднять гроб из склепа крышка гроба оторвалась вместе с боковыми стенками гроба, которые по-видимому, были прочно прибиты к ней. Затем было поднято основание гроба вместе с находящимися на нем останками и поставлены на приготовленный заранее большой стол.

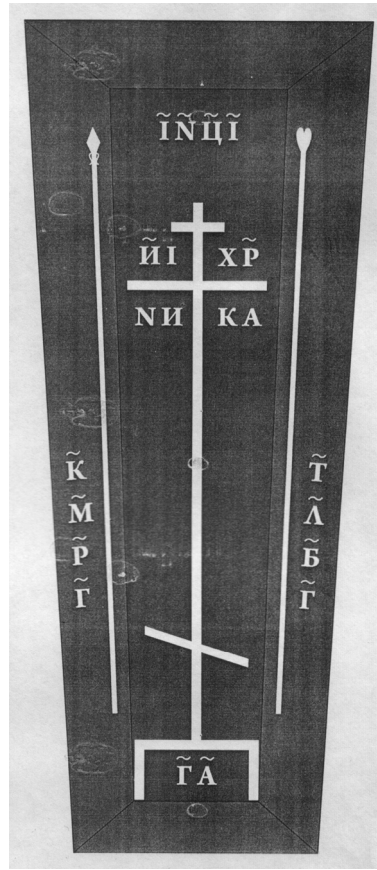


Рис. Зарисовка крышки гроба

На столе лежали останки человека, покрытые саваном. Рядом с головой находилась откатившаяся от нее полуразрушенная митра, по форме напоминавшая небольшое ведро. Хорошо сохранившийся череп мог принадлежать человеку, изображенному на портрете архиепископа Михаила. На груди поверх одежды лежал довольно большой четырехконечный деревянный крест зеленого цвета. Длина его равна примерно 25 см, толщина – не менее сантиметра. Затем верхнее покрытие на груди было раздвинуто, и с груди покойника были сняты овальная частично разрушенная панагия примерно 6 см длиной с изображением Богоматери, и массивный крест из металла желтого цвета длиной пример-

но 7 см. Как показала впоследствии экспертиза, крест был золотым, и стоимость его была оценена в 1 тыс. рублей (в ценах 1980 г.). Крест и панагия впоследствии были переданы в Художественный музей.

Кто-то из присутствующих администраторов предложил снять с лежавшего одежду, на что иеромонах совершенно справедливо ответил: «Это было бы не по-человечески». Ограничились лишь тем, что была измерена длина умершего, оказавшаяся в пределах 160–165 см. Затем весь гроб вместе с крышкой был сколочен новыми гвоздями и опущен на дно склепа. Вся эта процедура заняла примерно часа два. Позже был составлен протокол о вскрытии останков покойного, который в числе других был подписан также нами. Пол над склепом забетонировали.

Приведем отрывок из записок современника Бурдукова В. И. Федосеева, указывающий точное место погребения Михаила и свидетельствующий о том, что именно его останки были потревожены летом 1980 г., спустя 150 лет после смерти архиепископа: «Погребен 8 июля, в воскресенье, на 62 году, управлял епархиею 15 лет и 5 месяцев, отпевали в Богоявленском соборе, в приделе Казанской Божией Матери, погребен посредине церкви, под полом, в двух шагах от полуденных от архиерейского дома дверей. Был примерной добродетели и простодушия[2].

Михаил (в миру Матвей Бурдуков) родился в Тобольске в 1770 г. и окончил Тобольскую семинарию. Перед назначением в Иркутск был архимандритом Троицкого Калязина первоклассного монастыря и ректором Тверской семинарии. 27 августа 1814 г. Синод принял решение назначить Михаила иркутским епископом; хиротонисан в епископы он был 18 октября в Успенском соборе в Москве, а в Иркутск приехал 5 января 1815 г. Его обрадовал тот факт, что директором иркутской гимназии был П. А. Словцов, преподававший ему в Тобольской семинарии.

Михаил совершил ряд длительных поездок для обозрения епархии. (Иркутский архиерей с 19 мая 1816 г. стал именоваться епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским). С 15 мая по 23 августа он совершает поездку в Якутск и обратно, а с 10 февраля по 24 февраля 1816 г., посещает Кяхту. Перед этой поездкой он получил орден св. Анны I степени. 25 декабря 1819 г. в Иркутске открывается отделение Библейского общества. Его директорами были избраны епископ Михаил и генерал-губернатор М. М. Сперанский.

В 1821 г. с 28 февраля по 9 апреля путешествовал в Нерчинск и обратно. В 1824 г., когда к епархии присоединили Енисейскую губернию, Михаил с 31 июля по 14 октября совершил поездку на эту новую для него территорию. В 1826 г. он вновь отправляется в Енисейскую губернию, плывет по Енисею до Туруханска. В дороге епископ находился с 29 мая по 30 августа. Спустя месяц (24 сентября того же года) его возводят в сан архиепископа. Последнюю поездку Михаил совершает с 4 по 13 марта 1829 г. – в Верхнеудинск.

Занимаясь в основном церковными делами, Михаил вынужден был принять активное участие и в политической жизни. В Иркутске еще до приезда Михаила начал править один из «сибирских сатрапов» иркутский губернатор И. Н. Трескин. Казнокрадство, взяточничество, произвол процветали и в губернском городе, и в уездах. Иркутяне писали жалобы в Петербург, но находившийся в столице генерал-губернатор Восточной Сибири И. Б. Пестель делал все возможное, чтобы не давать им ходу. Когда нижнеудинский исправник Лоскутов дошел до того, что распорядился высечь плетьми протоиерея Орлова, Михаил решительно выступил против местных администраторов.

Вот что писал о роли иркутского епископа видный сибирский историк В. И. Вагин: «Наконец, возвысил свой голос и кроткий иркутский архипастырь. Об епископе Михаиле Бурдукове все, знавшие его, еще и поныне отзываются с величайший уважением. Он был глубоко возмущен угнетением и страданиями своей паствы. Дело протоиерея Орлова вынудило его на официальную борьбу с сибирскими властями»[3].

Михаил писал министру духовных дел князю А. Н. Голицыну: «Хотя лично ничего не терплю от губернатора, но

стражду ежедневно в растерзываемой как бы волками пастве своей, коей непрерывный вопль проницает и сквозь толстые стены архиерейского дома. Нечестие и бесстыдное притворство; дерзость и самонадеянность с деспотизмом; презрение к людям и страданиям их; выбор и отличие чиновников, деятельных только к разорению поселян, особливо бурят; система обогащать себя и во всем монополия – сии черты отличают здешнее правительство от внутренних губерний России»[4].

По оценке автора книги об истории Иркутска, редактированной иркутским головой В. П. Сукачевым, именно письма иркутского епископа к А. Н. Голицыну, одному из самых близких к императору Александру I лиц, оказалась очень важными для решения вопроса о назначении в Сибирь М. М. Сперанского для проведения там ревизии[5]. Таким образом, Михаил Бурдуков способствовал ревизии М. М. Сперанского, который уволил чиновников, особенно злостно нарушавших закон, а затем провел реформу управления Сибирью, имевшую прогрессивный характер.

Приведем в заключение стихи, произнесенные учителем красноречия Гаряевым при выносе тела архиепископа из келий.

Куда, куда ты, ангел мира,
Наш добрый пастырь и отец?
Тяжел ли стал тебе венец
Сиять в нем доблестьми средь мира?
Правлением жезл отяготел,
Или воззвал тебя Спаситель
В свою небесную обитель,
Чтобы покой ты там обрел!
Давно не радость мы читали
В твоих задумчивых очах;
Но все, но все еще питали
Надежду сладкую в сердцах.
Но нет! ты путь уже направил
Туда, где крепость в век цветет;
Лишь отблеск нам с зарей оставил
Твоих бесчисленных доброт.
Коль кротко паству назидая
Ты дальний путь предпринимал,

Но, чрез опасности дерзая.
Себя лишь богу поручал.
Исправить ли хотел строптивость,
Явив незлобия пример,
Ты принимал нестрогость мер,
Средину лучшую и милость.
Питомцев юных ты любил
Со всей отеческой добротой,
С какой болезненной заботой
Хотел, чтоб всякий был счастлив.
Ты был несчастным утешенье,
Надеждой бедных и сирот;
Простой душою и смиреньем,
Ты будешь хвален в род и род.
По храме ж ревность пресвятая
Столь высока в тебе была!
Что весь живот в тебе снедая,
Тебя и в небо унесла.
Чье б сердце скорбь не уязвила?
Потери цену кто поймет?
И кто на гробе Михаила
Слезы горячей не прольет?
Одна нам в скорби сей отрада:
Молил ты Бога здесь о нас;
И там ты не забудешь стада;
И там возвысишь к Богу глас.
И все произрастет о плодами.
Все, что всеял ты в сердца,
Лишь только б доброго отца
Мы были б добрыми сынами[6].

Контрольные вопросы

1. Расскажите о первых архиереях Иркутской епархии?
2. Кто из первых архиереев Иркутской епархии был канонизирован православной церковью?
3. Чьи захоронения находились в Богоявленском соборе Иркутска?
4. Расскажите о деятельности епископа Михаила (Бурдукова) во главе Иркутской епархии?

Глава 4

НАРОД И ПРАВОСЛАВИЕ

4.1. Церковный брак, семейные отношения, развод в Иркутске в XIX веке

До 1917 г. все вопросы, связанные с созданием семьи и регистрацией брачного союза, полностью находились в ведении церкви. То же правило распространялось и на неправославные и нехристианские исповедания: «… брак во всех вероисповеданиях, терпимых в Российской империи, не исключая магометан, евреев и язычников, признается законным, когда оный совершен по правилам и обрядам их веры»[1].

С точки зрения православной церкви, брак как таинство, в ходе которого испрашивалось божественное благословение на соединение супругов и рождение ими детей, был единственной допустимой формой взаимоотношений полов. Все «неформальные» союзы квалифицировались как грех, нарушение заповедей, их участники по возможности разлучались и подвергались епитимии.

Российским законодательством были установлены границы брачного возраста: разрешалось вступать в брак с 16 (для девушек) – 18 (для юношей) до 80 лет. В необходимых случаях епархиальные архиереи могли разрешать браки, в которых одна (или обе) из сторон была на полгода младше установленного законом брачного возраста.

Помимо неподходящего возраста, препятствием к браку могли служить: психическое заболевание одного из супругов, отсутствие разрешения на брак родителей (для лиц, состоящих на военной или гражданской службе – также начальства), родство или свойство, противоречащее церковным установлениям, существование прежде заключенного и не расторгнутого брака.

Принадлежность жениха или невесты к неправославному исповеданию препятствием для брака не являлась. Союзы с лютеранами, католиками, англиканами и т. п. разрешались при условии сохранения православным супругом своей веры и воспитания в ней общих детей. Потенциальные женихи или невесты, принадлежащие к нехристианским исповеданиям (иудеи, мусульмане, буддисты и т. п.) для брака с православными должны были сами принять православие.

Желающим заключить брак прихожанам необходимо было подать приходскому священнику «ходатайство о повенчании брака» и собрать документы («брачный обыск»), подтверждающие отсутствие вышеперечисленных препятствий.

Венчание происходило только в церкви в дневное время. Запрещалось венчать браки в течение постов, накануне воскресных, праздничных и постных (среда, пятница) дней. Огромное значение имело следующее за церковным венчанием свадебное гуляние, продолжавшееся иногда несколько дней.

Ожидание брака само по себе было сильнейшим эмоциональным переживанием для молодых девушек. В девичьей среде, несмотря на церковные запреты, были широко распространены разнообразные приметы и гадания, с помощью которых потенциальные невесты пытались предугадать личность и характер будущего мужа и, соответственно, свою судьбу[2]. Судя по предлагавшимся в гаданиях вариантам (муж мог быть как молодым, богатым, так и старым, пьющим, скупым, драчливым и т. п.), девушки далеко не всегда имели возможность повлиять на выбор жениха, отказаться от невыгодного или нежеланного союза, а потому принимали любой выпавший им вариант как данность, судьбу, без возможности что-либо изменить (развод, повторный брак в описанных гаданиях не рассматривались).

Выбор невест в начале XIX в. происходил во время свадеб, в гостях и в церкви: «Девиц можно было видеть у обедни, на сговорах или у знакомых»[3]. Разумеется, на самом деле храм не предназначался для романтических знакомств и встреч, а посещавшие его прихожане-мужчины должны были в нем молиться, а не рассматривать девушек, и подобное их поведение было оскорблением святого места. Однако, судя по спокойному тону Е. А. Авдеевой-Полевой, ничего

предосудительного в выборе невест во время богослужения современники не видели, для них это было привычным, обыденным явлением.

С середины XIX в. с распространением европейской формы бала (балы и вечера в доме генерал-губернатора, Общественном собрании, зале городской Думы, клубе Общества приказчиков, ремесленном собрании, учебных заведениях Иркутска) и общей европеизации образа жизни, роль церкви как места завязывания знакомств уменьшилась.

Зафиксированное в российском законодательстве право на «добровольное и непринужденное» вступление в брак на деле часто нарушалось. По воспоминаниям современников, «прежде никогда не спрашивали согласия невесты: она должна была повиноваться слепо воле родителей…»[4], «согласия на вступление в брак не спрашивают у детей… невеста узнавала о своей участи едва ли не последняя в деревне. От нее скрывают сватовство»[5]. Бытописание Н. С. Щукина относится к 40–50-м гг. XIX в., но и в конце столетия в крестьянских семьях в пригородных селах девушек выдавали замуж против их желания: «их нередко отдают против их воли…». При этом девушки не осмеливались на крайние формы протеста против нежеланного союза: побег или разрешенный законом отказ от брака во время венчания в церкви[6].

Конечно же, были и девушки, выходившие замуж добровольно, за выбранного ими жениха. Многое зависело от конкретной ситуации, финансового положения семьи, мнения родителей, их отношения к дочери. Например, свободна в своем выборе (при условии относительного равенства женихов) могла быть единственная любимая дочь. По воспоминаниям купца П. И. Пахолкова, в 1863 г. он посватался к единственной дочери купца В. А. Останина Авдотье, с которой он был практически не знаком, но которая понравилась ему внешностью и перспективами наследства. Однако его ожидал отказ: «…впоследствии оказалось, что раньше этого уже нравился ей Аполлон Андреевич [Белоголовый. – И. П.], за которого она вскоре и вышла замуж…»[7].

В любом случае по воле брачующихся было необходимо согласие родителей. Письменное разрешение на брак, данное родителями, входило в состав брачного обыска, и все священники должны были проверять его наличие и под-

линность. Теоретически брак без согласия родителей можно было заключить, например, в другом приходе или даже городе, соответственно вознаградив или просто обманув священника. В том случае, если родители, не смирившись, обращались к властям, их провинившиеся дети могли быть лишены наследства и даже подвергнуты тюремному заключению (на 4–8 мес.), однако брак считался действительным и не расторгался.

На деле подобных «неблагословленных» родителями браков было немного. Е. А. Авдеева-Полевая, подробно описавшая в своих воспоминаниях нравы, обычаи, образ жизни иркутян, яркие события и необычные характеры из иркутской жизни начала XIX в., упоминает всего один «самовольный брак», да и тот был заключен в европейской части России (в Иркутск же супруги приехали по торговым делам мужа)[8]. В конце XIX в. корреспондент ИРГО сообщал: «Беглых браков ныне уже не слыхать»[9]. Это могло происходить как из-за нежелания начинать семейную жизнь без благословения родных (что по народному убеждению могло негативно отразиться на благополучии семьи и будущих детях), так и (намного чаще) по причинам чисто экономическим (экономическая зависимость детей от родителей).

В некоторых случаях самовольной женитьбы родители просто смирялись с браком, выделяя женившихся сыновей в отдельные хозяйства, либо даже передавая им все свое имущество[10].

Браки заключались в молодом, особенно по современным понятиям, возрасте. Так, жители пригородных сел в конце XIX в. создавали семьи: девушки с 16 и в среднем до 20 с небольшим лет, молодые люди – с 18–20 лет. «Невесте подыскивают “ровню”. Как парень не женится на девушке старше себя, так и девушки не охотно идут за вдовцов и парней моложе себя»[11].

В Иркутске девушки также начинали рано выходить замуж (с 16 лет), однако обыденным явлением были браки и невест 25–30-летних. Например, в 1888 г. в приходе иркутской Крестовоздвиженской церкви вступили в брак 48 женщин. Из них в возрасте до 20 лет – 20, 21–25 лет – 12, 26–30 – 8 женщин[12]. По данным переписи 1897 г., из 1189 иркутских девушек в возрасте 15–16 лет замужем были 24 (2,01 %), в

возрасте 17–19 лет состояли в браке 313 (17,02 %) женщин из 1 839, а в возрасте 20–29 лет – 2 680 (58,8 %) из 4 552 и, кроме того, еще 130 женщин (2,9 %) уже успели в этом возрасте овдоветь[13].

Мужчины в большинстве вступали в брак в более зрелом возрасте. Так, по данным переписи 1897 г., в группе юношей 15–16 лет не было ни одного состоящего в браке, из 1 383 молодых людей в возрасте 17–19 лет женатых было только 45 (3,25 %), в возрасте 20–29 лет – 2209 (34,5 %) из 6 412 мужчин, и в возрастной группе 30–39 лет – 2 639 (66,42 %) мужчин из 3 973[14].

Однако в начале XIX в. практиковались намного более ранние (во всяком случае, для невест) браки: «О выдаче замуж ранее 16 лет предания еще живы…»[15]. В 14 лет вышла замуж за купца П. Авдеева Е. А. Полевая[16]. В возрасте 15 лет была выдана замуж за купца А. Ф. Трапезникова Александра Ивановна Куклина[17].

В тех не слишком многочисленных случаях, когда о подобных нарушениях закона о брачном возрасте становилось (чаще всего благодаря доносам) известно властям, брак не расторгался, но венчавшего его священника строго наказывали. Так, был на два года низведен в причетники священник Крестовоздвиженской церкви Х. Шастин, венчавший брак своего прихожанина, губернского секретаря А. Вешнякова с его 14-летней невестой[18].

В начале XIX в. свадебный обряд, окончательно оформлявший и завершавший брак, был единым практически для всех слоев иркутского общества и имел много общего со свадебным обрядом центральной России.

Начиналось все со сватовства к выбранной невесте. В случае согласия назначался день *рукобитья.* Обряд проводился в отсутствие жениха и невесты и состоял в том, что сват и родители невесты вместе молились при зажженных свечах, пили за здоровье помолвленных и обязательно пожимали («били») руки, закрепляя согласие на брак. Затем следовал *сговор* (смотрины), на котором в доме невесты собирались все ее родные и знакомые, а также жених со сватом и своими родственниками и знакомыми. Нарядно одетую невесту выводили к гостям, она здоровалась с женихом, его родными, сватом, обменивалась с ними подарками. Да-

лее следовали застолье, сбор денежных подношений гостей, после отъезда жениха – танцы.

С этого дня и до свадьбы жених вместе с друзьями и сватом посещал невесту, которую окружали подруги и родственницы, помогавшие ей готовить приданое. Жених дарил невесте подарки, девушкам раздавались сладости. За два дня до свадьбы невесту водили в баню и торжественно расплетали ей косу. В день перед свадьбой проводили *девичник*.

Сговор, визиты жениха, девичник и свадьба сопровождались многочисленными разнообразными песнями, имевшими своих конкретных адресатов. Некоторые песни предназначались специально свату, другие – молодым неженатым мужчинам, третьи – родителям и т. д.

Утром в день свадьбы в дом жениха отсылали приданое. Невесту одевали, благословляли иконой. По приезде тысяцкий «выкупал косу» (платил деньги маленькому мальчику или девочке, сидящей около невесты). Родители невесты отдавали дочь жениху с наказом любить и беречь ее, однако в церковь на венчание по традиции не ездили. После венчания следовали многодневные гуляния с визитами и подарками.

Такое описание иркутской свадьбы начала XIX в. приводит Е. А. Авдеева-Полевая[19]. К концу века происходит некоторая европеизация городской свадьбы: она обходится без песен, выкупа косы, тысяцкий и дружки получают название шаферов, помолвку (прежнее рукобитье) и свадьбу сопровождают балы с танцами[20]. Свадьбы по вышеописанному (с некоторыми небольшими изменениями) порядку продолжают праздновать в пригородных селах и низших слоях населения в городе[21].

В свадебном обряде, также как и в обрядах, связанных с рождением и смертью, происходило сочетание православных, христианских традиций (совместная молитва на рукобитье, благословение невесты иконой, крестное знамение, которым осеняла себя невеста при одевании, пост, который жених и невеста соблюдали до венчания и т. д.) с народными приметами и обычаями, не имеющими обоснования и объяснения в гражданских законах или церковных канонах (отсутствие родителей на венчании, вера в порчу свадеб, приметы при совершении таинства венчания – у кого пер-

вого из брачующихся погаснет свеча, кто первым ступит на подножье и т. п.).

Также на народных, а не на церковных традициях основывался интерес к факту сохранения целомудрия невесты. В середине XIX в. иркутский епископ Нил Исакович гневным указом призвал подчиненных ему священников искоренить «обычай, коим тайна брачнаго ложа выводится на позор»[22]. Причем обычай этот был распространен «нетокмо между низшим необразованным классом мирян, но и даже … между духовенством». По мысли преосвященного приходские священники должны были проводить с прихожанами воспитательные беседы о неприличии и недопустимости подобного обычая. Представителей же духовенства, допустивших подобное на свадьбах собственных или своих детей, ожидали штрафы, епитимии, испорченная в глазах начальства репутация.

В конце XIX в. обычай в описанном виде, судя по всему, вышел из употребления, однако повышенный интерес к целомудрию невесты сохранился: «бедняки женятся без особых претензий на невинность невест; но между состоятельными на эту статью обращается большое внимание … в случае несчастья без неприятностей для невесты и ея родни не обходится»[23].

Все вышеописанные обряды, приметы и обычаи были распространены на свадьбах впервые вступающих в брак женихов и невест. Повторные браки (союзы вдовцов, вдов, разведенных) проходили скромнее и обходились минимальным количеством обрядов (за исключением тех случаев, когда брак был первым для одной из сторон и, соответственно, требовалось исполнение большего числа обрядов).

В отличие от европейской России, в ряде местностей которой было распространено отрицательное отношение ко вторым и третьим бракам[24], в Иркутске и его окрестностях отношение к повторным бракам было лояльным: «ограничений для вдов к вторичному выходу замуж в обычае нет»[25]. В статистических данных иркутских церквей зафиксированы все возможные виды повторных браков: союзы вдов с холостыми мужчинами, вдовцов с девицами, вдов и вдовцов между собой[26]. В 1866 г. в Иркутске был заключен 221 брак. Из этого числа 57 браков (25,8 %) были повторными для одной или даже двух сторон союза (12 браков заключили

вдовы с холостыми мужчинами, 30 – вдовцы с девицами, 15 – вдовы и вдовцы между собой)[27]. Подобная лояльность могла проистекать из ситуации, сложившейся в первые десятилетия после освоения Сибири, когда из-за численной диспропорции полов любая женщина брачного возраста как девица, так и вдова, была востребована как невеста.

Семейные отношения, несмотря на их личный, интимный характер, также регламентировались, хотя и в меньшей степени, государственными и церковными законами и установлениями.

Согласно церковным наставлениям, идеальным был патриархальный брак: «муж есть глава жены, лицо ответственное пред Богом и Св. Церковью за направление семейной жизни, за ея прочность и благосостояние … муж является руководителем семейной жизни»[28].

Сходные указания содержались и в гражданском законодательстве: «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение, как хозяйка дома»[29]. Муж должен был содержать жену «по возможности своей», жена же обязана была повсюду следовать за своим мужем и могла быть в судебном порядке принуждена сделать это.

Семейные отношения во многом зависели от численности и состава семьи: «патриархальные порядки встречались чаще в семьях со стариками-родителями. В семьях, состоявших из родителей и неженатых детей, развитие семейного строя шло по пути смягчения авторитарности»[30]. По мнению исследователей, в середине XIX в., и тем более в его конце, большая часть иркутских семей были по составу «простыми». («Простыми», «нуклеарными», «неразделенными» семьями называют семьи, состоящие из одной супружеской пары с неженатыми детьми, а также одного родителя с неженатыми детьми. Сложные, или нераздельные, семьи включают также родственников по нисходящим (племянники) и боковым (братья, сестры) линиям и состоят из нескольких супружеских пар с детьми или без)[31].

Согласно данным исследования сибирских купеческих семей, проведенного Е. А. Зуевой, «… в Иркутске и Томске в первой четверти XIX в. преобладали простые семьи. Так, в

Иркутске по 7-й (1816 г.) ревизии зарегистрировано 62 семьи, из них 47 (76 %) простых и 15 (24 %) сложных»[32].

Среди духовенства также преобладающим типом семьи были семьи «простые, одно- двухпоколенные, состоявшие с супругом с детьми или без них»[33].

По свидетельству современников, стремление к разделам охватило с середины XIX в. и крестьянские семьи. Если в первой половине XIX в. в Иркутском уезде существовали небольшие деревни, целиком состоявшие из одной большой семьи (глава семьи, дети, внуки, племянники с детьми и внуками), то с 40-х гг. XIX в. стремление к разделам привело к тому, что «в редкой деревне даже два родных брата живут вместе по смерти отца. … уходят даже от живых отцов»[34].

Практически во всех семьях семейные отношения отличались различной степенью патриархальности. Главой семьи, хозяином имущества, плательщиком податей был мужчина. Женское влияние, в основном, распространялось на домашнее хозяйство, быт, отношения с прислугой (если такая в доме была). Полную власть над имуществом, финансами и домочадцами женщина могла приобрести в случае смерти мужчины – главы семьи. Если вдова обладала сильным характером, то она могла оставаться главой семьи и тогда, когда вырастали ее дети (племянники, внуки и т. д.).

Авторитарность семейных отношений проявлялась в жестоком обращении мужей с женами. Разумеется, это не было всеобщей нормой, но, например, в крестьянской среде «колотушки “под пьяную руку” не редки»[35]. В том случае, если эти «колотушки» были жестокими и регулярными, женщина могла искать защиту в волостном суде или даже обратиться за разводом[36]. Однако реальная помощь волостного суда состояла во взятой у мужа подписке не бить жену, а жестокое обращение не могло быть основанием для развода, поэтому помощь со стороны церкви заключалась в «пастырском вразумлении» мужу от приходского священника. Фактически женщина оставалась в полной власти жестоко обращавшегося с ней мужа.

Церковными и гражданскими законами супругам также вменялась в обязанность и супружеская верность в браке, однако здесь не обходилось без нарушений. При этом требования общественного мнения к женской нравственности

были строже и жестче, чем к нравственности мужской: «благонравие уважается чрезвычайно, и даже в простом народе женщина дурного поведения не найдет себе места нигде»[37]. «Отношения между полами и семейные были, может быть, не строже, но лицемернее нынешних… Незаконные связи замужних женщин были большою редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее»[38].

Дополнительные возможности для внебрачных связей мужчинам давали деловые поездки, которые они предпринимали по роду своей деятельности (купцы, чиновники и пр.). Например, Б. В. Струве вспоминал, что «тюменская ярмарка свела меня с многими иркутскими купцами, как молодыми, неженатыми, так и пожилыми; последних я считал по образу жизни, которую они здесь вели, или за холостяков или за бездетных вдовцов. Каково же было мое удивление, когда я, по приезде в Иркутск, узнал во многих из них почтенных отцов семейств, пользующихся уважением в кругу семейном и почетом в обществе, – ярмарки как будто не было»[39].

Для тех, кто не боялся огласки, в Иркутске работал «дом терпимости», в котором проводили время как молодежные кампании, так и более почтенные гости[40]. В 1891 г. число таких заведений в Иркутске достигало пяти, а работало в них 68 женщин[41].

Во второй половине XIX в. некоторые женщины, знавшие о похождениях своих мужей, решались просить консисторию о разводе, указывая в своих заявлениях в качестве побудительной причины «прелюбодеяние» мужа, либо даже его «развратную жизнь»[42].

Впрочем, подобные заявления подавали и мужчины, причем количество сохранившихся в Государственном архиве прошений мужчин о разводе с женами по причине их «прелюбодеяния» либо «развратной жизни» значительно превышает количество аналогичных прошений от женщин[43].

Однако далеко не всегда такое изобилие обвинений в «развратной жизни» в адрес женщин свидетельствовало о реальных изменах, реальной женской свободе, раскрепощенности и вседозволенности. В некоторых прошениях в качестве доказательств измены фигурировали слова соседей, знакомых об отлучках жены и т. п. Видимо, в подобных случаях срабатывал двойной стандарт морали – женщине не

прощалось любое не укладывающееся в общепринятые рамки отклонение в поведении, привычках, малейший намек на возможность измены.

Также возможно, что в некоторых случаях реальная или предполагаемая измена второй половины была удобным предлогом для обретения свободы и вступления в новый брак. Законодательство о разводах в Российской империи было очень строгим – развестись просто по своему желанию супруги не могли. Существовал небольшой перечень строго оговоренных причин развода, среди которых измена была причиной наиболее «удобной», подходящей для большинства.

Вообще, церковь стояла на позиции нерасторжимости, вечности брака: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает»[44]. Прекратить брачные отношения могли (с точки зрения отцов церкви) только прелюбодеяние или смерть.

Однако действительность вносила свои неизбежные коррективы. В российском законодательстве список причин развода был несколько шире: браки расторгались «по неспособности одного из супругов к брачному сожитию», «по оскорблению святости брака прелюбодеянием», «по причине присуждения одного из супругов к наказанию с лишением всех прав состояния», «по безвестному отсутствию супруга».

Относительно прекращения некоторых брачных союзов мнения (точнее, формулировки) церкви и гражданского законодательства расходились. По определению законодательства, браки лиц, состоящих в запрещенных церковными правилами степенях родства, браки, заключенные при существовании других, не расторгнутых союзов, и четвертые браки признавались *незаконными* и *недействительными*. (Соответственно, дети рожденные в таком союзе признавались незаконными, а бывшие супруги в большинстве случаев могли вступать в новые браки.) Церковь же во многих случаях выдавала заключение о *расторжении* подобных браков (с соответствующими законодательными последствиями) и включала их в свою бракоразводную статистику (табл. 1).

В законодательстве также были установлены достаточно строгие правила и условия, при выполнении которых можно было получить развод по одной из вышеперечисленных причин. Проиллюстрировать действие этих установле-

ний в реальной жизни могут бракоразводные дела, разбиравшиеся в Иркутской духовной консистории.

Одной из основных причин развода было прелюбодеяние, супружеская измена. Главным доказательством прелюбодеяния обвиняемой в нем стороны были показания нескольких (двух или трех) свидетелей *самого факта супружеской измены*, а также прижитие внебрачных детей. Свидетельские показания о развратной жизни обвиняемого супруга, любовная переписка и прочие косвенные доказательства рассматривались только как дополнение к доказательствам главным. Чистосердечное признание виновного принималось в рассмотрение также только как дополнение, а если не находилось никаких основных доказательств, то и вообще не рассматривалось.

При таких условиях многие прошения о разводе оставались неудовлетворенными, так как их податели не могли в установленном порядке доказать прелюбодеяние своей второй половины. Но были и другие случаи.

В апреле 1893 г. рижский цеховой Карл Крольман, проживающий в Иркутске и работающий в мастерских Технического (Промышленного) училища подал прошение о расторжении брака с женой, Пульхерией Крольман, урожденной Ивановой, по причине ее прелюбодеяния.

Главным доказательством виновности женщины послужило уведомление Рижского городского полицейского управления о том, что в период с 7 августа 1890 г. по 4 мая 1893 г. она находилась в доме терпимости Булван в качестве проститутки. На судебном заседании выяснилось, что Пульхерия Крольман была увезена мужем из Иркутска на его родину, в Ригу, и оставлена там у его родственников. Свекровь ее, которой не понравились принадлежность невестки к православному исповеданию и ее бедность, вскоре выгнала ее из дома. Оставшись в незнакомом городе без жилья и денег, Пульхерия Крольман вынуждена была заняться проституцией.

Суд, впрочем, не снисходя к смягчающим обстоятельствам и исходя из доказанности факта прелюбодеяния, постановил брак супругов Крольман расторгнуть. Карлу Крольману было разрешено вступить в новый брачный союз, Пульхерию же,

как виновную сторону, осудили на «всегдашнее безбрачие» и предали церковному покаянию сроком на 7 лет[45].

Достаточно сложно было получить развод по причине «неспособности одного из супругов к брачному сожитию». Иск о разводе по этой причине разрешалось подавать не ранее, чем через три года после заключения брака, неспособность должна была быть врожденной, а не приобретенной в браке, а подтверждалась она специальной медицинской комиссией.

В 1863 г. в Иркутскую духовную консисторию обратилась жена отставного полковника Епифана Иодко Анжелика, урожденная Гатовская, с просьбой о расторжении ее брака по причине «неспособности ее мужа к брачному сожитию». Несмотря на то что и сам Епифан Иодко, признавая свою слабость, тоже просил о разводе, консистория постановила в просьбах отказать, так как у четы Иодко уже родилось двое детей, т. е. неспособность мужа была не врожденная, а наступившая после нескольких лет жизни в браке[46]. Обращение недовольных супругов в Синод также не дало желанного результата: решение консистории было признано правильным и оставлено без изменений.

Значительно проще было получить развод женам (или мужьям) тех лиц, которые были осуждены за какие-либо преступления к наказанию с лишением всех прав состояния. В этом случае достаточно было грамотно составленного прошения и соответствующих справок (о заключении брака, об осуждении супруга или супруги).

В октябре 1892 г. в консисторию с просьбой о расторжении брака обратилась крестьянка Смоленской волости (постоянно проживающая в Иркутске) Улита Кузьменко. Ее муж, крестьянин Илья Кузьменко, получивший по поддельному письму (якобы от губернатора епископу Макарию) 400 рублей, был приговорен за это губернским судом к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение. Жена последовать за ним не захотела и просила о разводе, который довольно легко получила уже в следующем, 1893 г.[47].

Следует отметить, что, судя по сохранившимся архивным делам, к концу XIX в. произошла бюрократизация процесса развода, или, по крайней мере, процесса развода из-за наказания, связанного с лишением всех прав состояния. Так,

вышеупомянутое дело Кузьменко, возникшее и рассматривавшееся в 1892–93 гг., включает в себя само прошение о разводе, а также разнообразные справки, отношения, протоколы заседаний и занимает в итоге восемь листов. Дело же о разводе рабочего иркутского солеваренного завода Василия Бурлакова (рассмотрено в 1827 г.), чья жена Матрена была «за развратные поступки и покушение к убийству» отправлена в селенгинский солеваренный завод, состоит из одного только прошения о разводе (с резолюцией епископа Михаила – «позволено жениться на другой») и занимает всего один лист[48].

Связано это было, возможно, с кодификацией российского законодательства, в том числе семейно-брачного (1832 г. – первое издание Свода законов Российской империи, 1833 г. – Положение о брачном союзе), и соответствующим усложнением делопроизводства.

В случае «безвестного отсутствия» одного из супругов также подавалось прошение в консисторию, по которому начиналось дело, но сначала не о разводе, а о поиске пропавшего супруга. От имени консистории делались запросы в полицейские органы всех губерний и областей Российской империи с вопросом: не проживает ли имярек в их местности? Если изо всех мест приходили отрицательные ответы, а близкие, родные, соседи пропавшего не могли дать никакой информации о его местонахождении, покинутый супруг мог получить вожделенный развод.

Подобные дела, как правило, затягивались, что приводило порой к нежелательным (для истца) результатам. Так, за время рассмотрения прошения о разводе крестьянина Федора Семенова, оставленного (вместе с детьми) сбежавшей женой, беглянка успела вернуться в семью[49].

Строгость бракоразводного законодательства приводила к весьма незначительному числу официальных разводов. Во всей Иркутской губернии в течение года оформлялось, как правило, около 10 разводов (1861 – 5, 1875 – 9, 1878 – 10 и т. д. – табл. 1). При этом число желающих развестись было, конечно, больше. Многие заявления не принимались, возвращались истцам, ввиду неправильного оформления прошения, неуплаты гербового сбора и прочих формальных причин[50]. Количество правильно оформленных,

оплаченных, прошедших через все бюрократические препятствия прошений, принятых в производство, было невелико, но к концу XIX в. увеличилось в несколько раз (табл. 1). Однако факт принятия прошения о разводе в производство еще не означал получения развода. По некоторым делам выносился отказ. Например, в 1890 г. в консистории в производстве состояло 66 дел о разводе, по 23 из них был дан отказ, 42 были перенесены на следующий год, одно дело завершилось разводом (табл. 1). Церковь стремилась сохранить любой брак, даже самый неудачный, непрочный и неравный.

Таблица 1

Количество разводов и бракоразводных дел по Иркутской епархии[51]

	Годы						
	1861	1863	1875	1877	1878	1879	1890
Количество бракоразводных дел, состоящих в производстве на начало данного года	9	7	29	43	55	51	66
Количество отказов	1	3	2	8	14	8	23
Количество разводов, в том числе:	**5**	**4**	**9**	**8**	**10**	**19**	**1**
«за ссылкою в Сибирь»	–	–	2	–	5	16	1
«за вступление в брак при жизни одного из супругов»	2	–	1	2	–	–	–
«за прелюбодеяние»	–	–	2	3	3	–	–
«по близкому родству»	–	–	–	–	–	–	–
«по безвестному отсутствию»	3	4	4	3	2	3	–
«за неспособностью к брачному сожитию»	–	–	–	–	–	–	–
«по повенчанию под чужим именем»	–	–	–	–	–	–	–
«за вступление в 4-й брак»	–	–	–	–	–	–	–

Одним из следствий такой позиции церкви было появление разводов неофициальных, неформальных, когда кто-то из супругов (чаще всего муж) оставлял (на время или постоянно) свою семью и начинал отдельную жизнь в другой местности[52].

Низкой численности разводов контрастирует значительное число незаконнорожденных детей. В середине

XIX в., в период с 1 ноября 1846 г. по 1 ноября 1847 г., в приходах шести иркутских церквей (Воскресенской, Троицкой, Сретенской, Владимирской, Борисоглебской, Успенской) родилось 365 детей православного исповедания, из них 38 (10,5 %) – незаконнорожденных[53].

Во второй половине XIX в. число незаконнорожденных детей увеличилось. В 1866 г. в Иркутске родился 881 ребенок, причем вне брака появилось на свет 315 детей (35,7 %) из этого числа[54]. В 1885 г. из 1 770 детей православного исповедания незаконнорожденными были 413 (23,3 %)[55]. В 1895 г. родилось 1920 детей, в том числе незаконнорожденных – 563 (29,3 %)[56]. (табл. 2)

Таблица 2

Количество незаконнорожденных детей православного исповедания в Иркутске в 80–90-е гг. XIX в. [57]

Год	Всего родилось		Законнорожденных		Незаконнорожденных	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1885	1 770	100	1 357	76,6	413	23,3
1888	1 685	100	1 222	72,5	463	27,5
1889	1 592	100	1 147	72,04	445	27,95
1893	1 922	100	1 400	72,8	522	27,2
1894	1 952	100	1 421	72,8	531	27,2
1895	1 920	100	1 357	70,7	563	29,3

Следует отметить, что показатели незаконных рождений по Иркутску превосходили показатели по другим сибирским городам, например Томску (1864 г. – из 971 православного ребенка 62 (6,4 %) незаконнорожденных, в 1890 – 12,6 % от общего числа рождений[58]), и приближались к столичным. В Петербурге в 1889 г. было зарегистрировано 28 640 рождений, из них незаконнорожденных младенцев было 7907 (27,6 %)[59].

Некоторый вклад в эти высокие показатели вносили проживавшие в Иркутске ссыльнопоселенцы обоих полов (например, 1866 г. – 2627 поселенцев и 376 водворяемых рабочих из общего числа иркутских жителей 27 332)[60]. При отказе их жен (мужей) следовать за ними в Сибирь, они присуждались к «всегдашнему безбрачию», что на деле совсем не означало полного отказа от личной жизни.

По свидетельству современников, отношение к незаконным рождениям, например, в пригородных иркутских селах было лояльным: «народ смотрит на это легко, хотя девушки и стыдятся, когда прозовут *ребятницей*»[61]. Однако так было не везде и не всегда. В целом положение женщины, родившей ребенка без брака, значительно ухудшалось: ей сложно было выйти замуж, найти работу. При отсутствии поддержки со стороны родных или в случае конфликта с ними, женщина могла остаться без средств к существованию.

Поэтому незаконнорожденных детей бросали, подкидывали, а в некоторых случаях даже предпринимали попытки избавиться от них (еще до их рождения). Так, консистория подвергла епитимии крестьянку Татьяну Филиппову и «дворовую девку» Марью Андрееву, первую – за попытку «выжития из утробы младенца», вторую – за оказанную в этом за деньги помощь[62].

Значительным было число подкидышей. В конце 70-х гг. XIX в. в Иркутске известным купцом-благотворителем И. И. Базановым был построен воспитательный дом, рассчитанный на призрение детей-подкидышей в возрасте до одного года. Детей подбрасывали к дверям приюта, доставляли с полицией из других районов города, принимали у родителей (не более 5 % от всех содержащихся в воспитательном доме детей). В 1891 г. к дверям приюта было подброшено 212 детей, еще 41 ребенок доставлен полицией. В 1898 г. подкинуто 375, доставлено полицией 19 детей[63].

Часто детей подбрасывали и состоятельные семьи, опасавшиеся огласки и позора. Так, по воспоминаниям Л. И. Тамм, были отнесены в воспитательный дом незаконнорожденные дети двух ее тетушек из опасения, что из-за позора не смогут себе найти женихов другие дочери, «да и порядочные люди руки не подадут». (Интересно, что вся эта ситуация – и рождение внебрачного ребенка, и отказ от него, воспринималась семьей Л. И. Тамм как глубоко греховная – в момент передачи детей в воспитательный дом вся семья «со слезами на коленях перед образами молилась о прощении грехов». На следующий день была отправлена милостыня продуктами в тюрьму, богадельню, ночлежный дом и монастырь, заказаны акафисты в Знаменском монастыре и приходской церкви)[64].

То есть рождение и последующее воспитание незаконнорожденного ребенка было для его матери и других родственников значительной морально-психологической и в ряде случаев экономической нагрузкой, из-за чего около половины всех незаконнорожденных детей Иркутска подкидывались или оставлялись в воспитательном доме.

Связь государства с церковью и существование официально господствующей религии – православия определяло воспитание всех детей, как законно-, так незаконнорожденных, под воздействием церкви, их раннее и целенаправленное воцерковление[65].

Все новорожденные дети приносились в храм для крещения. Во время крещения ребенок не просто получал имя и регистрировался как гражданин Российской империи (через запись в метрические книги), но приобщался к сообществу *христиан* – «роду избранному, народу святому»[66] и приобретал новых родителей – крестных, которые в глазах церкви были его главными воспитателями и ответчиками за него перед богом и людьми.

С раннего детства детей приносили в церковь за причастием (без исповеди, так как дети до 7-летнего возраста считались практически безгрешными). В богослужебных журналах иркутских церквей отмечалось: «младенцев приобщено св. тайнам шестеро» и т. п.[67] К сожалению, священники не фиксировали имена и точный возраст причащенных детей, поэтому выявить периодичность причащений не представляется возможным.

С 7-летнего возраста дети должны были приводиться своими родителями на исповедь. Бывали случаи пренебрежения первым причастием (из 23 детей семилетнего возраста, живших в 1837 г. в приходе Преображенской церкви, у первого причастия было 15 детей, не было, соответственно, 8). Но, как правило, дети ходили в церковь на исповедь даже тогда, когда у исповеди не было их родителей[68]. Вероятно, об этом заботились другие родственники или крестные.

Дети вместе с родителями могли посещать будничные и праздничные богослужения в церкви, участвовать в крестных ходах и тому подобных религиозных церемониях, соблюдать посты, предпринимать паломничества. Для детей, учившихся в школе, обязательным предметом программы был закон божий.

Таким образом, дети приобретали важнейшие навыки поведения в обществе, где участие в церковных обрядах, регулярное исполнение таинств (например, исповеди и причастия) было законодательно зафиксированной обязанностью каждого гражданина, свидетельством его лояльности и благонадежности.

Церковь строго регламентировала семейно-брачные отношения через жесткое ограничительное законодательство. Его суровость приводила к малому количеству официальных разводов и, с другой стороны, к значительному числу внебрачных рождений, случаям незаконных связей, многоженства и т. п.

Церковь, государство и общественное мнение ставили женщину в зависимое от мужа положение. Существовал двойной стандарт морали, судивший женские проступки в области морали и нравственности значительно строже, чем мужские.

К концу XIX в. в связи с общим экономическим и культурным развитием города стало расти число разводов и желающих развестись, дробились и структурно упрощались прежние большие патриархальные семьи, молодежь стала проявлять чуть больше самостоятельности при создании собственной семьи.

4.2. Формирование и состав старообрядчества Байкальской Сибири

Старообрядческое население Байкальской Сибири стало формироваться сразу после раскола церкви и общества в середине XVII в. При этом уже тогда обозначились его основные источники, которые можно определить следующим образом: местный «тайный раскол», беглые староверы и ссыльные «раскольники». К первой группе относились представители русского (и смешанного) населения Сибири, которые на момент раскола проживали в крае, не приняли реформ и остались «при старой вере». При этом нередко староверы, в силу складывающейся ситуации, скрывали свою конфессиональную принадлежность и формально числились в рядах последователей официальной церкви. Ко второй группе относились старообрядцы, которые в силу гонений в центральной

России и обострения эсхатологических ожиданий самовольно бежали в Сибирь, где контроль государства традиционно был более слабым. К третьей группе принадлежали ссыльные старообрядцы, которых ссылали в регион как поодиночке, так и достаточно большими группами. Характерно, что одним из первых ссыльных староверов в регионе стал предводитель старообрядческой оппозиции протопоп Аввакум. Со временем обжившиеся беглые и ссыльные староверы становились местными, а их потомки с каждым новым поколением становились всё более «сибирскими».

Процесс формирования старообрядческого населения продолжался всё последующее время, но определённым пиком этого процесса стал период второй половины XVIII в. В это время усиливается не только поток беглых и сосланных поодиночке, но и переселение больших групп староверов. В частности, в 60-е гг. происходит водворение на территорию Забайкалья старообрядцев-семейских, которые в силу своей многочисленности, сплочённости и яркой культуры в дальнейшем составили костяк местного староверия и во многом определили «старообрядческое лицо» Байкальского региона[1]. Вместе с тем весь последующий период сохраняли своё присутствие и «несемейские» старообрядцы. При этом несемейское староверие развивалось как в рамках «тайного раскола», так и в рамках явного старообрядчества, представленного местными и переселенцами. А следующим заметным пиком притока новых старообрядцев из западных регионов стало начало XX в.

Таким образом, несмотря на то что процесс формирования старообрядческого населения края продолжался, можно сказать, что уже к началу XIX в. староверы стали заметной частью местного населения, игравшей важную роль в его хозяйственном, социальном, культурном и политическом развитии. При этом в силу специфики истории края и местного старообрядчества, последнее (при первом приближении) делилось на две группы: семейских и несемейских.

Рассмотрим сначала, в силу количественных и качественных показателей, семейскую часть местного старообрядчества. История складывания семейской группы сложна и многогранна. Из-за усиливающихся гонений на последователей «древлего благочестия» в период становления Рос-

сийской империи староверы разных регионов страны были вынуждены мигрировать на окраины страны или за пределы государства. Предки семейских бежали на территорию Речи Посполитой, где создали свой анклав в районе Ветки и Стародубья. В историографии встречаются разные, порой полярные, суждения о материнской территории староверов, бежавших в Речь Посполитую. Одни авторы утверждали, что предки семейских вышли с Русского Севера[2], другие, что они относились к южно-русской группе[3]. В подтверждение своей точки зрения, в частности П. А. Ровинский, указывал на согласия, имеющие распространение у семейских, а также на «некоторые бытовые особенности»[4]. В ответ на это А. М. Селищев указывал на костюм и говоры семейских староверов[5]. И действительно, можно утверждать с уверенностью, что предки семейских бежали на Ветку из разных регионов Европейской России. Прежде всего они шли с северо-западных, западных, центральных и юго-западных губерний империи. То есть тех территорий, где гнёт утверждающейся дворянской империи был больше всего (северо-западный и центральные регионы) и откуда путь на Ветку был короче (западные и юго-западные регионы). В итоге на Ветке были представлены выходцы из большинства губерний западной России. Исключением стали северо-восточные, восточные и юго-восточные губернии, откуда староверы бежали на Урал, в Сибирь и на Дон. Поэтому вопрос только в том, откуда староверов было больше и, соответственно, культура какого региона России легла в основу культуры ветковских старообрядцев, а впоследствии – и семейских.

Естественно, что поставленный вопрос очень важен и интересен. Однако хотелось бы обратить внимание на следующее. Беглые староверы стекались в Речь Посполитую из разных регионов Европейской России. Соответственно, там неизбежно должна была сложиться определённая культурная толерантность. То есть относительная мягкость народного элемента культуры (при идентифицирующей жёсткости элемента церковного). Неизбежная мозаичность представленных региональных культур вела к более спокойному отношению (вплоть до приятия) к народной культуре других староверов. Особенно эта толерантность актуализировалась под воздействием необходимости заключения брака

с выходцами из других регионов. А такая необходимость рано или поздно вставала в силу недостатка возможных брачных партнёров из числа переселенцев-земляков. Рано или поздно многие земляки становились роднёй (кровной или духовной), а так как браки в родстве до 7 колена среди староверов строго запрещены, то приходилось сходиться с представителями своего согласия, вышедшими из другого региона России (и несущими, соответственно, другой вариант великорусской культуры). Таким образом, основным консолидирующим фактором в «польских пределах» стал церковный элемент культуры, реализующийся через разные согласия староверия. Это вело к определённой унификации народной культуры в старообрядческом анклаве Ветки и Стародубья. Характерно, что это был пример нонэтатистской (негосударственной) унификации русской культуры в ходе смешения её региональных вариантов. И подобный процесс был характерен для всего старообрядчества, которое предложило альтернативный государственному вариант унификации национальной культуры (при сохранении великорусской национальной идентичности). А раз основным идентифицирующим фактором стала «старая вера», то культурное строительство шло в сторону «усреднения» богатой на варианты культуры. Это «усреднение» шло в сторону выработки более или менее одной формы, при непосредственном сохранении различий в разных согласиях и населённых пунктах. Если исходить из того, что традиция – это стратегия выживания народа, то становится ясным, что в новых условиях актуализировались и получали развитие те элементы культуры, которые наиболее полно отвечали требованиям среды и времени. Подобная культурная открытость староверов Ветки при их религиозной замкнутости вела к восприятию не только разных элементов региональных вариантов великорусской культуры, но также и культур народов принимающей территории (белорусов, украинцев, поляков). О украинско-белорусских элементах в культуре семейских писал ряд авторов[6]. В пользу того, что основа будущей семейской культуры активно складывалась на Ветке, говорят результаты исследований Г. И. Охрименко. В частности, её утверждение о том, что костюм семейских в основном сформировался во время пребывания староверов в Польше[7].

По-видимому, уже на территории Речи Посполитой сложились два основных варианта старообрядческой культуры, которая позже будет названа семейской. Имеются в виду варианты селенгинской и чикойской групп, о разнице в культуре которых уже поднимался вопрос в отечественной историографии[8]. Скорее всего, особенности этих вариантов связаны с их территориальным делением. Во-первых, разной могла быть материнская территория (разные регионы России) определяющего большинства групп. Во-вторых, разными могли быть места их пребывания в Ветковско-Стародубском регионе (разные местности и населённые пункты). В-третьих, могло сказаться их раздельное перемещение в Сибирь. И, в-четвёртых, раздельным было их проживание на территории Байкальского региона, что затрудняло контакты между этими двумя группами. Обособленности селенгинских и чикойских семейских могла также способствовать относительная многочисленность тех и других, что не вызывало необходимости заключения смешанных браков.

Общим вопросам социокультурной адаптации семейских в регионе посвящена монография Е. В. Петровой[9]. Мы же со своей стороны заметим, что при переселении в Сибирь, семейские как группа во многом закрылась. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, к моменту переселения они уже сформировались как группа. Во-вторых, они испытали определённый шок от резкого перенесения в более суровые условия новой территории. В-третьих, из-за переселения относительно большой группой и семьями, они оказались вполне самостоятельными и самодостаточными в хозяйственном и социально-культурном отношениях. В-четвёртых, из земледельческого славянского региона они были перенесены на территорию кочевой цивилизации. Кроме того, большинство представителей местной земледельческой культуры – крестьян-сибиряков были «никонианами». В силу этих и других обстоятельств, семейские Байкальской Сибири стали относительно закрытой группой, долгое время допускавшей минимум контактов с представителями других групп населения. Характерно при этом, что в новых условиях, идентификационная роль народной культуры в значительной степени выросла и по важности стала занимать место, сопоставимое с религиозно-церковным

элементом старообрядческой культуры. Это стало выделять семейских не только на фоне русского православного населения, но и на фоне несемейских старообрядцев края.

Несемейских старообрядцев региона можно разделить как по волнам их миграции, так и по другим критериям. По волнам миграции или по периоду прихода в регион несемейские староверы делятся на: 1) тех, кто поселился в регионе до прихода «семейщины»; 2) тех, кто поселился в регионе до 1905 г.; 3) старообрядцев-переселенцев межреволюционной волны (1905–1917 гг.); 4) тех, кто пришёл в регион после 1917 г. Каждая из этих групп старообрядцев имеет свою специфику. В формировании первой группы принимали участие как ссыльные, так и вольные колонизаторы. Ещё до прихода семейских они вписали старообрядчество в хозяйственную и культурную среду региона, наладили контакты с другими, в том числе автохтонными группами населения. Как следствие, они обрели определённый багаж знаний и навыков, позволяющих выжить в суровых условиях края. Таким образом, они, в определённом (переносном) смысле «провели разведку и подготовили почву». Это позволило прибывшим семейским после налаживания контактов по линии согласий использовать их опыт. «Досемейские» старообрядцы приняли определённое участие в формировании семейского анклава. Тем более, что те из них, кто жил в местностях, где разместились семейские, в большинстве своём были ассимилированы последними. Справедливости ради надо заметить, что подготовили почву в прямом, а не переносном смысле (в частности в Забайкалье), конечно же, сами семейские, которые в силу ряда причин смогли не только сохранить богатейшую аграрную культуру, но и в новых условиях подняли её на новый уровень.

В тех местностях края, где семейские не были поселены, местные староверы сохраняли свой вариант культуры и только в случае отсутствия брачных партнёров вступали с ними в связи по линии согласия. Вместе с тем у несемейских староверов региона была и другая возможность решить проблему заключения браков. В частности, за счёт староверов, которые прибывали в край после переселения семейских и до начала XX в. Среди них был как ссыльный, так и беглый элемент. А после отмены крепостного права получа-

ет своё развитие и свободное переселение в регион, которое, однако, пока ещё не получало серьёзного развития. Представители этой волны чаще всего селились не на семейской территории, так как последние и в силу малоземелья, и в силу обострённой культурной (а не только религиозной) идентификации неохотно принимали в свои ряды чужаков. Поэтому они вливались в несемейские общины соответствующего согласия. Это вело к высокой культурной толерантности в их среде и к абсолютному доминированию религиозно-церковных начал в вопросах самоидентификации. И всё же существование в крае «семейщины» позволяло им в случае нужды использовать их поддержку. Например, в актуальных для региона вопросах заключения брака или приглашения беглого священника (которому было всё равно – семейским или несемейским староверам справлять требы).

Особым этапом старообрядческой колонизации края стал «межреволюционный» период. Начиная с 1905 г. старообрядческое переселенческое движение активизируется (с 1908 по 1911 г. достигает своего пика). Кроме прочего, это было связано с аграрной перенаселённостью в западных губерниях страны, реформами правительства и постройкой Транссиба. В связи с этим, наряду с сохранявшимся ссыльным элементом (особенно в годы революции 1905–1907 гг.), особое развитие получает вольное переселение. Новоприбывшие старообрядцы направлялись или в экономически развитые центры (города, железнодорожные станции, приисковые посёлки), или в сельскую местность со свободным фондом сельскохозяйственных угодий. А так как свободных плодородных земель в крае было мало, многие из переселенцев оседали в промышленных центрах или двигались дальше на восток. Набиравшая таким образом силу транзитная миграция, кроме прочего, оказывала определённое влияние на старообрядчество региона, так как неизбежно влияла на количественные и качественные характеристики старообрядчества Байкальской Сибири. Несемейских старообрядцев становилось больше, удельный вес старообрядцев в городах стал заметно выше, большую представительность получили согласия староверия, которые в это время активно развивались на западе, в значительной мере окрепли связи со старообрядческими общинами и центрами Евро-

пейской России. И всё это на фоне переселенческого оттока семейских старообрядцев, которые, прежде всего в силу малоземелья, уезжали из региона и принимали активное участие в колонизации дальневосточных территорий. В итоге эти тенденции естественным образом сказались на структуре и характере старообрядчества региона.

Миграционную волну постреволюционного периода можно в полном смысле назвать «беженской». Староверы, прибывшие в регион в годы Гражданской войны и после неё, бежали с обжитых мест в силу сложившихся политических обстоятельств и оппозиционности политике новых властей. При этом большая их часть продолжила своё движение и, вобрав в себя часть старообрядчества Байкальского региона, ушла или дальше на восток, или за границу. В результате у староверов края сложилась конфессиональная связь не только со староверами западных и восточных регионов, но и со сформировавшимися староверскими общинами Китая и Монголии.

Вместе с тем в период утверждения советских государства и общества старообрядчество также меняло свои количественные и качественные показатели в силу ссылки староверов других мест в регион и высылки местных староверов за пределы региона.

Надо сказать, что перечисленные миграционные волны не семейских старообрядцев имели своей материнской территорией западные регионы страны. И если в «досемейской» волне были представлены в основном выходцы с Русского Севера, то в более поздние волны (уже после переселения «семейщины») на доминирующие позиции начинают выходить представители центральных и западных областей. В миграционную волну предреволюционного времени в значительной мере развивается миграция представителей западных территорий страны. После Октябрьской революции основу старообрядческой миграции в регион составили староверы центральных, южных и восточных регионов страны, большая часть которых были жители казачьих областей – Дона, Волги, Урала и т. д.

Для несемейского старообрядчества всех волн миграции серьёзным вопросом был поиск брачного партнёра в рамках своего согласия. И если семейские в силу своей мно-

гочисленности могли решить этот вопрос относительно легко, то для других староверов это нередко становилось настоящей проблемой. Это вело не только к консолидации староверов разных мест, но даже к созданию смешанных браков. Тут мы подходим к такому важному параметру характеристики регионального старообрядчества, как национальный состав.

В силу исторической специфики староверия абсолютное большинство его последователей были великороссами. Прежде всего, это объясняется тем, что старообрядчество, по сути своей, было национальной (этноцентричной) религией великороссов, в то время, как официальное православие стало национальной религией русского суперэтноса. Вместе с тем хозяйственная и культурная практика старообрядцев в разных регионах неизбежно вступала во взаимодействие с практикой местных народов. Подобное взаимодействие иногда приводило к созданию смешанных браков староверов с представителями местных народов (при условии перехода последних в староверие). Подобные процессы отмечались у старообрядцев с украинцами, белорусами, поляками, карелами, коми и т. д. Эти контакты с местными народами вели к расширению этнической карты староверия.

В Байкальской Сибири при абсолютном большинстве великороссов в составе старообрядческих общин, отмечались переходы в старую веру бурят, эвенов и даже китайцев[10]. Как и в других регионах, основой подобного перехода чаще всего было заключение брака с представителем старообрядчества. Подобные браки часто несли в своей логике экономический расчёт и во многом служили закреплением взаимовыгодных хозяйственных отношений. Например, в условиях, когда бурятам был нужен хлеб, а староверам пастбища, заключение смешанного брака и обзаведение выгодной роднёй позволяли решить эти вопросы с наименьшими потерями и наибольшими приобретениями. В итоге, по переписи 1897 г. на территории Забайкальской области старообрядчество исповедовало 375 бурят обоего пола[11]. Вместе с тем не будем забывать, что в большинстве своём, традиционалистски настроенные крестьяне-старообрядцы к подобным бракам относились негативно. Поэтому большая часть смешанных брачных союзов и связанных с ними переходов в

староверие представителей другой национальности осуществлялась в городах и местах отхода на заработки. Старообрядцы, поселявшиеся в городе или на приисках, более либерально относились к представителям других национальностей и культур (которые также в подобной ситуации были более либеральными). Поэтому, при условии перехода последних в старую веру, староверы могли пойти на такой брак.

Территория расселения старообрядцев Байкальского региона занимала широкое пространство лесостепной, лесной и очень редко – степной полосы края. Как природные аграрии, в основном они селились по долинам рек и ручьёв, почва и гидросистема которых позволяли заниматься хлебопашеством.

Исторически сложилось так, что ссыльные и «вольнопришедшие» староверы имели разные возможности расселения. Вольные колонизаторы селились небольшими компактными группами в глухих местах, удалённых от администрации. При этом нередко они выбирали территории, приближенные к границам губерний и областей, где спорные зоны ответственности разных администраций освобождали их от жёсткого контроля. Вместе с тем единичные представители вольного старообрядчества могли дисперсно расселяться в экономически развитых центрах региона, где выполняли роль торговых агентов общины.

Ссыльные старообрядцы обычно селились там, где указывала администрация, которая чаще всего исходила из потребностей экономического развития вверенной территории, тем самым определяя свой выбор. И тут могло быть два основных варианта расселения (при наличии альтернативных подходов). Староверов селили либо дисперсно около промышленных центров и транспортных коммуникаций, обеспечивая эти центры рабочими руками, либо компактно на территории, которую предстояло освоить в сельскохозяйственном отношении.

Дисперсное расселение ссыльных староверов, с одной стороны, создавало трудности по созданию религиозной общины. Но, с другой стороны, оно, кроме относительной либерализации таких старообрядцев, давало возможность создавать широкую региональную инфраструктуру своего согласия. Реализуя цели заселения пустынных мест и их

сельскохозяйственного освоения, администрация селила староверов большими группами, вследствие чего возникали места компактного расселения. Самым ярким примером подобного расселения может служить история водворения семейских, которые по сути своей были сосланной группой, размещённой преимущественно на территории Верхнеудинского уезда. Другим примером, может служить деятельность администрации Иркутской губернии, которая стремилась компактно селить сосланных староверов на территории Балаганского уезда[12].

Нередко староверы жили в деревнях со смешанным населением. Чаще всего соседской группой были русские православные крестьяне, но также были примеры совместного проживания с бурятами (в Верхнеудинском уезде), эвенами (в Нерчинском уезде), с белорусами и украинцами (Иркутская губерния). Имели место и чисто старообрядческие поселения.

Говоря о характере расселения старообрядцев, нельзя обойти такой вопрос, как специфика расселения семейской и несемейской части местного старообрядчества. Семейские компактно проживали на территории Верхнеудинского уезда Забайкальской области (в Куйтунской, Куналейской, Тарбагатайской, Мухоршибирской, Бичурской, Хонхолойской, Брянской, Окино-Ключевской, Погромнинской, Тамирской, Ходайской, Нижненарымской, Верхнеталецкой, Урлукской, Новокурбинской, Укэрь-Шонуйской и других волостях)[13]. В Селенгинском уезде семейские компактно проживали в Иволгинской волости, а в Баргузинском уезде – в Горячинской волости[14]. Относительно большие общины староверов имели место на территории Читинского, Нерчинского и Нерчинско-Заводского уездов[15]. Территорию компактного проживания семейских можно в основном определить бассейном реки Селенги (её притоками – Чикоем, Хилком, Куйтункой и др.), а также верховьями рек Ингоды и Онона.

Дисперсно семейские проживали практически во всех сколько-нибудь крупных экономических центрах региона: Верхнеудинске, Чите, Иркутске, Нерчинске, Сретинске, Кяхте, Петровском Заводе, а также во многих деревнях, удалённых от зоны компактного проживания[16].

Несемейская часть старообрядчества региона проживала как компактно, так и дисперсно. Компактные группы мог-

ли быть достаточно большими (что было относительно редко) как, например, в деревне Хор-Тагна Иркутской губернии (около 500 человек), или в станице Доно Забайкальской области (около 1000 человек). Но большая часть несемейских старообрядцев проживала небольшими группами по 20–100 человек в небольших населённых пунктах, которые в ряде случаев были основаны самими староверами. Примерами могут служить деревня Ключи Нерчинского уезда, станица Калга Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской области или деревни Болдовка, Георгиевка и другие. Балаганского уезда Иркутской губернии. При этом, если семейские были сконцентрированы преимущественно в Верхнеудинском уезде Забайкальской области, то несемейские были распылены в разных количествах по населённым пунктам практически всех уездов Забайкальской области и Иркутской губернии. В частности, на территории Забайкальской области больше всего несемейских староверов жило в Нерчинско-Заводском, Нерчинском и Читинском уездах. На территории Иркутской губернии больше всего староверов было в Балаганском, Нижнеудинском и Иркутском уездах. Наряду с этим, значительное количество несемейских староверов проживало в городах Иркутске, Чите, Верхнеудинске и др.

Характерно, что в несемейской части старообрядчества региона был гораздо более развит так называемый «тайный раскол». И если численность семейских староверов чиновники и исследователи ещё как-то могли установить (как показывает практика – с очень большой погрешностью), то несемейскую часть местного старообрядчества обсчитать не представлялось возможным.

Большая часть старообрядцев региона (98–99 %) жила в сельской местности. Однако в исследуемый период представленность староверов в городах значительно увеличивается. Подобная тенденция вообще характерна для старообрядчества того времени. Развитие экономики и сопряжённая с этим урбанизация неизбежно затрагивала такую экономически активную часть населения, как старообрядцы. Однако в центральных губерниях переселение староверов в города активизировалось после отмены крепостного права. В Сибири же, и в частности в Байкальском регионе, этот процесс заметно активизировался только в начале XX в.

Это было связано с постройкой Транссибирской магистрали, которая дала мощный толчок для развития местной экономики. Наряду с экономическим влиянием, железная дорога оказала заметное влияние на демографию региона. Втягивая местное население в более активные экономические отношения, стимулируя тем самым процесс урбанизации, железная дорога вкупе с новой политикой правительства позволила реализовать широкое переселенческое движение. Всё это не замедлило сказаться на общей картине местного населения и старообрядчества как его части. В итоге, в дореволюционный период наряду с ростом сельских старообрядческих общин, происходит заметный рост городского старообрядчества. Например, если в 1900 г. в городах Забайкальской области было зарегистрировано 111 старообрядцев, то уже в 1911 г. городских староверов насчитывалось 755 человек[17]. И если в том же Верхнеудинске в 1908 г. насчитывалось 113 староверов, в 1910 – 136, то в 1915 г. их было уже 464 человека[18]. Подобная ситуация сложилась и в Иркутской губернии. В период после 1905 г. в Иркутске оформляется две общины с общим количеством членов в несколько сотен человек[19]. Понятно, что данные официальной статистики имеют традиционную отрицательную погрешность. И, тем не менее, серьёзный рост старообрядческого городского населения налицо.

Также в это время староверы активно селились в небольших промышленных и транспортных центрах. При этом, как уже отмечалось, основными источниками роста городского старообрядчества были: естественное движение населения, приток из местных сельских общин, мигранты из западных регионов. Городское старообрядчество Верхнеудинска формировалось в основном за счёт местных сельских общин семейских староверов, в то время как общины других крупных городов региона в основном формировались из мигрантов с запада. Например, в составе иркутской Покровской общины белокриницкого согласия местных староверов было только около 30 %. При этом только половина из них была собственно иркутянами, другую половину составляли выходцы из разных уездов Иркутской губернии. Около 70 % состава общины были выходцами из других, прежде всего западных, губерний и областей[20]. В небольших городах,

рабочих посёлках и станциях был относительный количественный паритет местных и новоприбывших старообрядцев.

Старообрядчество региона было представлено во всех сословиях. Среди них были крестьяне, казаки, купцы, священнослужители, городские обыватели и даже дворяне.

Большую часть местного старообрядчества составляли крестьяне. Причём население сельской местности было более «ровным» в социальном отношении, в то время как население городов более «пёстрым». И если семейские старообрядцы чаще всего были крестьянами и их общины имели относительно «ровную» социальную структуру, то несемейское старообрядчество, в силу объективных причин, было более «мозаичным». И если по количественным показателям в сельском староверии абсолютно доминировали семейские, то среди городского старообрядчества ряда городов большинство было за несемейскими староверами.

На крестьянское население старообрядчества региона приходилось около 98 %, в то время как на представителей других сословий – около 2 %. При этом крестьяне составляли достаточно большую долю в городских общинах. Например, в одной из старообрядческих общин Иркутска около 50 % её членов по социальной принадлежности были крестьянами. В то время как, на мещан приходилось 38 %, на казаков и купцов приходилось по 5 %, на почётных граждан 2 % от общего состава общины[21].

В целом по региону на втором месте по количеству после крестьян были казаки (около 1 %). Это были сибирские казаки (в том числе приписанные в казаки из крестьян в период формирования Забайкальского казачьего войска), а также казаки, прибывшие из разных казачьих областей (Войска Донского, Урала и др.). После казаков следовали городские обыватели, которые представляли собой очень пёструю страту и включали в себя как семейских, так и несемейских староверов, прибывших в регион в разное время или родившиеся в нём. Среди городских обывателей были торговцы, цеховые, канцелярские служащие, а также почётные граждане, например, почётная гражданка г. Верхнеудинска Евфросинья Тихоновна Модестова[22].

Старообрядческое купечество, так активно развивающееся в центральной России, имело место и в Байкальской

Сибири. При этом у него была своя специфика. И в центре, и в регионе старообрядческие купеческие династии поднялись при всемерной поддержке своих общин (торговыми агентами которых они нередко были). Однако характер и уровень развития экономики региона не позволял местным старообрядческим предпринимателям создавать капиталы, сопоставимые с состояниями старообрядческих предпринимателей центра[23]. Поэтому они чаще всего специализировались на торговых предприятиях (в которых нередко использовали конфессиональные связи со староверами других регионов и экономических центров) и очень редко занимались промышленным производством, которое чаще всего было кустарным. Относительно невысокий уровень концентрации капиталов (вытекающий из уровня развития экономики региона) приводил также и к тому, что старообрядческие предприниматели региона занимались благотворительностью и общественной деятельностью меньше, чем их единоверцы в экономически развитых регионах. И, тем не менее, старообрядчество региона дало миру ряд известных купеческих фамилий, таких как Потёмкины, Тюлькины, Яковлевы, Гусевы, Кушнарёвы, Борисовы и др.

Что касается духовенства, то с ним у староверов региона была неоднозначная ситуация. Традиционная нехватка священнослужителей и удалённость от старообрядческих церковных центров привели к тому, что чаще всего их «выписывали» за большие деньги из западных губерний. Поэтому священники чаще всего посещали регион спорадически и на небольшое время. Ситуация изменилась после 1905 г., когда старообрядческое священство было легализовано и смогло не только свободно передвигаться, но и открыто служить в приходах. При этом самое большое количество священников традиционно было у представителей белокриницкого согласия. Но и их количество в дореволюционное время исчислялось единицами. И только в период Гражданской войны, ввиду «беженской» ситуации, их количество в крае вырастает. Вместе с тем у белокриницкого согласия в регионе был свой епископ, а следовательно – трёхчинная иерархия, в составе которой были как местные, так и приезжие священники. Общее количество последних было гораздо меньше, чем в западных регионах

страны, где белокриницкое согласие в это время активно развивалось.

У беглопоповцев, так распространённых в регионе, священников было ещё меньше, чем у белокриницких, как, впрочем, и нужда в них. В силу сложившейся практики большую часть функций служителей культа у беглопоповцев выполняли уставщики. Характерно при этом, что до реформы 1905 г., а фактически и после неё, по социальному положению уставщики юридически относились к крестьянам. И только в случае регистрации общины и указания имени её настоятеля уставщик мог быть отнесён к старообрядческому духовенству. Однако местные староверы чаще всего отказывались от регистрации общин и духовных лиц. Это было связано с религиозно-обусловленным запретом, а также с тем, что регистрация уставщика мало что ему давала. Например, освобождение от воинской повинности мало интересовало уставщиков, которые в подавляющем большинстве были преклонного возраста.

Самой малочисленной социальной группой старообрядчества региона были дворяне. К ним относились казаки-старообрядцы, получившие офицерское звание, а также лица, получившие личное дворянство. Крайняя малочисленность дворян-старообрядцев не позволяла им играть заметную роль в жизни местного старообрядчества.

Исходя из анализа социальной структуры старообрядчества региона, можно сделать некоторые выводы. И количественно, и качественно местное старообрядчество было крестьянским. Наметившаяся динамика усложнения его социальной структуры вследствие развития экономики, урбанизации и притока единоверцев с запада, в некоторой степени оказывала своё влияние. Однако в предреволюционную пору всё это не могло привести к серьёзным изменениям в старообрядчестве региона.

Одним из важнейших измерений старообрядчества является его согласийная структура. Как отмечал А. П. Щапов[24], в разных регионах получали своё распространение разные согласия. Вместе с тем, переплетаясь с региональным началом, согласийное начало старообрядчества со временем вышло за рамки конкретных регионов, сохраняя при этом социально-экономическую и культурную обуслов-

ленность. Некоторые согласия старообрядчества получили широчайшее распространение и были в той или иной мере представлены практически во всех регионах пребывания старообрядческих общин. При этом местная специфика детерминировала как уровень распространения того или иного согласия, так и характер его исторической реализации. Во многом от региональных условий зависело и возникновение местных толков, имеющих распространение в данной местности и чаще всего являющихся региональными вариантами тех или иных общероссийских согласий. В редких случаях, как результат духовных исканий радикально настроенной части старообрядцев, возникали в полном смысле этого слова местные толки старообрядчества.

Согласийная ситуация в старообрядчестве Байкальской Сибири, как и в других регионах, была своеобразна. Её своеобразие определялось прежде всего несколькими факторами.

1. «Переселенческий» характер региона;

2. Присутствие в регионе семейского анклава, представители которого имели свою яркую народную культуру;

3. Присутствие и развитие несемейских общин, испытывающих в исследуемый период мощное влияние переселенческого движения и как следствие – рост влияния согласий, активно развивающихся в это время в западных регионах страны;

4. Наличие в регионе казачества;

5. Удалённость от экономических центров страны и относительно невысокий уровень развития местной экономики. Эти и другие факторы определяли атмосферу религиозной жизни старообрядцев края и характер их духовных исканий.

В регионе были представлены все основные течения старообрядчества: поповщина, беглопоповщина и беспоповщина. При этом самым массовым было беглопоповское направление. На втором месте по количеству последователей была беспоповщина, а на третьем поповщина. В значительной мере согласийное лицо старообрядчества региона формировали семейские. В их среде наибольшее распространение получил местный вариант беглопоповства «ветковского» согласия («лужковское», или местное – «лукьяновское» согласие). Беспоповщина, также широко распространённая в среде семейских, была представлена как согласиями, имею-

щими распространение в других регионах («федосеевцы», «спасовцы», «самокрещенцы» и др.), так и толками, возникшими на их основе в Забайкалье («темноверцы» и др.). Также в небольшом количестве в среде семейских были представлены «белокриницкое», «поморское», «часовенное» и другие согласия.

Среди несемейского старообрядчества, наряду с согласиями, имеющими место у семейских, были и такие, которые у последних не получили широкого распространения. Например, в их среде достаточно широко было представлено согласие «поморов». Это согласие в исследуемый период достаточно активно развивалось в северо-западных и центральных регионах страны и через переселенческое движение усиливало поморскую общину Байкальской Сибири. Также в центре и на местах в это время активно развивалось «белокриницкое» согласие. При этом в Байкальском регионе оно имело гораздо меньшее распространение, чем на западе, и в большей мере было характерно для несемейской части местного старообрядчества. Приток последователей этого согласия с западных территорий упрочивал его позиции и вносил новые элементы в процесс его региональной реализации. В меньшей мере в среде несемейских староверов развивались другие известные согласия («часовенное», «бегуны», «федосеевцы», «лужковцы» и др.).

Так или иначе, но местная специфика, выражавшаяся, в частности, в удалённости от экономических центров и невысоких темпах развития местной экономики, накладывала свой отпечаток как на развитие «общероссийских» согласий, так и на развитие толков, имеющих место только в регионе. Относительно невысокая степень вовлечённости старообрядческого крестьянства в торгово-промышленные отношения охраняла основы его традиционной аграрной ментальности. В связи с этим в значительной мере сохранялась народная культура, с присущими ей глубоко традиционалистскими элементами (мифологичность, созерцательность, магия и т. д.). Это вело к тому, что даже такая достаточно формализованная концепция, как доктрина белокриницкой иерархии, в местных условиях (в частности в среде семейских) воспринималась и реализовывалась по-своему. Причём характер реализации во многом напоминал характер

реализации местного беглопоповства. И хотя развитие экономики и переселенческое движение начинали нивелировать этот аспект, всё же, можно сказать, что природное крестьянское мировоззрение продолжало доминировать в старообрядчестве.

Ещё одной специфической чертой региона было наличие казачества. В среде последнего были сильны старообрядческие традиции. Однако положение служилого сословия неизбежно вело к отказу от радикальных форм «старой веры» и постепенному склонению в единоверие как «православное старообрядчество». Подобный вариант был очень удобен для казаков-старообрядцев. Именно поэтому единоверие получило такое распространение в разных казачьих областях (Дон, Волга и особенно – Урал). Не было исключением и Забайкальское казачье войско, во многих станицах которого (Доно, Больше-Заректуйской, Калганской, Быркинской и др.) проживали казаки-единоверцы и казаки-старообрядцы. Это вносило специфику как в согласийную картину местного старообрядчества, так и в процесс его исторической реализации.

Подводя итоги, можно сказать, что старообрядчество Байкальской Сибири имело сложную историю формирования и как следствие – сложную структуру. Его разные измерения (группы, территория расселения, социальное положение, согласия), пересекаясь на уровне жизненной практики староверов, создавали яркую картину старообрядчества региона с определённым характером и динамикой развития, которое проходило под непосредственным влиянием двух видов движения населения: естественного и миграционного.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте роль православной церкви в семейно-брачных отношениях в XIX в.
2. Определите особенности семейно-брачных отношений иркутян в XIX в.
3. Определите места компактного поселения старообрядцев в Прибайкалье и Забайкалье.
4. Охарактеризуете основные этапы распространения старообрядчества в Прибайкалье и Забайкалье.

Глава 5

ИРКУТСКАЯ ЕПАРХИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

5.1. Хроника преследований и репрессий церковно-священнослужителей и монашества Иркутской епархии

В архиве РУ ФСБ РФ по Иркутской области на сегодняшний день выявлено 105 архивно-уголовных дел (АУД), в которых содержатся сведения о 154 церковно-священнослужителях (архиереях, священниках, дьяконах, псаломщиках) и монахах Иркутской епархии. Практически все они в 1920–1930 гг. были привлечены к следствиям по подозрению в антисоветской деятельности и были сурово наказаны: около половины из их числа были осуждены на разный срок для отбывания наказаний в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и концлагерях (оттуда вернулись домой лишь единицы), а вторая половина была расстреляна. Мы надеемся, что материал, представленный в виде хроники, поможет исследователям истории Восточной Сибири более наглядно представить страшную картину репрессий духовенства второй трети XX в.

22 марта 1920 г. в г. Иркутске были арестованы архиепископ Иркутский и Верхоленский ***Зосима (Сидоровский Александр Александрович)*** и настоятель Иркутской Александровской церкви ***Михаил Александрович Концевич***. При их аресте были также задержаны священник Иоанн Туборезов, протодьякон Матвей Попов, дьякон Иван Мальцев, иеромонахи Иркутского Вознесенского монастыря Иоанн и Севастьян, которые в этот же день были отпущены. Архиепископу Зосиме было предъявлено обвинение в погромно-

черносотенной деятельности. На основании поручительства Иркутского Епархиального совета он и священник М. А. Концевич были освобождены 8 апреля 1920 г.[1]

26 апреля 1920 г. был арестован священник ***Иосиф Гаврилович Барышевский***, обвиненный в контрреволюционной агитации под видом церковной проповеди. Постановлением Иркутской губернской комиссии от 15 мая 1920 г. дело было прекращено. И. Г. Барышевский был освобожден из-под стражи и амнистирован[2].

1 мая 1920 г. вновь был арестован настоятель Иркутской Александровской церкви ***Михаил Александрович Концевич***. Он обвинялся в том, что являлся сообщником черносотенной организации, откуда исходила организация добровольческих дружин под знаменем Святого Креста, целью которой было защищать правительство Колчака и нанести поражение Советской власти. На судебном заседании Иркгубревтрибунала, состоявшемся 30 ноября 1920 г., М. А. Концевич приговорен к 5 годам содержания в концлагере[3].

8 мая 1920 г. был арестован епархиальный миссионер, преподаватель духовной семинарии и 1-й народной женской гимназии ***Иван Севастьянович Климюк***, обвиненный в том, что он являлся членом Союза православных христиан, откуда исходила организация добровольческих дружин под знаменем Святого Креста, и в своих выступлениях призывал граждан к вооруженному выступлению против Советской власти. На судебном заседании Иркгубревтрибунала 30 ноября 1920 был оправдан[4].

24 мая 1920 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Казанской церкви ***Андриан Никандрович Сивцев*** и определен под стражу в Иркутскую тюрьму. Он обвинялся в проповедовании антибольшевизма и принадлежности к тайной организации. На заседании Иркутской губернской чрезвычайной комиссии от 14 июля 1920 г. постановили: дело по обвинению Сивцева за недоказанностью прекратить[5].

5 октября 1920 г. в г. Киренске был арестован и заключен в Киренский дом лишения свободы священник ***Кокоулин Константин Прокопьевич***. Он обвинялся в том, что, будучи врагом Советской власти и занимая ряд ответственных должностей, был той центральной фигурой, вокруг которой группировались все контрреволюционные элементы.

Выездная сессия Иркутского Губревтрибунала в г. Киренске 3 февраля 1921 г. приговорила К. П. Кокоулина к пяти годам общественных принудительных работ – условно, освободив из-под стражи[6].

4 февраля 1921 г. был арестован священник Иркутской Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви ***Василий Николаевич Флоренсов*** и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в том, что 28 января в своей церкви произнес проповедь, в которой вел агитацию против Советской власти. Освобожден в марте 1921 г.[7]

4 февраля 1921 г. был арестован иеромонах Иркутского Вознесенского монастыря ***Арсений (в миру Прохоров Арсений (?) Иванович)***, и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в том, что он собирал подписи богомольцев об оставлении мощей святителя Иннокентия Иркутского в Вознесенском монастыре. Постановлением распорядительного заседания Губревтрибунала от 4 апреля 1921 г. из-под стражи освобожден[8].

7 февраля 1921 г. был арестован священник Иннокентиевской церкви с. Коты, Иркутского уезда ***Николай Петрович Успенский*** и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в том, что, получив от священника Успенской церкви с. Оек Михаила Алексеевича Попова «ложный протокол» о вскрытии мощей Святителя Иннокентия в Вознесенском монастыре, огласил его на собрании мирян, снял с него копию и затем переправил его в с. Куяды священнику И. Н. Тихомирову. Постановлением распорядительного заседания Губревтрибунала от 4 апреля 1921 г. из-под стражи освобожден[9].

8 февраля 1921 г. был арестован священник Кудинской Троицкой церкви ***Иннокентий Николаевич Шабалин*** в связи с тем, что имел у себя «ложный протокол» о вскрытии мощей Святителя Иннокентия в Вознесенском монастыре. Документов о его наказании и освобождении в деле нет[10].

13 февраля 1921 г. был арестован священник Петропавловской церкви с. Куядское Иркутского уезда ***Иннокентий Николаевич Тихомиров*** и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в антисоветской агитации. Постановлением распорядительного заседания Губревтрибунала от 4 апреля 1921 г. из-под стражи освобожден[11].

16 февраля 1921 г. был арестован священник Успенской церкви с. Оек, Иркутского уезда ***Михаил Алексеевич Попов*** и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в том, что, получив «ложный протокол» о вскрытии мощей Святителя Иннокентия в Вознесенском монастыре, огласил его верующим в своей церкви и затем переправил его в с. Коты священнику Н. П. Успенскому. Постановлением распорядительного заседания Губревтрибунала от 4 апреля 1921 г. из-под стражи освобожден[12].

21 февраля 1921 г. в д. Марково Киренского уезда был арестован священник местной Троицкой церкви ***Алексей Алексеевич Стуков*** и увезен в Киренскую тюрьму. Ему инкриминировалась противосоветская агитация. Постановлением от 9 марта 1921 г. А. А. Стукова выпускают из тюрьмы и по просьбе председателя Киренского исполкома определяют на работу в Киренский экономический отдел с подпиской о невыезде. 20 марта 1921 г. прихожане Марковской Троицкой церкви на собрании решили ходатайствовать о возвращении священника и послали об этом заявление в Киренский исполком. Киренское политбюро ответило на ходатайство отказом: «Поп Стуков как таковой – гражданином РСФСР не может быть, к тому же, как поп, лишен права голоса. Потом Политбюро как политический орган сообщает, что, по нашим сведениям, поп Стуков настолько политически неблагонадежен, что мы со своей стороны решительно протестуем против отправки попа в деревню, где он никакой пользы не приносит, лишь один вред» (Л. 46). 14 и 28 июня 1921 г. Киренское уездное отделение рабоче-крестьянской инспекции дважды посылало в Киренский уездный исполком просьбу о разъяснении действий исполкома, который без судебного определения ограничивает личную свободу гражданина Советской республики. На заседании выездной сессии Губревтрибунала, состоявшегося 27 августа в г. Киренске было решено дело прекратить и от подписки А. А. Стукова освободить[13].

В феврале 1921 г. был арестован священник Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Михаил Федорович Околович*** по подозрению в хранении оружия (патронов, пороха и гранат). Оружие сотрудники Иркутской ГЧК (Губернской чрезвычайной комиссии) нашли на чердаке этого храма. На

заседании Революционного трибунала 26 мая 1921 г. М. Ф. Околович был приговорен к условному заключению, а в октябре этого же года амнистирован[14].

В апреле 1921 г. священник Михаило-Архангельской церкви в с. Тальяны Балаганского округа ***Михаил Тимашев*** и псаломщик ***Кузьма Иванович Чистохвалов*** этого храма были расстреляны, как организаторы активной борьбы с Советской властью. Известно, что ранее они оба служили в Колчаковской армии[15].

26 мая 1921 г. был арестован священник Введенской церкви с. Манзурка Верхоленского уезда ***Александр Григорьевич Византийский***. Он обвинялся в агитации против советской власти и в разложении Манзурской организации РКСМ. Приговором Иркутского губернского революционного трибунала от 22 октября 1921 г. был признан оправданным и из-под стражи освобожден[16].

25 мая 1921 г. в с. Куяда Иркутского уезда был арестован священник с. Куядской Петропавловской церкви ***Иннокентий Николаевич Тихомиров*** и заключен под стражу в Иркутскую губернскую тюрьму. Он обвинялся в сочувствии белобандитам. Постановлением заседания Иркутской Губернской чрезвычайной комиссии от 10 июня 1921 г. осужден заключению в лагерь сроком на 3 года[17].

В 1922 г. был арестован священник Иркутских Казанского и Богоявленского соборов ***Иосиф Михайлович Костюкевич*** за контрреволюционную деятельность, в тюрьме находился 2 месяца и был освобожден[18].

12 апреля 1922 г. в с. Бельск Черемховского уезда был арестован священник местной Сретенской церкви ***Федор Михайлович Шмаков***. Инициатором ареста стал бывший псаломщик Бельской Сретенской церкви Александр Николаевич Каблуков, которого за пьянство и воровство Ф. А. Шмаков уволил от должности псаломщика. Обиженный Каблуков в своих двух заявлениях от 2 апреля и 12 июня 1922 г. на имя начальника Бельской милиции и председателя Бельской комячейки донес, что у вышеназванного Шмакова имеется два револьвера системы «Браунинг» и «Бульдог». По этим заявлениям против Шмакова было возбуждено уголовное преследование. Произведен был обыск, – оружия не было обнаружено. Распорядительным заседанием Судебной

Коллегии Губревтрибунала от 3 февраля 1923 г. было решено дело в отношении Ф. М. Шмакова прекратить за недоказанностью и отменить подписку о невыезде[19].

28 апреля 1922 г. арестован архиепископ Иркутский и Верхоленский ***Анатолий (в миру Алексей Васильевич Каменский).*** Предварительное следствие продолжалось более двух месяцев. 7–14 июля 1922 г. в Иркутске состоялся суд, на котором, кроме Анатолия (Каменского), в качестве обвиняемых были представлены старосты Иркутских кафедральных соборов Степан Целестинович Цехановский и Григорий Егорович (Георгиевич) Днепровский, председатель хозяйственного комитета православной общины Иркутских кафедральных соборов Леонид Александрович Разумовский и ключарь кафедрального собора протоиерей ***Николай Васильевич Олерский*** (он был арестован 29 апреля 1922 г.). Архиепископ Анатолий был обвинен в том, что, будучи в должности епархиального епископа до свержения царского правительства в Петрограде, Одессе и других городах России, и, являясь товарищем председателя главного совета Союза русского народа, вел активную борьбу против революционного движения, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 67 Уголовного кодекса, а также в том, что имел связь с бандитами, пособничал им, участвовал в расхищении народного достояния и сокрытии церковных предметов и ценностей от изъятия их органами власти в пользу голодающих. 11 июля 1922 г. он был приговорен к расстрелу. К расстрелу был также приговорен С. Т. Цехановский. Л. А. Разумовский был лишен свободы на три года, Г. Е. Днепровский и Н. В. Олерский – на один год каждый. 16 июля 1922 г. в спецотделение Верховного трибунала ВЦИК за подписью всех подсудимых была подана кассационная жалоба, в которой подробно излагались существенные нарушения закона, прав подсудимых и просьба об отмене приговора Трибунала. Постановлениями ВЦИК от 12 января 1923 г. расстрел заменен 10 годами строгой изоляции, а 28 июля 1924 г. Президиум ВЦИК постановил Анатолия (Каменского) из-под стражи освободить. Иркутский губернский суд получил это распоряжение 8 августа 1924 г. Все это время архиепископ Анатолий отбывал наказание в Иркутском доме заключения. После освобождения выехал

из Иркутска. Умер 25 сентября 1925 г. в Омске[20]. 9 ноября 1922 г. на заседании президиума Иркутского губкома слушался доклад ГПУ о том, «что группа Тихоновцев в числе 5-ти человек письменно отказались признать церковь. Управление "Живая церковь", заявила, что считает главою православной церкви Всероссийского и Московского патриарха Тихона и призывала представителя группы и всех сторонников этой группы признать патриарха Тихона главою церкви в России. Постановили: признать действия группы тихоновцев контрреволюционными и как контрреволюционную организацию подвергнуть заключению при ГПУ».

16 ноября 1922 г. в г. Иркутске арестованы протоиерей Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Иннокентиевич Попов***, настоятель Иркутской Чудотворской церкви ***Василий Харлампиевич Самсонов,*** протоиерей Глазковской Николо-Иннокентиевской церкви ***Михаил Лаврович Копылов,*** а 15 ноября были арестованы миряне: Владимир Владимирович Еречнев и делопроизводитель финансового отдела Центросоюза Иллиодор Иллиодорович Удимов. Они обвинялись в участии в контрреволюционной организации по 62 ст. УК кодекса. 28 марта 1923 г. Иркутский губернский отдел ГПУ постановил всех пятерых «признать … элементом социально опасным и выслать в Архангельскую губернию сроком на 2 года, без содержания под стражей. Постановлением ПП ГПУ по Сибири от 19 апреля 1923 г. Попов, Копылов и другие сосланы в Томскую губернию. На заседании комиссии НКВД по административным высылкам постановили: Попова, Удимова, Самсонова, Еречнева и Копылова выслать через ППОГПУ в Сибирь сроком на три года с учетом отбытого наказания один год[21].

27 декабря 1922 г. в г. Иркутске арестован священник, настоятель Иркутской Михаило-Архангельской церкви ***Василий Николаевич Флоренсов*** и заключен под стражу в Иркутском доме заключения. 26 января 1923 г. в силу ходатайства ректора Иркутского университета Бушмакина В. Н. Флоренсов был освобожден из-под стражи с подпиской о невыезде из г. Иркутска[22].

17–25 февраля 1925 г. в Иркутске арестованы и помещены в Иркутский губернский дом заключения под стражу со строгой изоляцией протоиерей, настоятель Иркутской

Воскресенско-Тихвинской церкви ***Федор Федорович Верномудров,*** священник Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Михаил Федорович Околович, священник Михаил Александрович Концевич, протодъякон Иннокентий Иванович Анисимов,*** священник Иркутской Иннокентиевской церкви ***Василий Гаврилович Афанасьев***, священник Иркутской Входо-Иерусалимской церкви ***Иван Иннокентиевич Амвросов,*** настоятель Балаганского Спасского собора ***Иннокентий Николаевич Аксенов.*** Все они обвинялись в том, что во время проповеди религиозного характера к массам верующих вели разного рода антисоветскую агитацию, тем самым возбуждали и настраивали верующих против Соввласти; устраивали нелегальные собрания, на которых ставился вопрос о борьбе с обновленчеством, вели подготовительную работу по восстановлению городского совета церковно-приходских комитетов, распущенного в 1922 г.; организовали Нелегальный комитет помощи сидящим в тюрьмах, отбывавшим ссылку духовенству и другим людям, собирая вокруг себя весь контрреволюционный элемент (л. 229–230). Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 13 ноября 1925 г. Ф. Ф. Верномудров, М. А. Концевич, М. Ф. Околович, И. И. Амвросов, В. Г. Афанасьев, И. И. Анисимов и И. Н. Аксенов осуждены к заключению в концлагерь сроком на 3 года. Все они были отправлены отбывать срок в Вишерское отделение Управления Соловецкими лагерями особого направления (УСЛОН)[23].

19 апреля 1925 г. арестован священник Михаило-Архангельской церкви с. Шипицыно Балаганского уезда ***Арефий Васильевич Амвросов***, подозреваемый в агитации против Советской власти. Постановлением Распорядительного заседания судебной коллегии Иркутского губернского суда от 24 августа 1925 г. было решено за недостатком собранных улик дело прекратить, А. В. Амвросова из-под стражи освободить[24].

23 февраля 1926 г. с. Уян, Зиминского района арестован священник местной Михаило-Архангельской церкви ***Алексей Иванович Бельцов*** по обвинению в том, что под видом религиозной пропаганды ведет антисоветскую агитацию. Приехав в с. Уян в начале мая 1926 г. священник А. И. Бельцов, придерживаясь тихоновской ориентации, начал актив-

ную борьбу с обновленцами, что и стало причиной его ареста. Согласно распоряжению Иркутского ОГПУ от 19 марта 1926 г. А. И. Бельцов был отправлен в Иркутск. На заседании коллегии ОГПУ от 11 октября 1927 г. постановлено следственное дело прекратить, подписку о невыезде аннулировать[25].

20 мая 1926 г. арестован священник Хаихтской Вознесенской церкви ***Никита Афанасьевич Блитко*** и заключен под стражу в Тулунский дом заключения. В обвинительном заключении по делу изложена причина ареста: «1926 г. февраля 12 дня гр-н Блитко Никита Афанасьевич, будучи вызван к уполномоченному ИРГООГПУ по Тулуну, и по предложению последнего быть осведомителем, Блитко изъявил согласие исполнять даваемые ему поручения от органов ОГПУ, о чем давал уезд. уполномоченному подписку о своем согласии и сохранении тайны его работы и все даваемые ему задания. Несмотря на данные Блитко обязательства, он в первой половине мая с. г. простым почтовым отправлением в адрес Тулунскому ИРГООГПУ послал письмо, где пишет о своем несогласии в дальнейшем сотрудничестве с органами ОГПУ. За нарушение конспирации 20 мая … гр-н Блитко был заключен под стражу в Тулун. Домзаке. Находясь в заключении Блитко с целью раскрытия секретной работы орг. ОГПУ в беседе с заключенными разгласил заключенным…, что он является секретным сотрудником местного ОГПУ, одновременно разгласив им о тех поручениях, кои даны были г-ну Блитко местным ОГПУ» (л. 59). На заседании коллегии ОГПУ от 8 декабря 1926 г. Н. А. Блитко был приговорен к заключению в концлагерь на 3 года и направлен в Соловецкий лагерь через г. Кемь[26].

12 апреля 1927 г. арестован епископ Иркутской епархии ***Ираклий (в миру Илья Константинович Попов)***. В этот же день были арестованы: настоятель Иркутской Благовещенской церкви ***Яков Яковлевич Голахов***, священник Иркутской Казанской церкви ***Иосиф Михайлович Костюкевич***, настоятель Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Семен Ильич Телятьев***, настоятель Иркутской Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви, преподаватель монгольского языка в Иркутском государственном университете, русского языка у студентов-монголов Восточного политехникума ***Василий Николаевич Флоренсов*** и мирянин

Л. И. Шипунов. Все они помещены в Иркутский изолятор специального назначения под режимом строгой изоляции (в одиночных камерах). Им предъявлено обвинение в том, что «организовали Нелегальный Комитет Взаимопомощи… Комитет устраивал сборы пожертвований и рассылал их не только сосланному за антисоветскую деятельность духовенству, но и разному другому контрреволюционному элементу» (л. 32). Особое совещание при Коллегии ОГПУ 1 июля 1927 г. постановило все шестерых, обвиняемых по ст. 58–13 выслать из Иркутской губернии сроком на три года. Епископ Ираклий отбывал наказание в Туруханске; Я. Я. Голахов, В. В. Флоренсов, – в Красноярском округе; И. М. Костюкевич – в г. Енисейске, Красноярского округа. Всем им постановлением от 21 февраля 1928 г. срок ссылки был сокращен, но постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 14 октября 1929 г. они по отбытии срока наказания были лишены права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове, Иркутске и означенных округах с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года. 18 сентября 1930 г. Я. Я. Голахов от ссылки был освобожден и выбыл к избранному местожительству в г. Казань. И. М. Костюкевич около 1934 г. вернулся в Иркутск. С. И. Телятьев отбывал наказание в г. Таре. По окончании срока ссылки в августе 1928 г. был освобожден с правом свободного проживания по СССР[27].

13 апреля 1927 г. арестован настоятель Иркутской Богородице-Владимирской церкви ***Григорий Арсентьевич Левагин***. 19 апреля 1927 г. он был направлен в психиатрическое отделение Иркутской окружной больницы на предмет определения степени психического расстройства. 28 апреля 1927 г. в больнице Иркутского губернского дома заключения была дана справка «заключенному Левагину Григорию Арсентьевичу в том, что в настоящее время он болен нервным расстройством»[28].

18 апреля 1927 г. в Иркутске арестован священник Иркутской Успенской церкви ***Иннокентий Васильевич Евтихеев***. Постановлением Иркутского окружного отдела ОГПУ от 27 апреля 1927 г. решено производство дела по И. В. Евтихееву прекратить и из-под стражи освободить[29].

18 апреля 1927 г. в г. Иркутске арестован управляющий Иркутской епархией епископ ***Даниил (в миру Даниил Константинович Шерстенников***) по подозрению в том, что принимал активное участие в делах Нелегального комитета взаимопомощи безработному и сосланному духовенству, и помещен в одиночную камеру в Иркутском изоляторе спецназначения. В ходе расследования, 6 мая 1927 г. материалы о нем были выделены в отдельное дело. На заседании коллегии ОГПУ от 29 августа 1927 г. постановили заключить Д. К. Шерстенникова в концлагерь сроком на 5 лет. Наказание отбывал в Соловецком лагере особого назначения, куда прибыл 16 января 1928 г., затем заключение в концлагере было заменено на ссылку в Коми, последним местом его проживания стало село Поля Онежского района Архангельской области, где он умер 1 февраля 1932 г. за два месяца до срока окончания ссылки[30].

18 апреля 1927 г. арестован протоиерей, секретарь иркутского епископа ***Иннокентий Васильевич Евтихиев*** по подозрению участия в делах Нелегального комитета взаимопомощи безработному и сосланному духовенству. 27 апреля 1927 г. следствие по его делу было прекращено[31].

18 апреля 1927 г. арестован священник Иркутской Казанской церкви ***Николай Иванович Ильенко*** по подозрению участия в делах Нелегального комитета взаимопомощи безработному и сосланному духовенству. В деле документов по его обвинению или освобождению нет[32].

2 сентября 1927 г. в г. Иркутске арестован священник, настоятель Иркутской Казанской церкви ***Николай Иванович Ильенко***, обвиненный в том, что вместе с мирянами П. А. Корнеевым, В. П. Захлыстовым, В. Е. Степановым, Л. С. Эфрон и другими организовал в Иркутске группировку так называемых «ходатаев», поставивших перед собой цель добиться освобождения духовенства, арестованного в 1927 г. На совещании при коллегии ОГПУ от 27 июля 1928 г. был приговорен к ссылке в Казахстан сроком на 3 года. Особым совещанием при коллегии ОГПУ от 12 октября 1931 г. было решено Н. И. Ильенко по отбытии срока наказания лишить право проживания в 12 пунктах и Иркутске с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года[33].

20 июля 1927 г. секретный отдел Тулунского окружного отдела ОГПУ постановил принять к своему производству и приступить к ведению предварительного следствия в отношении граждан г. Нижнеудинска: священника бывшей железнодорожной Никольской церкви, а после ее закрытия в 1924 г. священника молельного дома тихоновского направления ***Терентия Михайловича Романова,*** председателя этой общины Евфимия Максимовича Смирнягина, члена общины Василия Павловича Алистратова и др. Двое последних были взяты под стражу, а с Т. М. Романова ввиду его болезненного состояния взята подписка о невыезде из г. Нижнеудинска. Они обвинялись в том, что «будучи противниками советской власти, находясь активными членами Нижнеудинского Тихоновского молитвенного дома верующих и членами церковного совета, руководимые священником Романовым с определенной целью – подрыва устоев Советской власти, систематически вели анти-советскую деятельность, которая заключалась в том, что гр. Смирнягин, Алистратов и Романов на каждом перекрестке кричали о Советской власти, как о грабительской, считая ее временным явлением, высказывали всякого рода небылицы, направленные на дискредитирование органов Советской власти» (л. 48). Особым совещанием при коллегии ОГПУ от 7 октября 1927 г. постановлено: Т. М. Романова заключить в концлагерь сроком на три года, Е. М. Смирнягина и В. П. Алистратова приговорить к лишению свободы сроком на один год. В апреле 1928 г. из управления Соловецкими лагерями особого направления (УСЛОН) в ОЦР ОГПУ пришло сообщение, что заключенный Т. М. Романов прибыл на место отбывания заключения. Заседанием коллегии ОГПУ от 24 октября 1929 г. было принято решение сократить срок его наказания на три месяца. В 1930 г. был освобожден и оставлен на поселение в г. Грязовце Вологодской области до мая 1933 г., когда ему было разрешено свободное проживание на территории СССР[34].

19 ноября 1928 г. был произведен обыск на квартире заштатного священника ***Ивана Ивановича Титова***, являющегося членом Иркутского Епархиального церковного совета. У него была найдена нелегально изданная брошюра под названием «Обновленцы по суду канонов Вселенской

православной церкви» (автор – Затворник). По обвинению в распространении этой книги были арестованы: 27 ноября 1928 г. священник церкви во имя свт. Иннокентия на ст. Иннокентиевской ***Константин Дмитриевич Попов*** и 22 декабря 1928 г. монах ***Иоаникий (в миру Яков Петрович Тараненко).*** К расследованию также привлечен монах ***Пантелеймон (в миру Георгий Петрович Максунов),*** бывший игумен Иркутской Благовещенской церкви, рукоположенный в сан епископа и находившийся в это время во Владивостоке. В отношении И. И. Титова, являвшегося случайным читателем книги, ввиду его преклонного возраста (73 г.) дело вскоре было выделено и прекращено. Следствие по остальным обвиняемым продолжалось почти пять месяцев. 5 апреля 1929 г. на особом совещании при коллегии ОГПУ было решено К. Д. Попова направить на поселение в Нарымский край Томского округа сроком на три года, а дело в отношении Я. П. Тараненко и Г. П. Максунова прекратить. Тараненко освободили из-под стражи, а в отношении Максунова отменили подписку о невыезде[35].

16 января 1929 г. в г. Иркутске были арестованы игумены Иркутского Знаменского монастыря ***Рафаила (в миру Евстолия Семеновна Хлыновская),*** монахини ***Евстолия (в миру Анна Митрофановна Суходольская), Анна Андреевна Щеголева и Мария Михайловна Потапова.*** Они обвинялись в хранении знамени, вышитом в монастыре в 1919 г. для встречи атамана Семенова. Так как атаман в Иркутске не был, знамя осталось в монастыре и тайно хранилось у Щеголевой. При обыске в январе 1929 г. знамя в распоротом виде было обнаружено. В обвинительном заключении рекомендовалось всех четырех монахинь выслать за приделы Иркутского округа. Но об исполнении предложенного в обвинительном заключении наказания в материалах дела ничего не сказано. Знамя было передано в Иркутский окротдел ОГПУ, в настоящее время хранится в Иркутском областном краеведческом музее[36].

19 февраля 1929 г. в г. Иркутске были арестованы архиепископ Нижнеудинский, временно управляющий Иркутской епархией ***Киприан (в миру Константин Станиславович Комаровский)*** и Екатерина Александровна Соболевская. В обвинительном заключении по делу изложены

следующие причины этого ареста: «…у членов Ирк. Времен. Епарх. Церковного Совета, благочинных-священников… было обнаружено по одному экземпляру рукописи под названием «Церковь и Государство» и «Обновленчество», присланные им, как видно по надписям на последних, Управляющим Иркутской епархией арх. Киприаном Комаровским в августе-ноябре 1928 г. для личного ознакомления. Тщательное ознакомление с изъятыми рукописями показало, что они по своему содержанию…являются явно контрреволюционными, направленными против политики Советской власти об отношении к религии вообще и православной церкви в частности. Произведенными по этому делу предварительным негласным расследованием было установлено, что автором упомятутых выше рукописей, является их распространитель управлявший Иркутской епархией архиепископ Киприан-Комаровский Константин Станиславович, и что перепечатка их на пишмашинке произведена бывшей женой генерала Соболевской Екатериной Александровной, ныне принимающей активное участие в одной из городских церквей» (л. 29). Особым совещанием при коллегии ОГПУ от 24 мая 1929 г. было постановлено: «Комаровского Константина (Киприана) Станиславовича из-под стражи освободить, лишив права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, озн. губ. и округах Сибири с прикреплением к определен. местожит., сроком на три года, считая срок с 19/2–29. Соболевскую Екатерину Александровну приговорить к лишению Свободы сроком на шесть мес., считая срок с 19/2–29» (л. 36). В июле 1929 г. архиепископ Киприан уехал из Иркутска к месту избранного жительства в г. Златоуст[37].

16 июня 1929 г. арестованы священник Троицкой церкви в с. Малышевка, Балаганского района ***Николай Васильевич Сизых*** и псаломщик этого храма ***Александр Александрович Пляскин***. Их активное сопротивление закрытию церкви в с. Малышевка было расценено как антисоветская деятельность. На заседании коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г. было постановлено согласно ст. 58–10 Н. В. Сизых заключить в Сибирский концлагерь сроком на 5 лет, А. А. Пляскина выслать в Северный край (г. Архангельск) сроком на 3 года[38].

13 сентября 1929 г. в с. Усть-Када, Куйтунского района было арестовано 6 жителей-«кулаков» и священник местной Покровской церкви ***Константин Иванович Пушков***. Все они увезены в арестантское помещение Куйтунского районного административного отделения. Согласно постановлению от 17 сентября 1929 г. К. И. Пушков со спец. конвоем был направлен в распоряжение Иркутского окружного отдела ОГПУ. Заседанием особой тройки при ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 13 ноября 1929 г. К. И. Пушков, обвиняемый в том, что он сгруппировал около себя кулаков и давал им всевозможные указания в области контрреволюционной деятельности, был приговорен к расстрелу вместе со всеми арестованными в Усть-Каде «кулаками». Расстрелян 29 ноября 1929 г.[39]

1 февраля 1930 г. в с. Тутура Жигаловского района был арестован священник местной Покровской церкви ***Викторин Иванович Павловский*** и увезен в Иркутск. Отпущен в июне 1930 г.[40]

2 февраля 1930 г. в с. Залари Заларинского района арестованы протоиерей местной Никольской церкви ***Кузьма Александрович Толмачев*** и священник той же церкви ***Лука Петрович Попов***, в тот же день увезены в г. Иркутск и помещены в Иркутский изолятор. Они были обвинены в том, что систематически вели контрреволюционную агитацию, направленную против проводимых мероприятий советской власти: хлебозаготовок и др., кроме этого являлись активными участниками колчаковской контрразведки. Постановлением особой тройки ОГПУ от 26 апреля 1930 г. К. А. Толмачев приговорен к расстрелу (исполнено 21 мая 1930 г.), а Л. П. Попов осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет[41].

10 февраля 1930 г. в с. Уян Куйтунского района были арестованы священник местной Михаило-Архангельской церкви ***Евгений Васильевич Утехин и псаломщик Трофим Павлович Скуратов.*** Кроме них были арестованы жители с. Уян: И. А. Мурашев, Н. Ф., Мурашев, М. М. Анциферов М. Д. Неудачин и М. А. Тирских. Все они обвинялись в совершении преступления, предусмотренного статьей 58–10–11, выразившееся в том, что систематически вели активную антисоветскую агитацию против всех государственных мероприятий и хозяйственно-политических компаний, в частности

против хлебозаготовок, посевокомпании, коллективизации и др. Постановлением особой тройки ОГПУ от 17 мая 1936 г. Е. В. Утехин приговорен к заключению в концлагерь на 10 лет, а Т. П. Скуратов выслан на жительство в Туруханский край[42].

10 февраля 1930 г. в с. Барлук Куйтунского района арестован священник местной Успенской церкви ***Александр Николаевич Сплендоров***. Кроме него были арестованы жители с. Барлук: Л. А. Борисов, М. Ф. Борисов, И. Е. Лесов, П. А. Лесов и К. Е. Штанько. Все они обвинялись в том, что вели антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную на срыв отдельных мероприятий советской власти. Постановлением особой тройки ОГПУ от 16 июня 1930 г. А. Н. Сплендоров приговорен к заключению в концлагерь на 5 лет[43].

10 февраля 1930 г. в с. Малышевка Балаганского района арестован священник Малышевской Троицкой церкви Иван Климентьевич (Климович) Ильенко. Он обвинялся в систематической контрреволюционной агитации против советской власти и коллективизации сельского хозяйства. Постановлением Иркутского окружного отдела ОГПУ от 30 марта 1930 г. определено следствие по делу прекратить, а И. К. Ильенко выслать на Север в необжитый район[44].

11 февраля 1930 г. в с. Хаихта Куйтунского района арестован священник местной Вознесенской церкви ***Иван Степанович Мосин***. Кроме него были арестованы жители с. Хаихта: член церковного совета Е. И. Тирских, С. В. Иванов, И. А. Анцифиров, Д. Д. Ивлев и Л. А. Сизых. Все они обвинялись в том, что вели контрреволюционную агитацию, направленную к подрыву деятельности органов советской власти и срыву проводимых мероприятий и хозяйственно-политических компаний. Постановлением особой тройки ОГПУ от 30 мая 1930 г. И. В. Мосин приговорен к заключению в концлагерь на 3 года[45].

11 февраля 1930 г. в с. Шерагул Тулунского района арестован священник местной Михаило-Архангельской церкви ***Николай Николаевич Мясников.*** Кроме него были арестованы зажиточные жители этого села: Н. В. Аверьяновых, П. В. Аверьяновых, М. П. Варьянов, В. Е. Говорин, братья Демид, Дмитрий, Кузьма и Филипп Филипповичи Зюзюля. Они были обвинены в том, что «будучи недовольны проводимыми мероприятиями советской властью, по инициативе

быв. военного чиновника Зюзюля Филиппа и др. кулаков… во главе попа решительно вели борьбу против советской власти и всех проводимых компаний. … братья Зюзюлины имели связь с бандой Сенотрусова» (л. 103, 104). Постановлением особой тройки ПП ОГПУ по Сибкраю от 14 июня 1930 г. Н. Н. Мясников и Ф. Ф. Зюзюля в приговорены к расстрелу (исполнено в г. Иркутске до 8 июля 1930 г.)[46].

Около 12 февраля 1930 г. (в деле нет точной даты) в с. Икей Тулунского района арестован ***Алексей Александрович Косов*** – священник местной Иннокентиевской церкви. Он был обвинен в том, что принимал участие в контрреволюционной повстанческой организации, имевшей конечной целью свержение советской власти. Всего по Куйтунскому району членов этой организации было арестовано 20 человек. Все они были отправлены в Иркутск и помещены в Иркутский изолятор. Но в ходе следствия выяснилось, что достаточно точных данных для этого обвинения не обнаружено и постановлением Иркутского ОГПУ от 23 апреля 1930 г. постановлено дело в отношении А. А. Косова и др. прекратить и из-под стражи освободить. (Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12068). Но вскоре (дату ареста установить не удалось) он был снова арестован. На заседании тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 25 декабря 1930 г. постановили А. А. Косова выслать в Туруханский край на 5 лет[47].

Около 12 февраля 1930 г. (в деле нет точной даты) в с. Куйтун Тулунского района арестованы священник местной Иннокентиевской церкви ***Степан Анисимович Сидоров*** и псаломщик той же церкви ***Малахий Дмитриевич Чуванев***. Они обвинялись в том, что принимали участие в контрреволюционной повстанческой организации, имевшей конечной целью свержение советской власти. Всего по Куйтунскому району членов этой организации было арестовано 20 человек. Все они были отправлены в Иркутск и помещены в Иркутский изолятор. Но в ходе следствия выяснилось, что достаточно точных данных для этого обвинения не обнаружено и постановлением Иркутского ОГПУ от 23 апреля 1930 г. постановлено дело в отношении А. А. Косова прекратить и из-под стражи освободить[48].

Около 12 февраля 1930 г. (в деле нет точной даты) в Тулунском районе (селение не указано) арестован административно-ссыльный священник ***Матвей Ильич Меркулов.*** Он был обвинен в том, что принимал участие в контрреволюционной повстанческой организации, имевшей конечной целью свержение советской власти. Всего по Куйтунскому району членов этой организации было арестовано 20 человек. Все они были отправлены в Иркутск и помещены в Иркутский изолятор. Но никакого постановления о нем в деле нет[49].

15 февраля 1930 г. в с. Харат Оекского района Иркутского округа арестован священник местной Михаило-Архангельской церкви Николай Сергеевич Ласьков. Обвинялся «в том, что распустил ложный провокационный слух, дискредитирующий советскую власть о беспричинном его аресте и слух о конце мира, вызвал большое волнение среди крестьянства и настроил его против Советской власти» (л. 21). На заседании тройки ППОГПУ по Сибирскому краю от 19 июня 1930 было определено Н. С. Ласькова заключить в концлагерь сроком на 10 лет. Домой не вернулся[50].

18 февраля 1930 г. в с. Трактово-Курзан, Тулунского района арестован священник местной Петропавловской церкви ***Сергей Иванович Покровский***. Кроме него было арестовано еще 40 жителей сел Тулунского района (Трактово-Курзан, Умыган, Будагово и Евгеньевка), которых следователи ОГПУ назвали «умыганской контрреволюционной организацией». Все они обвинялись в антисоветской агитации и подготовке вооруженного выступления против советской власти. На заседании тройки ОГПУ от 19 июня 1930 было определено расстрелять 29 человек, среди которых был и С. И. Покровский[51].

18 февраля 1930 г. в с. Листвянка Куйтунского района арестованы священник местной Гергиевской церкви ***Николай Васильевич Суворов*** и псаломщик ***Александр Тимофеевич Зацепин.*** Оба увезены в г. Иркутск и содержались под стражей при Иркутском доме заключенных с 18 февраля 1930 г. Кроме них, в Листвянке было арестовано еще 9 человек. Все они обвинялись в антисоветской агитации, направленной к срыву всех компаний и мероприятий, проводимых в селе. На заседании особой тройки при ПП ОГПУ от 17 мая 1930 г. постановили Н. В. Суворова и А. Т. Зацепина расстрелять[52].

20 февраля 1930 г. в с. Каразей Куйтунского района был арестован священник местной Казанской церкви ***Георгий Данилович Лыткин.*** Кроме него были арестованы жители с. Каразей: Бурчак И. Ф., Мальковец В. А., Крот И. Я., Воловод И. А. и Куц А. Д. Все они обвинялись в совершении преступления, предусмотренного статьей 58–8-10, выразившееся в том, что на протяжении ряда лет посредством учинения террористических актов (убийств, поджогов) над активными общественными работниками и активистами бедняками тормозили политико-экономическое развитие страны. Но в ходе следствия было установлено, что часть свидетельских показаний, указывающих на принадлежность обвиняемых к террористическим актам в с. Каразей в 1920–1922 гг., ложны: например, священник Лыткин проживает в Каразее с 1926 г. и никакого отношения к тем событиям не имел. Постановлением от 15 апреля 1930 г. следствие по делу священника Г. Д. Лыткина и каразейских крестьян было прекращено и все обвиняемые были освобождены из-под стражи[53].

22 февраля 1930 г. в с. Русские Янгуты, Боханского аймака арестован священник местной Покровской церкви ***Лев Иванович Волченский***. Он обвинялся в том, что в период проведения коллективизации совместно с кулаками вел антиколхозную агитацию. Постановлением особой тройки ОГПУ от 9 мая 1930 г. был приговорен к высылке на жительство в Туруханский край сроком на 5 лет. Наказание отбывал на ст. Конощель Туруханского края. На заседании президиума Центрального исполнительного комитета союза ССР (протокол № 68–84) 17 декабря 1933 г. рассматривалось ходатайство о помиловании Л. И. Волченского, на котором было решено: ходатайство удовлетворить, от высылки в Туруханский край условно-досрочно освободить[54].

23 февраля 1930 г. на участке Добчур Тулунского района арестован протоиерей местной церкви ***Иннокентий Федорович Романов,*** увезен в г. Иркутск и определен под стражу в Иркутский изолятор. Он подозревался в том, что «систематически вел агитацию и распространял ложные слухи о СССР среди населения». Постановлением Иркутского окружного отдела ОГПУ от 25 марта 1930 г. освобожден из-под стражи и следствие по делу прекращено[55].

25 февраля 1930 г. был допрошен священник Гадалейской Вознесенской церкви ***Георгий Андреевич Попов*** (выяснить, был он арестован или нет – не удалось). Второй допрос состоялся 5 марта 1930 г. Обвинялся в том, что состоял в «Икей-Едогон-Изегольской кулацко-контрреволюционной организации» (формулировка следователей ОГПУ – т. 1, л. 264). В деле имеется постановление Иркутского отдела ОГПУ от 30 июня 1930 г. о содержании Г. А. Попова под стражей в Иркутском изоляторе. Постановлением 3-го отделения Иркутского окружного отдела ОГПУ от 2 августа 1930 г. дело по обвинению Г. А. Попова в связи с тем, что он с места жительства скрылся неизвестно куда, решено приостановить, передать в РСО окротдела ОГПУ для объявления его розыска[56].

4 марта 1930 г. арестован священник Покровской церкви с. Больше-Жилкино, Усольского района ***Александр Семенович Краснов*** по подозрению в антисоветской деятельности. Освобожден 18 марта 1930 г.[57]

25 марта 1930 г. в с. Кутима Казаченского района арестован священник местной Кирико-Улитской церкви ***Исаак Васильевич Кутимский***. Вместе с ним были арестованы жители этого села А. И., А. Н., С. И. Кутимские. Они обвинялись в том, что систематически занимались агитацией, ведущей к подрыву мероприятий Советской власти. На заседании тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 23 августа 1930 г. постановили И. В. Кутимского заключить в концлагерь сроком на 10 лет[58].

27 марта 1930 г. был арестован священник Троицкой церкви с. Нижний Бурбук Тулунского района ***Порфирий Иванович Кравченко.*** Поводом послужило постановление расширенного пленума членов Нижне-Бурбукского сельсовета от 24 февраля 1930 г. «об аресте попа», который «агитировал и распространял контрреволюционное настроение среди населения» (т. 4, л. 78). Обвинялся в том, что состоял в «Икей-Едогон-Изегольской кулацко-контрреволюционной организации» (формулировка следователей ОГПУ – т. 1, л. 264), члены которой (всего по делу обвинялось 133 человека) «во время колчаковщины выступали с оружием в руках против красного партизанского движения… Начиная с 1927–28 гг. … [эта организация] ведет усиленную антисоветскую агитацию против проводимых на селе Советской

властью мероприятий и компаний, сопровождающуюся открытым террором… активно повела подготовку к вооруженному выступлению против Советской власти» (т. 1, л. 320–321). На заседании тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 25 декабря 1930 г. постановили, П. И. Кравченко подвергнуть высшей мере – расстрелять. Исполнено 22 января 1931 г.[59]

До 6 апреля 1930 г. арестован священник ***Иван Петрович Лыхин.*** Обвинялся в том, что состоял в «Икей-Едогон-Изегольской кулацко-контрреволюционной организации». На заседании тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 25 декабря 1930 г. постановили И. П. Лыхина заключить в концлагерь сроком на 10 лет[60].

До 6 апреля 1930 г. арестован псаломщик Икейской Иннокентиевской церкви ***Николай Александрович Ржаницын.*** Обвинялся в том, что состоял в «Икей-Едогон-Изегольской кулацко-контрреволюционной организации». На заседании тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 25 декабря 1930 г. постановили, Н. А. Ржаницына подвергнуть высшей мере социальной защиты – расстрелять. Исполнено 22 января 1931 г.[61]

Постановлением уполномоченного Зиминского района Иркутского окротдела ПП ОГПУ от 2 мая 1930 г. арестованы священник Покровской церкви в с. Батама Зиминского района ***Яков Егорович Пак*** и псаломщик этой церкви ***Никифор Трофимович Нечепуренко*** и помещены в каталажное помещение Зиминского РАО. Они обвинялись в том, что «вели среди переселенцев контрреволюционную работу, … в результате которой насильственным путем был открыт принадлежащий Полеводсоюзу погреб, из коего растаскано до 800 пудов картошки» (л. 119 об.). На заседании особой тройки при ПП ОГПУ от 7 сентября 1930 г. постановили; Я. Е. Пак заключить в концлагерь на 10 лет, а Н. Т. Нечепуренко – в концлагерь на 5 лет. Наказание оба отбывали на Беломорканале, откуда Я. Е. Пак не вернулся, а вернувшийся Н. Т. Нечепуренко вновь был арестован в 1938 г. [62]

До 2 июня 1930 г. арестован псаломщик Нижне-Бурбукской Троицкой церкви ***Василий Григорьевич Васин***. Обвинялся в том, что состоял в «Икей-Едогон-Изегольской кулацко-контрреволюционной организации». На заседании

тройки при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 25 декабря 1930 г. постановили В. Г. Васина заключить в концлагерь сроком на 3 года[63].

6 августа 1930 г. в г. Зиме арестован бывший священник (с 1922 по 1929 г.), а на момент ареста слесарь-машинист Зиминского лесозавода ***Леонид Иванович Михайлов***, обвиненный во вредительстве (якобы, умышленно допустил подплавку подшипника у паровой машины) и агитации против Советской власти. Постановлением особой тройки ОГПУ от 28 ноября 1930 г. Л. И. Михайлов осужден к заключению в концлагерь на 5 лет[64].

24 апреля 1930 г. в с. Мача, Бодайбинского района арестованы священник церкви ***Бекренев Иван Иосифович*** и бывший псаломщик (дьякон) ***Иван Никанорович Покровский***. Они обвинялись в том, что были участниками вооруженного кулацко-белогвардейского восстания в с. Мача в 1918 г., а в 1928–1930 гг. состояли членами повстанческой контрреволюционной организации мачинских кулаков и принимали активное участие в подготовке восстания в с. Мача. « (л. 298). ный , постановлением от 13. 10. 1930 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Постановлением особой тройки ОГПУ от 13 октября 1930 г. И. Н. Покровский приговорен к расстрелу, А И. И. Бекренев к заключению в концлагерь на 10 лет[65].

23 августа 1930 г. арестован псаломщик Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Григорий Евгеньевич Шастин***, обвиненный в том, что «зная о затруднениях с разменной монетой, в целях обострения кризиса … собирал и задерживал у себя мелкую разменную монету, преимущественно серебро». Постановлением заседания тройки при ОГПУ от 13. 10. 1930 г. приговорен к заключению в концлагерь сроком на пять лет. Изъятая разменная валюта в сумме 63 р. 53 к. была конфискована[66].

17 февраля 1931 г. в г. Иркутске арестован протодьакон Иркутской Николо-Иннокентиевской церкви ***Степан Карпович Сакович*** и определен под стражу в Иркутский изолятор. Обвинялся в том, что «в период службы жандармом активно боролся против рабочего класса и революционного движения, при Советской власти, будучи служителем культа, занимался контрреволюционной агитацией» (л. 19). На

заседании особого совещания при коллегии ОГПУ от 28 июня 1931 г. постановили С. К. Саковича заключить в концлагерь на 3 года. Наказание отбывал на Беломорском канале. В январе 1933 г. был признан инвалидом и из концлагеря был отправлен на 4 месяца до отбывания наказания на вольную высылку в г. Архангельск. 2 марта 1940 г. написал письмо председателю Президиума Верховного совета тов. Калинину с просьбой снять с него судимость. Сбор информации для снятия судимости длился более 10 лет[67].

15 марта 1931 г. в г. Иркутске на улице арестован бывший священник Тутурской Покровской церкви, занимающийся легковым извозом в г. Иркутске ***Викторин Иванович Павловский***. Обвинялся в том, что состоял членом контрреволюционной организации подготавливающей вооруженное восстание против Советской власти. На заседании тройки при ПП ОГПУ от 31 мая 1932 г. приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет[68].

20 апреля 1931 г. в с. Евсеево, Черемховского района арестованы священник местной Петропавловской церкви ***Семен Иванович Литвинцев***, священник на должности псаломщика ***Дмитрий Михайлович Березовский,*** а также дьякон на должности второго псаломщика этой церкви ***Иосиф Клементьевич Коростель.*** Они содержались под стражей при Черемховском арестантском доме. В ходе расследования фактов по составу преступления И. К. Коростель, приехавшего на службу в с. Евсеево за 1,5 месяцев до ареста, не обнаружено и постановлением СПО ПП ОГПУ по ВСК от 29 мая 1931 г. дело в отношении его было прекращено и он был освобожден из-под стражи в Черемховском арестантском доме. С. И. Литвинцев и Д. М. Березовский на заседании особой тройки при ПП ОГПУ по ВСК от 6 октября 1931 г., обвиненные в том, что они занимались контрреволюционной агитацией среди крестьянства против всех мероприятий правительства и партии в деревне, особенно против коллективизации, были приговорены к высылке в Нарымский край сроком на 3 года[69].

8 июня 1931 г. арестован священник церкви в с. Никольском Тункинского района ***Исидор Лукич Петров***. Обвинялся в том, что «состоял членом контрреволюционной организации, по поручению последней использовал религи-

озный фанатизм, среди масс населения пропагандируя борьбу за свободу жизни и выступая с лозунгом свержения Советской власти, в этих целях в церкви проводил закрытые собрания контрреволюционной организации, на которых давал установки населению о расцветании религии и о гибели Советской власти» (т. 16, л. 165). На заседании тройки при ПП ОГПУ от 31 мая 1932 г. приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет[70].

31 октября 1931 г. арестован псаломщик Покровской церкви в с. Тунка ***Сергей Иванович Кузнецов***. Обвинялся в том, что состоял членом контрреволюционной организации, подготавливающей вооруженное восстание против Советской власти. На заседании тройки при ПП ОГПУ от 31 мая 1932 г. приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет[71].

2 декабря 1932 г. в д. Егоровщина Иркутского района арестован священник местной Вознесенской церкви ***Александр Фомич Гриценко*** вместе с пятью деревенскими жителями. Сущность его обвинения: «Будучи активным участником в 1932 г. – в самый разгар хлебозаготовок организовал прятание кулацкого хлеба в церкви, имея у себя ключи от таковой. Под видом проповеди распускал провокационные слухи о падении с неба священного камня, который подушит коммунистов и колхозников, призывал единоличников не сдавать хлеб государству». Следствие по делу продолжалось полтора года, но доказать вину арестованных жителей Егоровщины не удалось. 26 февраля 1934 г. А. Ф. Гриценко был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде, а постановлением 2-го отделения СПО ОГПУ ВСК от 5 июня1934 г. следственное дело по обвинению Гриценко А. Ф., Смолянинова А. М., Черных Е. А., Амосова И. Н., Амосова И. Н., Иванова-Коршунова И. В. было прекращено[72].

21 июля 1932 г. в с. Максимовщина Иркутского района были арестованы вместе с группой максимовских крестьян-«кулаков» священники местной Троицкой церкви ***Петр Николаевич Коренев*** и ***Михаил Лаврович Копылов*** по подозрению в контрреволюционной работе по развалу колхозов и в терроризировании местных работников. Постановлением ПП ОГПУ ВСК от 9 октября 1932 г. в связи с недостаточностью собранных по делу доказательств оба священника бы-

ли освобождены из-под стражи с подпиской о невыезде. Постановлением ПП ОГПУ ВСК от 13 августа 1933 г. подписка о невыезде священнослужителей была отменена, дело прекращено и сдано в архив[73].

5 июня 1932 г. в г. Иркутске был арестован священник-старообрядец Белокриницкого согласия ***Анатолий Андрианович Пучков.*** В процессе расследования инкриминированное ему обвинение в распространении антисоветской агитации не подтвердилось. Постановлением 3-го отделения ПП ОГПУ от 27 декабря 1932 г. дело было прекращено, и А. А. Пучков освобожден из-под ареста[74].

16 февраля 1933 г. предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности настоятелю Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Семену Ильичу Телятьеву.*** Под стражу не заключался, 31 мая 1933 г. с него была взята подписка о невыезде.

17 февраля 1933 г. в г. Иркутске арестованы настоятель Иркутской Крестовоздвиженской ***Вениамин Петрович Ларев***, священник Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Иннокентий Николаевич Шабалин,*** дьякон Иркутской Крестовоздвиженской церкви ***Иннокентий Иванович Анисимо***в, псаломщик Иркутского Казанского кафедрального собора ***Георгий Васильевич Стрекочинский***

25 февраля 1933 г. в г. Иркутске арестованы иеромонах ***Яков Петрович Тараненко***, архимандрит ***Герман (в миру Вукол Алексеевич Богданов)***. 15 мая 1933 г. архимандрит Герман дал подписку о невыезде.

2 апреля 1933 г. в г. Иркутске арестован архиепископ Иркутский ***Дионисий (в миру Дмитрий Прозоровский),***

3 апреля 1933 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Владимирской церкви ***Федор Федорович Верномудров***, священник ***Иннокентий Петрович Образцов***, священник Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Иннокентиевич Попов.***

В обвинительном заключении И. И. Анисимову, И. Н. Шабалину, В. П. Лареву, Г. В. Стрекочинскому, Я. П. Тараненко, В. А. Богданову, Дионисию (Прозоровскому), Ф. Ф. Верномудрову, И. П. Образцову. С. И. Телятьеву, П. И. Колодезникову предъявлялись следующие обвинения: «Используя религиозные предрассудки, указанная группа, через ор-

ганизованные ею при церквях нелегальных групп «сестричеств» и «кликуш-мироносиц», распространяла по городу разные провокационные слухи, возбуждая верующих против мероприятий Советской власти и подрывали авторитет последней... Группа производила организованную помощь высланному за контрреволюционную деятельность духовенству, собирая для этого денежные средства среди верующих во время богослужения в церквях и среди служителей культа. Данная помощь высланному духовенству, имела целью сохранить кадры для борьбы с Советской властью... » (л. 157). Особое Совещание при Коллегии ОГПУ от 22 августа 1933 г. вынесло решение освободить всех арестованных, зачтя в наказание их предварительное заключение в тюрьме[75].

2 апреля 1933 г. в г. Иркутске арестованы монахини Ефросинья Лаврентьевна Быкова, ***Виктория Ивановна Бурылова*** по подозрению в том, что являлись членом контрреволюционной церковно-монархической организации. Постановлением 3-го отделения СПО ПП ОГПУ по ВСК от 13 мая 1933 г. решено Е. Л. Быкову и В. И. Бурылову из-под стражи освободить и следствие в отношении их прекратить[76].

4 ноября 1933 г. в г. Зима арестованы священник Зиминской Троицкой церкви ***Василий Николаевич Шелашников*** и священник на должности псаломщика ***Александр Владимирович Зуев*** и заключены под стражу в арестанском помещении Зиминского РУМа. Кроме них были арестованы еще 8 жителей Зимы и других поселений, которые якобы были членами контрреволюционной повстанческой организации, именовавшейся сотрудниками ОГПУ «социал-фашисты». Они обвинялись в том, что «являясь по своей идеологии врагами советского строя, вступили в члены… организации, готовившейся к вооруженному восстанию» (л. 20). На заседании тройки ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края от 7 февраля 1934 г. постановили выслать их в Северный край на 3 года. Наказание отбывали в Вологодской области[77].

28 апреля 1935 г. в с. Каразей Куйтунского района арестован ***Георгий Данилович Лыткин***. Повод для ареста был изложен в постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения: Лыткин Г. Д. «работая священником Каразейской церковной общины, в 1935 г. безо всякого на то разрешения проводил в ночное время в церкви собра-

ния, совещания. После чего под его руководством проводилась по селу агитация, результатом чего на 50 % ученики с/школы начали посещать церковь, и начали крестить колхозники взрослых детей» (л. 30). С 29 апреля 1935 г. Г. Д. Лыткин находился под стражей в Тулунском ИТК. По постановлению от 6 мая 1935 г. он был выпущен под подписку о невыезде. 8 июня 1935 г. уполномоченный 3-го отделения СПО вернул Куйтунскому райотделению УНКВД дело на доследование в связи с тем, что «недостаточно проверены факты антисоветской агитации, проводимой обвиняемым Лыткиным, в показаниях свидетелей имеются неясности, противоречия и отсутствуют конкретные примеры антисоветских проявлений обвиняемого» (л. 38). 21 июля 1935 г. ввиду маловажности состава преступления следственое дело по обвинению Лыткина Г. Д. было прекращено[78].

28 апреля 1935 г. в с. Барлук Куйтунского района арестован священник местной Успенской церкви ***Антоний Пиманович Цышкевич*** и заключен под стражу при Куйтунском РОМ УНКВД. 5 мая 1935 г. следствие было завершено. В обвинительном заключении Ф. С. Цышкевич обвинялся в том, что «используя религиозные предрассудки граждан, формировал среди последних провокационно-пораженческие настроения, направленные против мероприятий советской власти на селе, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 УК РСФСР». Постановлением начальника Куйтунского райотделения УГБ НКВД от 6 мая 1935 г. А. П. Цышкевич был выпущен из-под стражи, написав расписку о невыезде. Заключением уполномоченного 3-м отделением СПО Управления НКВД (г. Иркутск) от 8 июня 1935 г. следственное дело на основании того, что обвинительное заключение составлено небрежно и загромождено фактами, не относящимися к делу, было возвращено Куйтунскому райоотделению НКВД для доследования. Постановлением начальника Куйтунского райотделения УГБ НКВД от 28 ноября 1935 г. дело по обвинению А. П. Цышкевич было прекращено[79].

31 октября 1936 г. в г. Иркутске был арестован протоиерей Иркутского Владимирского собора ***Петр Петрович Мухин*** и помещен в Иркутскую тюрьму. Он обвинялся в том, что «с момента прибытия в 35 г. в Иркутск среди своих знакомых систематически вел антисоветскую агитацию, рас-

пространял провокационные измышления о притеснении церкви советской властью, дискредитировал стахановское движение» (л. 58). 15 февраля 1937 г. материалы по делу были посланы в г. Москву. Постановлением особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР от 21 марта 1937 г. П. П. Мухин был осужден к заключению в исправительный трудовой лагерь сроком на 5 лет[80].

30 апреля 1936 г. в с. Олха, Иркутского района арестован священник местной Никольской церкви ***Иван Яковлевич Батурин (иеромонах Ерофей).*** 3 мая 1936 г. был помещен в Иркутскую тюрьму. Приговором Восточно-Сибирского краевого суда от 14 сентября 1936 г., обвиненный в проведении антисоветской пораженческой агитации и распространении контрреволюционных провокационных слухов был осужден на 5 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года[81].

20 апреля 1937 г. арестован протодьякон Иркутского Владимирского собора ***Георгий Васильевич Любомирский***. На заседании Восточно-Сибирского областного суда 7 июля 1937 г. был обвинен в том, что будучи враждебно настроен к существующему социалистическому строю, среди окружающего населения проводил контрреволюционную агитацию. Согласно статье 58–10 УК был приговорен к лишению свободы на 5 лет[82].

20 апреля 1937 г. в г. Тулуне арестован священник церкви во имя Святителя Николая, находящейся при железнодорожной станции, ***Дмитрий Трофимович Игумнов***. Четыре месяца он находился под стражей в Тулуне, где его постоянно допрашивали, добиваясь признания, что он является членом контрреволюционной организации. 7 августа признание было получено. 20 августа 1937 г. его привезли в Иркутскую тюрьму. В обвинительном заключении было указано, что «на территории Тулунского р-на вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация церковников в количестве 9 человек, которая ставила перед собой задачу свержения Советской власти и восстановления капитализма в СССР» (л. 168). Вместе с Д. Т. Игумновым по ст. 58–10 и 11 были осуждены священник с. Шарагул Н. Ю. Сеницкий, тулунский священник Н. С. Краснов, председатель церковного совета пос. Тулун Г. М. Колотюк, священ-

ники Гадалейской церкви С. Ф. Самойлов и Е. В. Харыбин,, монах, живущий в с. Гадалей К. М. Курцаев, председатель Церковного совета с. Гадалей С. И. Соловьев и гадалейский крестьянин А. Д. Лыткин (32, лл. 168–172). 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила, Д. Т. Игумнова расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества, 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[83].

7 мая 1937 г. в с. Кузьмиха Иркутского района арестован священник местной Николаевской церкви ***Дмитрий Георгиевич Копылов***. Спецколлегией Иркутского облсуда от 31 августа 1937 г. по ст. 58–10 УК РСФСР был осужден на 8 лет лишения свободы с поражением прав сроком на 4 года. Содержался в Иркутской тюрьме. 22 февраля 1938 г. на него и еще девять заключенных было заведено новое дело по обвинению в том, что «будучи непримиримыми врагами советской власти объединившись в контрреволюционную группу продолжали вести контрреволюционную деятельность и в тюрьме» (л. 103). Постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 27 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества[84].

10 июля 1937 г. в с. Егоровщина, Иркутского района арестован священник местной Вознесенской церкви ***Александр Фомич Гриценко***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[85]

23 июля 1937 г. в с. Карымск Куйтунского района арестован священник местной Покровской церкви ***Федор Иванович Кузьмин.*** 27 июля его привезли в Иркутскую тюрьму. Он обвинялся в том, что, являясь служителем культа, с целью привлечения для себя прибыли составлял фиктивные списки верующих и распространял среди крестьян листовки религиозного характера. Постановлением тройки УНКВД ВСО от 28 сентября 1937 г. приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь[86].

28 августа 1937 г. в с. Алкин Куйтунского района арестован священник местной Покровской церкви ***Матвей***

Алексеевич Голованов, был привезен в г. Иркутск и содержался под стражей в Иркутской тюрме. Обвинялся в том, что будучи враждебно настроенный по отношению к советской власти систематически вел контрреволюционную и пораженческую антисоветскую агитацию, направленную на подрыв и развал колхозов. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 15 марта 1938 г. был приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. В деле есть справка, что он 4 августа 1938 г. умер в больнице Иркутской тюрьмы от старческой дряхлости[87].

29 августа 1937 г. в г. Тулун арестован священник местной Никольской церкви ***Николай Семенович Краснов***. В обвинительном заключении было указано, что «на территории Тулунского р-на вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация церковников в количестве 9 человек, которая ставила перед собой задачу свержения Советской власти и восстановления капитализма в СССР» (л. 168). Вместе с Н. С. Красновым по ст. 58–10 и 11 были осуждены священник шерагульской церкви Н. Ю. Сеницкий, тулунский священник Д. Т. Игумнов, председатель церковного совета пос. Тулун Г. М. Колотюк, священники гадалейской церкви С. Ф. Самойлов и Е. В. Хаарыбин,, монах, живущий в с. Гадалей К. М. Курцаев, председатель Церковного совета с. Гадалей С. И. Соловьев и гадалейский крестьянин А. Д. Лыткин. 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила Н. С. Красснова расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[88].

3 сентября 1937 г. в с. Гадалей Тулунского района арестован священник местной Вознесенской церкви ***Софрон (Софроний) Филиппович Самойлов***. 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила С. Ф. Самойлова расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[89].

5 сентября 1937 г. в д. Барлук Куйтунского района арестован священник местной Успенской церкви ***Георгий Данилович Лыткин*** вместе с председателем церковного совета этой же церкви Андреем Осиповичем Лапкановым. На до-

просах о. Георгий категорически отрицал свое участие в контрреволюционной организации. Но, несмотря на это, Г. Д. Лыткин вместе с А. О. Лапкановым были обвинены «в том, что оба систематически занимались контрреволюционной пораженческой агитацией среди колхозников, т. е. в преступлении предусмотренном ст. 58–10 УК РСФСР» (л. 36). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 11 декабря 1937 г. постановили: Лыткина Г. Д. расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Расстрел был осуществлен 11 января 1938 г. в Иркутске. А. О. Лапканова постановили заключить в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет[90].

18 сентября 1937 г. в п. Тельма Усольского района арестован священник Тельминской Казанской церкви ***Николай Петрович Успенский***. Обвинялся в том, что был активным участником в контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [91]

20 сентября 1937 г. в с. Шерагул Тулунского района арестован священник местной Михаило-Архангельской церкви ***Никодим Юлианович (Ульянович) Сеницкий***. В этот же день он был отправлен в г. Иркутск и помещен под стражу в Иркутскую тюрьму. 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила Н. Ю. Сеницкого расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[92].

25 сентября 1937 г. с. Малышевка, Балаганского района арестованы священник местной Троицкой церкви ***Любушкин Никита Кириллович***, и псаломщик этой церкви ***Моисей Демидович Бибик***. Они обвинялись в том, что систематически среди населения Балаганского района и Аларского аймака проводили контрреволюционную агитацию против Советской власти и колхозного строительства за возврат царской власти. На заседании тройки УНКВД по Иркутской области от 4 декабря 1937 г. постановили обоих расстрелять с конфискацией всего, лично им принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 10 декабря 1937 г. [93]

4 октября 1937 г. в д. Куяда Иркутского района арестован дьякон (по другим сведениям – псаломщик или сторож) местной Петропавловской церкви ***Владимир Федорович Максимюк*** и увезен в Иркутскую тюрьму. Он обвинялся в том, что систематически проводил контрреволюционную агитацию среди населения, направленную против мероприятий партии и советского правительства. Постановлением тройки УНКВД от 8 декабря 1937 г. был осужден на 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере[94].

10 октября 1937 г. в г. Тулуне был арестован иеромонах ***Евсевий Харыбин***, которого 2 октября 1937 г. архиепископ Иркутский Павел (Павловский) назначил к служению в Тулунской поселковой церкви. Через месяц он из Тулунской тюрьмы был послан в г. Иркутск и помещен 10 ноября 1937 г. в Иркутскую тюрьму. В обвинительном заключении было указано, что «на территории Тулунского р-на вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация церковников в количестве 9 человек, которая ставила перед собой задачу свержения Советской власти и восстановления капитализма в СССР» (л. 168). Вместе с Е. В. Харыбиным по ст. 58–10 и 11 были осуждены священник шерагульской церкви Н. Ю. Сеницкий, тулунские священники Д. Т. Игумнов и Н. С. Краснов, председатель церковного совета пос. Тулун Г. М. Колотюк, священник гадалейской церкви С. Ф. Самойлов, монах, живущий в с. Гадалей К. М. Курцаев, председатель Церковного совета с. Гадалей С. И. Соловьев и гадалейский крестьянин А. Д. Лыткин. 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила Е. В. Харыбина расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[95].

11 октября 1937 г. в с. Хилобок Тангуйского района арестован священнослужитель ***Михаил Степанович Минченко***. Он был увезен в г. Тулун и определен под стражу в Тулунскую тюрьму. Обвинялся в том, что «являясь активным церковником в прошлом и в настоящее время, пытался организовать в селе Худобок и в ближних к нему участках Барчим и Зарбь церковную общину верующих. … к контрреволюционной работе привлек единоличницу участка Барчим Тэминского с/совета Тангуйского района Иванкович Евдо-

кию Карповну» (л. 1). 31 декабря 1937 г. приговором выездной сессии спецколлегии Иркутского областного суда М. С. Минченко и Е. К. Иванкович были приговорены к 7 годам лишения свободы каждый[96].

11 октября 1937 г. арестован священник церкви с. Александро-Невской станицы Куйтунского района ***Николай Анисимович Дынник***. Он обвинен в том, что систематически занимался контрреволюционной деятельностью. Постановлением тройки УНКВД от 4 декабря 1937 г. был на основании статьи 58–10 УК РСФСР осужден на 10 лет пребывания в исправительно-трудовом лагере[97].

12 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован протоиерей Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Иннокентиевич Попов***. Обвинялся в том, то являлся одним из руководящих и активных участников контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[98]

12 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован священник, ключарь Иркутской Преображенской церкви ***Михаил Александрович Концевич***. Обвинялся в том, то являлся одним из руководящих участников контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г.[99]

25 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован архиепископ Иркутский ***Павел (в миру Петр Андреевич Павловский).*** 27 ноября 1937 г. умер в больнице Иркутской тюрьмы при явлениях сердечной слабости. Постановлением 7-го отделения 4-го отдела УГБ Управления НКВД Иркутской области следственное дело на гр. П. А. Павловского было прекращено (т. 1, л. 141). Следственного дела по обвинению П. А. Павловского, а также и тюремного дела на него в архиве 1 спецотдела УВД и УАО УКГБ (ныне Архив РУ ФСБ по Иркутской области) не имеется (т. 5, л. 455)[100].

26 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Никольской (Нагорной или Омулевской) церкви

Петр Николаевич Коренев. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[101]

27 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской старообрядческой церкви ***Антоний Андрианович Пучков***. Обвинен в том, что «проводит контрреволюционную работу против Советской власти, являясь активным участником контрреволюционной повстанческой организации старобряцев в Восточной Сибири, получал директивы контрреволюционного характера и литературу из Ленинграда от братства св. Аввакума, а также имел связи с заграницей (Харбин)» (т. 4 л. 170). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г.[102]

28 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Преображенской церкви ***Николай Иванович Ильенко***. Обвинялся в том, что являлся одним из руководящих и активных участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[103]

28 октября 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Преображенской церкви ***Федор Федорович Верномудров***. Обвинялся в том, что являлся активным участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [104]

29 октября 1937 г. в г. Нижнеудинске арестованы священники местных церквей: Воскресенской – ***Иван Данилович Понимаскин*** и Никольской – ***Дмитрий Петрович Снежкин***. Оба сразу увезены в Иркутск и определены под стражу в Иркутскую тюрьму. Оба обвинялись в том, что яв-

лялись руководителями диверсионно-повстанческой и шпионско-вредительской контрреволюционной организации в Нижнеудинском районе». Всего по этому делу было арестовано 25 человек. 10 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила И. Д. Понимаскина и Д. П. Снежкина расстрелять с конфискацией всего, лично им принадлежащего имущества. 13 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[105].

30 октября 1937 г. в с. Листвянка, Куйтунского района арестован священник местной Георгиевской церкви ***Федор Семенович Ефимов.*** После обыска отправлен в с. Куйтун, а 31 октября из района в Тулунскую тюрьму, откуда вместе с этапом, через месяц в поезде переведен в Иркутскую тюрьму. На заседании Тройки УНКВД по Иркутской области от 7 декабря 1937 г. по обвинению в том, что систематически проводил контрреволюционную агитацию среди населения Куйтунского района, был осужден на 10 лет в ИТЛ. 12 февраля 1939 г. убыл в Севураллаг. 19 марта 1940 г. Ф. С. Ефимов подал заявление в специальный отдел Иркутского областного управления народного комиссара внутренних дел о пересмотре своего дела. Постановлением Уполномоченного УНКВД по Иркутской области от 31 декабря 1940 было решено в ходатайстве о пересмотре решения Тройки УНКВД по Иркутской области Ф. С. Ефимову отказать[106].

13 ноября 1937 г. в г. Нижнеудинске арестован священник ***Иннокентий Васильевич Охлопков*** и сразу был увезен в г. Иркутск. В обвинительном заключении ему вменялось в вину то, что он «является одним из руководителей контрреволюционной повстанческой шпионско-диверсионной вредительской организации … активно вел подготовку к вооруженному восстанию против Советской власти … под видом отправления религиозных обрядов ходил по домам жителей и вел агитацию, …проводил подготовку по взрыву большого деревянного моста в г. Нижнеудинске» (л. 392). На заседании Тройки УНКВД Иркутской области от 10 декабря 1937 г. было постановлено И. В. Охлопкова расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Приговор был приведен в исполнение 13 января 1938 г. [107]

14 ноября 1937 г. в с. Н-Заимка Шиткинского района арестован священник ***Михаил Яковлевич Фролов*** и увезен в

Иркутскую тюрьму. Обвинялся в том, «что на протяжении ряда лет, используя религиозные предрассудки населения, проводил контрреволюционную агитацию среди населения и колхозников, направленную на срыв мероприятий партии и советского правительства. Разлагал школьников с целью срыва учебы» (л. 21). 4 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила М. Я. Фролова расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 12 декабря 1938 г. приговор был приведен в исполнение[108].

16 ноября 1937 г. в с. Бельск арестован священник местной Сретенской церкви ***Иван Семенович Письменный*.** На заседании Тройки УНКВД Иркутской области от 8 декабря 1937 г. он был обвинен в том, что проводил среди населения контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий партии и советского правительства, группировал вокруг себя кулаков и проводил с ними нелегальные совещания. Было постановлено заключить его в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. Отбывал наказание в одном из лагерей г. Соликамска, где и умер 19 января 1942 г.[109]

16 ноября 1937 г. в с. Братск арестован бывший священник (до 1932 г.), а с 1932 г. столяр ***Гавриил Степанович Лютиков*.** На заседании Тройки УНКВД Иркутской области от 8 декабря 1937 г. он был обвинен в том, что проводил систематически контрреволюционную агитацию, например на смерть тов. Кирова он говорил «Одним большевиком стало меньше». Было постановлено его расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества (исполнено 11 января 1938 г. в Иркутске)[110].

17 ноября 1937 г. в с. Гадалей Тулунского района арестован сторож местной церкви, монах ***Кузьма Матвеевич Курцаев.*** Вместе с К. М. Курцаевым по ст. 58–10 и 11 были осуждены еще 8 человек церковников (см. 29 августа 1937 г. об аресте Н. С. Краснова). 11 декабря 1937 г. тройка УНКВД Иркутской области постановила К. М. Курцаева расстрелять с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. 11 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение[111].

18 ноября 1937 г. в деревне Глинная Шиткинского района Иркутской области был арестован колхозный сторож ***Степан Григорьевич Колмаков***, бывший ранее псаломщиком Николаевской церкви с. Шелаево в Тайшетском районе.

Он обвинялся в том, что проводил контрреволюционную агитацию среди колхозников и клеветал на сталинскую конституцию. На заседании тройки УНКВД от 19 декабря 1937 г. постановлено заключить его в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. Отбывал наказание в Усольлаге НКВД г. Соликамска. 1 июля 1939 г. С. Г. Колмаков написал просьбу верховному прокурору СССР о пересмотре своего дела. Постановлением следчасти УНКВД по Иркутской области от 8 февраля 1941 г. в ходатайстве о пересмотре решения тройки по его делу было отказано[112].

21 ноября 1937 г. в с. Листвянка Слюдянского района арестован священник местной Никольской церкви ***Арсений Дмитриевич Иванов***. Обвинялся в том, что «являлся одним из активных участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[113]

22 ноября 1937 г. в с. Большое Голоустное Слюдянского района арестован священник местной Никольской церкви ***Иван Климентьевич (Климович) Ильенко*** и помещен под стражу в Иркутскую тюрьму по первой категории. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации; поддерживал связь с сыном-эмигрантом, проживающим в Риме, через него представителям римско-католической церкви обещал данные о положении в СССР. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[114]

28 ноября 1937 г. в с. Тулюшка Куйтунского района арестован сторож тепляка автодороги Лестранхоза ***Михаил Петрович Смирнов***, ранее псаломщик Тулинской Пятницкой церкви. Он был обвинен в том, что систематически проводил среди населения контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий партии и советского правительства, распространял провокационные слухи о падении советских денег. На заседании тройки УНКВД от 8 декабря 1937 г. постановлено заключить его в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет[115].

5 декабря 1937 г. арестован священник Покровской церкви с. Больше-Жилкино, Усольского района ***Александр Семенович Краснов***, который «обвинялся в том, что сорвал прививку рогатого скота. В том же 1937 г. распространял религиозные листовки контрреволюционного характера. Собрал с населения средства на ремонт церкви и пропил их. Также проводил контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий партии и Советского правительства» (л. 46). За этой нелепой формулировкой обвинительного заключения скрывалось следующее: в 1935 г. Большежилкинская церковь была закрыта, и А. С. Краснов 2 года упорно добивался того, чтобы церковь была вновь открыта. Постановлением тройки УНКВД по Иркутской области от 31 декабря 1937 г. был приговорен к расстрелу с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 15 января 1938 г.[116]

15 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован бывший священник Иркутской Сретенско-Покровской церкви, находящийся по болезни заштатный ***Василий Харлампиевич Самсонов***. Обвинялся том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[117]

15 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Иннокентиевской церкви (в Глазковском предместье) ***Вениамин Петрович Ларев***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [118]

16 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован протодьякон Иркутской Преображенской церкви ***Алексей Степанович Панчук***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично

ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [119]

16 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован дьякон Иркутской Никольской (Нагорной или Омулевской) церкви ***Варфоломей Иванович Гребнев***. Обвинялся в том, что являлся «участником контрреволюционной церковно-монархической организации, … проводил среди верующих антисоветскую агитацию о скорой гибели Советской власти и приходе японцев, восхвалял царский строй» (т. 2, л. 248). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [120]

16 декабря 1937 г. арестован бывший священник, а на момент ареста кладовщик хлебопекарни № 4 ***Иосиф Михайлович Костюкевич***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [121]

16 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Николаевич Шабалин***. Обвинялся в том, что был одним из активных участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 16 марта 1938 г.[122]

16 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Иннокентиевской церкви (в пос. Глазково) ***Иннокентий Петрович Образцов.*** Обвинялся в том, что был участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор в исполнение не приведен, так как И. П. Образцов 28 января 1938 умер в тюремной больнице от паралича сердца (т. 2, л. 232)[123].

18 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован монах бывшего Уссурийского Троицкого монастыря, затем монах Иркутского Вознесенского монастыря, затем заштатный священник ***Иоаникий (в миру Яков Петрович Тараненко***). Обвинялся в том, что был участником контрреволюционной, церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [124]

19 декабря 1937 г. в д. Хомутово арестован священник Кудинской Троицкой церкви ***Николай Иванович Днепровский***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [125]

21 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован протодьякон Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Иванович Анисимов (Онисимов)***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [126]

22 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Михаило-Архангельской (скитской) церкви ***Алексей Дмитриевич Литвинцев***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г. [127]

26 декабря 1937 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Иннокентиевской церкви ***Федор Михайлович Шмаков***. Обвинялся в том, что являлся активным участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией

всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 14 февраля 1938 г.[128]

12 января 1938 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутской Никольской церкви ***Владимир Аркадьевич Алякринский***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [129]

13 января 1938 г. в г. Иркутске арестован настоятель Иркутской Михаило-Архангельской (скитской) церкви игумен ***Пафнутий (в миру Павел Семенович Резниченко***). Обвинен в том, что являлся участником церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [130]

2 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован бывший протоиерей Иркутского Богоявленского собора, а на момент ареста сторож Иркторга ***Прокопий Георгиевич Копылов***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [131]

3 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован Иркутский епископ обновленческого направления, архиерей Иркутского Владимирского собора ***Константин Иванович Знаменский***. Он обвинялся в том, что руководил филиалами контрреволюционной организации на Дальнем Востоке: в городах Благовещенске, Свободном, Спасске, Никольск-Усурийске и с 1934 г. в Восточно-Сибирском крае. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [132]

3 февраля 1938 г. в г. Зиме Зиминского района арестован протоиерей Зиминский церкви ***Павел Самсонович Кре-***

стовников. Обвинялся, что был активным участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [133]

3 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутского Богородице-Владимирского собора ***Василий Николаевич Шелашников***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [134]

4 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован бывший дьякон, на момент ареста электромонтер Горсовета ***Михаил Яковлевич Колбин***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [135]

4 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован бывший священник, а на момент ареста электромонтер Лисихинского кирпичного завода ***Григорий Арсеньевич Левагин.*** Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [136]

4 февраля 1938 г. в г. Бодайбо арестован бывший священник, а на момент ареста кустарь (столяр-баульщик) ***Никифоров Николай Васильевич.*** Обвинен в том, что был участником контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации, действовавшей в Бодайбинском районе. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 5 марта 1938 г. приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 марта 1938 г. [137]

11 февраля 1938 г. в г. Зима Иркутской области арестован псаломщик местной Никольской церкви ***Григорий Анд-***

рианович Трегуб, как «один из руководителей повстанческой кулацкой вредительской контрреволюционной организации, существовавшей в Зиминском районе», который под видом отправления религиозных собраний в церкви, проводил нелегальные собрания и вел агитацию против советской власти. Он был привезен в г. Иркутск и содержался под стражей в Иркутской тюрьме. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 26 февраля 1938 г. был приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 28 февраля 1938 г. [138]

16 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован священник-иеромонах Иркутской Преображенской церкви ***Варфоломей*** (***в миру Житков Валериан Алексеевич***). Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [139]

17 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован дьякон Иркутской Иннокентиевской церкви ***Соснин Георгий Кузьмич***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [140]

17 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован протоирей Иркутской Преображенской церкви ***Иннокентий Арсеньевич Брянских***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [141]

17 февраля 1938 г. в г. Черемхово арестован священник местной церкви ***Михаил Гаврилович Селиванов.*** Он был обвинен в том, что являлся участником контрреволюционной организации церковников и в подготовке новых кадров для организации террористических актов. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. при-

говорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 27 февраля 1938 г.[142]

18 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован дьякон Иркутской Преображенской церкви ***Акулов Алексей Николаевич***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [143]

21 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован бывший священник, а на момент ареста сторож Иркутской Владимирской церкви ***Петр Захарович Мудряков.*** Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [144]

22 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестован священник Иркутского Владимирского собора ***Николай Александрович Троицкий***. Обвинен в том, что был участником контрреволюционной церковно-монархической организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 25 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. [145]

24 января 1938 г. в с. Большеокинское Братского района арестован священник местной Ильинской церкви ***Степан Васильевич Иванов.*** Он был обвинен в том, что являлся участником кулацко-повстанческой контрреволюционной организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 26 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 28 февраля 1938 г. [146]

16 февраля 1938 г. в г. Иркутске арестована официантка столовой «Ангарпроснаба», бывшая монахиня Иркутского Знаменского монастыря ***Варвара Петровна Новоселова.*** Она обвинялась в том, что проводила агитацию против мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от

27 февраля 1938 г. приговорена к 10 годам содержания в исправительно-трудовом лагере. 14 марта 1956 г., работая помощником повара в районной больнице пос. Ягодное Магаданской области, написала заявление в спецотдел прокуратуры РСФСР о пересмотре ее дела и отмене несправедливого приговора. 12 января 1957 г. президиумом Иркутского областного суда постановление тройки УНКВД Иркутской области от 27 февраля 1938 г. было отменено[147].

21 февраля 1938 г. на участке Илдык Кирейского сельсовета Тулунского района арестован священник ***Матвей Трофимович Мелешенко***, который в 1930 г. был арестован в Томской области «за задержку серебряной советской валюты осужден, на 3 г. выслан, отбывал [наказание] в Тулуне» (л. 14). В ходе следствия он был обвинен в том, что «будучи» враждебно настроен против советской власти, систематически среди населения вел антисоветскую агитацию, распространял провокационные слухи о войне и гибели советской власти» (л. 14). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 7 августа 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества[148].

1 марта 1938 г. в г. Киренске арестован водовоз школы ФЗУ, а ранее (до 1930 г.) священник Никольской церкви в с. Подкаменка Киренского района ***Евгений Дмитриевич Николаевский*** и увезен в Киренскую тюрьму. Он обвинялся в том, что был участником контрреволюционной, белогвардейской, диверсионно-вредительской, повстанческой организации, существующей в Киренском районе. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 19 мая 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества[149].

1 марта 1938 г. в г. Зима Зиминского района арестован священник-старообрядец ***Василий Павлович Пригожаев***. Обвинен в том, что являлся активным участником повстанческой контрреволюционной организации, существовавшей в Зиминском районе (всего по этому делу был арестован 51 человек). На заседании тройки УНКВД по Иркутской области от 8 апреля 1938 г. постановлено расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Данных о приведении приговора к исполнению нет[150].

2 марта 1938 г. в с. Макарово Киренского района арестован колхозник Макаровской сельхозартели, а ранее (до революции) псаломщик ***Михаил Васильевич Яковлев*** и увезен в Киренскую тюрьму. Он обвинялся в том, что был активным участником контрреволюционной организации, существующей в Киренском районе. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 19 мая 1938 г. приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет[151].

4 марта 1938 г. в с. Харат Иркутского района арестован священнослужитель ***Мартемьян Семенович Макаров***. Обвинялся в том, что был участником панмонгольской контрреволюционной вредительско-повстанческой шпионско-диверсионной организации. Работая в сельхозартели им. Ворошилова, в целях срыва полеводческих работ, вывел из строя двух колхозных лошадей. На заседании судебной тройки УНКВД Иркутской области от 23 марта 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Дата смерти 23 апреля 1938 г. [152]

5 марта 1938 г. в г. Иркутске арестован архимандрит Михаило-Архангельской (скитской церкви в Ново-Ленино) ***Порфирий (Сергей Кириллович Маковский).*** Обвинялся в том, что являлся «руководителем контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации. Вел контрреволюционную монархическую пропаганду среди населения, подготавливал на период интервенции восстание» (т. 2, л. 121). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 марта 1938 г. постановил его расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 22 мая 1938 г. [153]

5 марта 1938 г. в г. Иркутске арестован священник скитской Михаило-Архангельской церкви в Ново-Ленино ***Николай Алексеевич Додонов***. Обвинялся в том, что являлся «участником контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации. Вел контрреволюционную пропаганду, распространял контрреволюционные слухи. Обрабатывал в контрреволюционном духе верующих и призывал к выходу из колхозов. Вел контрреволюционную повстанческую пропаганду среди населения (т. 2, л. 122). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 марта 1938 г. постановил его расстрелять с конфискацией всего

лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 22 мая 1938 г. [154]

5 марта 1938 г. в г. Иркутске арестован священник, выполняющий обязанности сторожа скитской Михаило-Архангельской церкви в Ново-Ленино ***Федор Савельевич Куторев***. Обвинялся в том, что «являлся участником контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации» (т. 1, л. 87). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 марта 1938 г. постановил его расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 20 марта 1938 г.[155]

5 марта 1938 г. в г. Иркутске арестован священник, выполняющий обязанности сторожа скитской Михаило-Архангельской церкви в Ново-Ленино ***Никита Иванович Рудаков***. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 марта 1938 г. постановил его расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества[156].

5 марта 1938 г. в д. Усть-Куда арестован псаломщик Усть-Кудинской Казанской церкви ***Афанасий Сергеевич Третьяков*** и помещен под стражу в Иркутскую тюрьму. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической, повстанческой организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 марта 1938 г. постановил его расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение 22 марта 1938 г. [157]

8 марта 1938 г. в г. Нижнеудинске арестован священник ***Василий Алексеевич Рудиковский,*** увезен в г. Иркутск и содержался под стражей в Иркутской тюрьме. Обвинен был в том, что «являлся участником контрреволюционной повстанческой организации, существовавшей в Нижнеудинске…, конспиративно проводил контрреволюционную работу под видом церковной общины по существу готовил резерв повстанческой организации для борьбы с советской властью» (л. 227). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 10 марта 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор приведен в исполнение в г. Иркутске 14 августа 1938 г.[158]

12 марта 1938 г. в д. Куда Иркутского района арестована уборщица Кудинской Троицкой церкви, ранее (с 1881 по 1920 г. монахиня Иркутского Знаменского монастыря ***Мария Михайловна Потапова,*** и увезена в Иркутскую тюрьму. Она обвинялась в том, что была активной участницей контрреволюционной, белогвардейской организации. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 20 марта 1938 г. приговорена к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет[159].

29 марта 1938 г. в г. Иркутске арестован бывший священник Киренского Спасского собора ***Константин Прокопьевич Кокоулин*** и помещен в Иркутскую тюрьму. Обвинялся в том, что в 1918 г. содействовал разгрому красных партизанских отрядов, являясь участником церковно-монархической контрреволюционной организации, проводил антисоветскую агитацию среди населения г. Киренска. На заседании тройки УНКВД ВСО от 1 июня 1938 г. приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 июня 1938 г. [160]

29 марта 1938 г. в г. Иркутске арестована уборщица Иркутской Преображенской церкви, монахиня бывшего Иркутского Знаменского монастыря ***Зинаида Петровна Крисько (Крысько)*** и заключена под стражу в Иркутскую тюрьму. Она обвинялась в том, что являлась «активной участницей контрреволюционной церковно-монархической организации, по заданию которой проводила контрреволюционную пораженческую, в пользу Японии, агитацию и использовалась в качестве связника по сбору сборищ контрреволюционной организации» (л. 8). На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 4 августа 1938 г. приговорена к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. Назазание отбывала в Сиблаге НКВД на ст. Суслово Красноярской ж/д. В 1939 или в начале 1940 г. З. П. Крисько написала жалобу прокурору Иркутской области о пересмотре своего дела. Зам. прокурора Иркутской области по специальным делам в своем заключении рекомендовал провести доследование. В объяснительной записке следственного отдела НКГБ по Иркутской области от 16 апреля 1941 г. по делу З. П. Крисько сообщалось, что проверкой обстоятельств по делу следствие не достигло ясной картины. З. П. Крисько отбыла полный срок наказания[161].

3 апреля 1938 г. в г. Иркутске арестован ***Михаил Николаевич Полунин***, прибывший из Москвы и назначенный митрополитом Сергием на должность священника Иркутской Преображенской церкви. Из Москвы Полунин М. Н. выехал 25 марта 1938 г. 31 марта в Иркутске им была заполнена анкета на священнослужителя Преображенской общины. В Иркутске Полунин М. Н. прожил всего три дня и во время регистрации 3 апреля 1938 г. он был арестован. Обвинен по ст. 58–4, 58–10, 58–11 Ук РСФСР «в том, что являлся участником церковно-монархической контрреволюционной организации» (л. 12) и 14 июня 1938 г. расстрелян в Иркутске[162].

23 мая 1938 г. в с. Куяды Иркутского района арестован священник местной Петропавловской церкви ***Михаил Иннокентиевич Шастин.*** Он был обвинен в том, что являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации, по заданию которой проводил антисоветскую пораженческую агитацию среди колхозников. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 8 сентября 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества[163].

31 мая 1938 г. в с. Александровское Иркутского района арестован псаломщик местной церкви ***Александр Александрович Азбукин.*** Он был обвинен в том, что являлся активным участником повстанческой контрреволюционной организации, среди населения проводил антисоветскую пораженческую агитацию о гибели Советской власти. На заседании тройки УНКВД Иркутской области от 7 июля 1938 г. приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Расстрелян 15 июля 1938 г. [164]

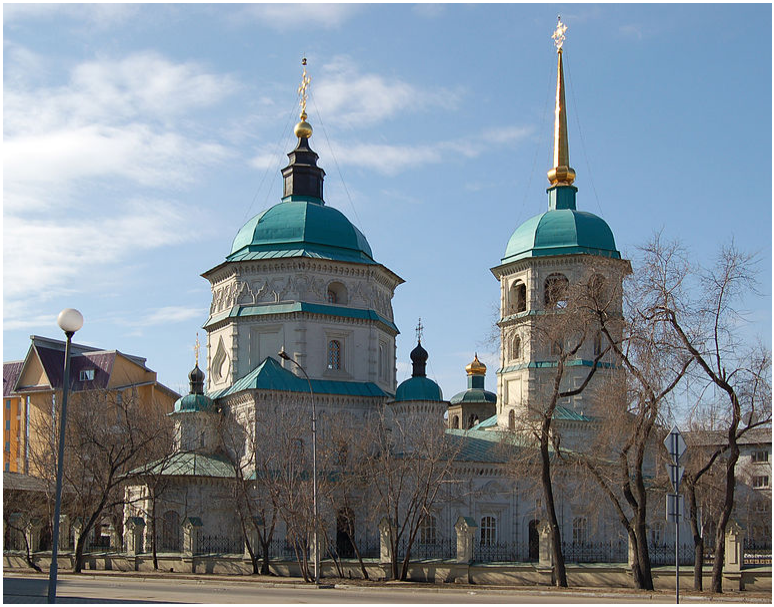
5.2. Иркутские храмы и региональная церковная политика (по материалам Свято-Троицкой церкви в Иркутске)

В советские годы судьба церкви Пресвятой Троицы в городе Иркутске сложилась и счастливо, и трагично. Счастливо потому, что Троицкий храм сохранился до наших дней, причем без существенных изменений внешнего облика. Трагично же то, что на протяжении многих лет советская власть не принимала действенных мер, чтобы сохранить

церковное здание от разрушения, несмотря на то что в 1925 г. оно было поставлено на учет Сектором науки Наркомпроса как памятник архитектуры первого значения[1].

Положение изменилось после того, как православные иркутяне подняли вопрос о передаче им церковного здания для совершения в нем богослужений. Местная администрация поддержала этот почин, рассчитывая на то, что верующие отремонтируют здание. Обстоятельства сложились так, что несмотря на всю настойчивость и отсутствие страха перед трудностями, несмотря на поддержку областной администрации, верующие так и не получили храм в свое распоряжение. В здании церкви был открыт планетарий.

Детальный анализ этого процесса позволяет вскрыть некоторые аспекты советской религиозной политики на региональном уровне. Это и отношение местной администрации к религиозному вопросу, и деятельность иркутского уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви, и положение епархиального архиерея в условиях «сталинского церковного возрождения», и менталитет верующих, уповающих на личную помощь И. Сталина в деле передачи им храма.



К марту 1947 г. группа православных иркутян обратилась к уполномоченному Совета Ивану Федоровичу Голубеву с ходатайством о передаче им Троицкого храма, в Иркутске уже действовало три церкви: Крестовоздвиженская, Знаменская и Михаило-Архангельская. Пожилым женщинам, из которых в основном и состояла инициативная группа, до них было тяжело добираться.

Как выяснил уполномоченный Совета, организовала подачу ходатайства Варвара Георгиевна Булатова, которую он охарактеризовал так: «Активная церковница, но честная, корыстной цели не преследует»[2]. Женщина сильной воли и нелегкой судьбы, она проявила всю свою настойчивость и непреклонность, пытаясь добиться передачи храма верующим. Без преувеличения можно сказать, что ее активная позиция в этом вопросе способствовала положительному решению местной администрации и Совета по делам Русской Православной Церкви об открытии Троицкого храма.

Варвара Булатова родилась в 1879 г. в Саратове в семье булочника-кустаря. После окончания 4-классного училища в г. Петровске Саратовской губернии, она помогала родителям в их работе. Затем, выучившись в Саратове портновскому мастерству, с 16 лет давала уроки кройки в рукодельной школе. В 1907 г. она переехала в Томскую губернию вместе с мужем, который поступил служащим на копи станции Судженка. С 1911 г. они жили в Новониколаевске, а с 1914 г. мужа по работе перевели в Иркутск. Все это время Варвара Георгиевна занималась домашним хозяйством, воспитывала единственную дочь.

Когда Варвара Булатова в 1915 г. проводила мужа на войну, а дочь устроила в 1-й класс гимназии, ей пришлось зарабатывать на жизнь шитьем на заказ. Судьба была милостива в Варваре Георгиевне, и в августе 1917 г. ее муж вернулся домой, поступив на работу в продовольственный городской иркутский комитет заведующим городской пекарней № 4, где работал до 1920 г.

Глубоко верующий человек, Варвара Георгиевна помогала Церкви своим бескорыстным трудом. «В это время при церквах образовалась община так называемая сестричество и я вступила в общину Владимирской церкви, находящейся по улице Декабрьских событий бывшая Ланинская, испол-

няла обязанности ризницы по шитью и чинке риз», – вспоминала Варвара Булатова в своей автобиографии[3]. В 1925 г. муж ее заболел туберкулезом и лег в больницу, а дочь, окончившая 10-летнюю школу, отправилась учительствовать в Тихонову Падь. Вслед за ней собралась и Варвара Георгиевна. Об этом времени она писала: «В Тихоновой Пади была церковь, и я исполняла некоторые церковные обязанности, как сестра от общины безвозмездно, когда не было псаломщика, исполняла его обязанности, украшала и убирала церковь, помогала сторожу, звонила и вела небольшое хозяйство, помогала дочери, садили при школе огород»[4].

В октябре 1931 г. Варвара Георгиевна похоронила больного мужа, а в 1939 г. – единственную дочь. Думая найти поддержку у сестры, она отправилась к ней в Армавир, но тоска по дорогим могилам заставила ее вернуться обратно.

Когда в 1943 г. в Иркутске открылась церковь Крестовоздвижения, прихожане избрали Варвару Булатову старостой, и на ее плечи легли все тяготы восстановления прихода, а было ей к тому времени уже 64 года. «Просто не знали, откуда начинать, – вспоминала Варвара Георгиевна, – Жуткое дело: кругом в беспорядке лежали и стояли иконы, ящики, книги... Время тогда было военное, рабочих рук трудно было найти... Постоянными работниками, которые с раннего утра до поздней ночи работали в церкви, были семь старушек и двое мужчин. Работали безвозмездно. Иногда старушкам непосильная работа была: таскали кирпичи и глину»[5]. Приобретя такой опыт, Варвара Булатова была уверена в возможности восстановления Троицкого храма, требующего капитального ремонта, силами прихожан.

Церковь Пресвятой Троицы в Иркутске была закрыта постановлением Президиума Восточно-Сибирского Крайисполкома от 28 февраля 1931 г., при этом здание ее передавалось Стройобъединению[6]. В начале 1930-х гг. храм был приспособлен под общежитие рабочих, строивших мост через Ангару. В заключении бюро экспертного отдела по делам архитектуры при облисполкоме от 25 мая 1948 г. содержатся сведения, что «после окончания строительства ангарского моста здание церкви частично использовалось под размещение учрежденческих помещений и складов до 1942 г., а после подверглось полному произвольному разбо-

ру внутреннего оборудования и частей здания, которые могли быть сняты: окна, двери, кровли»[7].

Решением иркутского облисполкома от 14 апреля 1945 г. «Об охране памятников архитектуры» здание Троицкой церкви было передано в аренду Кировскому районному жилуправлению. Согласно справке уполномоченного И. Ф. Голубева, «с этого времени оно фактически не охранялось и в результате обращено в общественную уборную, все деревянные конструкции (двери, окна, междуэтажные перекрытия) выломаны и расхищены, железная кровля снимается, цоколь разрушается»[8].

Чтобы предотвратить дальнейшее разрушение памятника архитектуры, иркутский горисполком 9 августа 1946 г. принял решение № 487 «О передаче в арендное пользование бывшей Троицкой церкви по ул. Краснофлотской № 5 Иркутскому отделу Облисполкома пищевой промышленности». Согласно этому решению, все капитальные восстановительные работы церкви и кладовых должен был произвести за свой счет отдел пищевой промышленности. 6 сентября 1946 г. это решение было утверждено облисполкомом, однако Облпищепром отказался использовать храмовое здание, так как не располагал средствами для его ремонта и переоборудования под склад[9].

Таким образом, когда 19 марта 1947 г. группа верующих подала ходатайство о передаче им Троицкого храма, церковное здание находилось в катастрофическом положении и требовало капитального ремонта. Верующие иркутяне в составе 30 человек, подавляющее большинство из которых были женщины пожилого возраста, обязались взять необходимый ремонт на себя, но в то же время выражали надежду на помощь отдела по делам архитектуры при иркутском облисполкоме.

Горячо поддержал ходатайство благочинный иркутских церквей, настоятель Крестовоздвиженской церкви протоиерей Николай Александрович Пономарев, отметив в записке к уполномоченному, что «открытие Троицкого храма даст возможность предохранить здание храма от дальнейшего его разрушения и приведения в негодность в условиях полной его беспризорности»[10]. Тем самым протоиерей Николай дал понять, что учредители общины Троицкой церкви могут

рассчитывать на посильную материальную помощь со стороны других иркутских церквей.

Учитывая острую необходимость сохранения здания Троицкой церкви, отсутствие надлежащих средств у иркутского отдела по делам архитектуры и успешный опыт ремонта действующих церквей Иркутской области силами прихожан, администрация склонилась к положительному решению вопроса о передаче церкви верующим.

11 апреля 1947 г. исполком городского совета принял соответствующее решение, а 21 июня облисполком его поддержал. В тот же день И. Ф. Голубев отправил все необходимые материалы на утверждение в Совет по делам Русской Православной Церкви[11]. Однако рассмотрение вопроса Советом затянулось надолго.

В целом в стране в это время резко сократилось количество вновь открываемых храмов. Так, в 1947 г. по решению Совета по делам Русской Православной Церкви было открыто всего 185 храмов против 369-ти в 1946 г. [12] Объясняется это охлаждением государственно-церковных отношений, первые признаки которого пришлись как раз на 1947 г.

С окончанием войны в партийно-советском активе стало преобладать мнение о необходимости прекращения «примиренческой» политики по отношению к Церкви. Раньше эта политика воспринималась многими партийными функционерами как вынужденная уступка во имя достижения победы в войне. Кроме того, растущий авторитет Церкви внутри страны (ее активная благотворительная, патриотическая деятельность) вызывал недовольство части чиновников государственного аппарата. Влияние Церкви росло в частности за счет благотворительных отчислений семьям военнослужащих, ветеранам, инвалидам войны. Показательно, что в феврале 1947 г. по указанию Совета Министров патриарх Алексий вынужден был запретить любые сборы на патриотические цели.

Практически свернутая в военные годы атеистическая пропаганда дала о себе знать в том же 1947 г. Выдвинув на пост секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Суслова, И. Сталин посоветовал ему «не забывать об атеистической пропаганде среди народа»[13]. В июле 1947 г. на смену отжившему свой век Союзу воинствующих безбожников пришло «Всесоюзное обще-

ство по распространению политических и научных знаний», призванное заниматься просвещением советских граждан с материалистических позиций. Со страниц «Комсомольской правды» и «Учительской газеты» прозвучали известные тезисы о несовместимости веры в Бога с членством в комсомоле и о необходимости антирелигиозного образования в социалистическом государстве.

В этих условиях деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви подверглась резкой критике со стороны главы Управления пропаганды и агитации ЦК партии Г. Ф. Александрова. Проанализировав отчетные документы Совета за 1946 г., он направил свои выводы в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. В частности, в вину Совету ставилось преувеличение степени религиозности населения страны. Александров считал, что за ходатайствами об открытии церквей в подавляющем большинстве случаев стоят «кучки ловких дельцов, прикрывающихся именем верующих»[14]. Это замечание свидетельствует о том, что число открываемых с подачи Совета церквей в стране казалось Александрову слишком высоким. Заслушивание вопроса состоялось на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 28 октября 1947 г., на котором некоторые направления работы Совета были признаны политически неправильными.

Такая критика со стороны Секретариата ЦК и отсутствие четкой ориентировки от правительства привели к тому, что руководство Совета стало настойчиво добиваться приема у заместителя Председателя Совета Министров К. Е. Ворошилова для решения спорных вопросов. 18 февраля 1948 г. состоялся, наконец, прием, на котором Ворошилов подчеркнул важность деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов. При этом Ворошилов напомнил, что Советы должны были, имея в руках клапан, то открывать его, то закрывать, исходя из конкретных условий времени и обстоятельств.

Проблема открытия церквей являлась одной из центральных в деятельности Совета, но его председатель Г. Г. Карпов не получал от правительства четких ориентировок по этому вопросу. Лишь 7 августа 1948 г. во время очередного приема Ворошилов выразил следующее мнение: «Мы должны меньше открывать церквей, регулировать, но,

конечно, неправильно отклонять все ходатайства». Ворошилов рекомендовал Карпову рассматривать заявления лишь в том случае, если они подписаны не 20–30, как требовало постановление «О порядке открытия церквей», а 200–300 верующими[15].

Начиная с 1948 г. и вплоть до смерти И. Сталина (1953 г.) официальное открытие храмов в стране прекратилось. Сталин, весьма прагматично смотревший на Церковь и использовавший ее авторитет для решения внешнеполитических проблем, решил, что Церковь в конце 1940-х гг. достигла предела своих возможностей в этой области. Она не оправдала его амбиций по созданию в Москве мирового православного центра – «второго Ватикана». Максимум, чего достигла Церковь на внешнеполитической арене к 1948 г. – это создание православного блока восточноевропейских государств под управлением Московской Патриархии.

Сталин потерял интерес к Церкви, но в глазах большинства православных людей он остался тем человеком, которого они любили и уважали за то, что он разрешил открывать храмы в стране. Очень многие верующие в сталинское время органично воспринимали себя частью существующей идеологии, несмотря на то что Церковь являлась, наверное, единственным легальным идеологическим противником коммунизма в Советском Союзе. Церковное руководство было лишено возможности эффективного противодействия антирелигиозным акциям правительства, не имело права критиковать антихристианскую коммунистическую идеологию, которая проникала в сознание рядовых православных (и подчас духовенства).

Не удивительно, что верующие, не персонифицировавшие антирелигиозную политику государства с его лидерами, видели в Сталине защитника их интересов перед чиновниками, тормозившими процесс открытия храмов. Красноречивым примером тому являются письма простых верующих людей.

После того, как уполномоченный Совета по Иркутской области И. Ф. Голубев направил в Москву все необходимые материалы для решения вопроса об открытии Троицкой церкви, верующие ждали ответа почти целый год. За этот период Совет по делам Русской Православной Церкви ника-

кого решения относительно Троицкого храма не принял и держал уполномоченного по Иркутской области в полном неведении по этому вопросу. Группа мирян, не дождавшись ответа, решилась, наконец, написать письмо на имя И. Сталина.

1 марта 1948 г. уполномоченные от верующих В. Г. Булатова и А. Чантурия подробно изложили в письме суть дела, начиная с подачи заявления об открытии Троицкой церкви и до отправки материалов в Москву. Они надеялись на личное участие первого лица государства и просили его содействия. «До сих пор нам ничего не известно, – писали верующие, – и мы не можем приступить к ремонту. Отремонтировав часть здания, мы будем иметь средства для дальнейшего ремонта, который нам желательно закончить окончательно к Вашему 70-тилетнему юбилею»[16].

Письмо, поступившее в Особый Сектор ЦК ВКП(б), было направлено 18 марта 1948 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви. В тот же день член Совета И. И. Иванов надписал следующее распоряжение уполномоченному по Иркутской области И. Ф. Голубеву: «Рассмотрев материал об открытии Троицкой церкви в г. Иркутске, Совет нашел необходимым дополнительно проверить реальность восстановления церковного здания силами верующих. Результаты проверки и новое заявление верующих с обязательством произвести капитальный ремонт на свои средства вышлите в Совет»[17].

Распоряжение это пришло в Иркутский облисполком только 25 мая 1948 г. Действия иркутского уполномоченного были гораздо оперативнее, уже через десять дней он выслал в Москву дополнительный материал по Троицкой церкви: заключение бюро экспертного отдела по делам архитектуры при Иркутском облисполкоме «О состоянии здания Троицкой церкви по ул. 5 Армии в гор. Иркутске», повторное заявление верующих с обязательством произвести ремонт храма на свои средства и письмо начальника отдела по делам архитектуры Б. Кербеля. Не ограничиваясь этим, И. Ф. Голубев телеграммой просил председателя Совета Г. Г. Карпова ускорить решение по Троицкой церкви.

Выводы экспертизы иркутского архитектурного отдела были следующими: «Здание Троицкой церкви при наличии монолитных стен и сводов может быть восстановлено и в

последующем эксплуатироваться как здание культа... Считать необходимым ускорение оформления передачи здания для восстановления общине верующих, так как задержка связана с дальнейшим разрушением этого важного памятника архитектуры»[18].

В своем письме начальник отдела по делам архитектуры Б. Кербель также проявлял обеспокоенность судьбой здания Троицкой церкви, являвшейся памятником архитектуры всесоюзного значения. Б. Кербель писал, что архитектурный отдел считает желательной передачу церкви общине верующих, так как это будет отвечать целям «наилучшего сохранения» здания «в подлинной неприкосновенности». Эксплуатация церкви по иному назначению, по условиям Совета, могла быть допущена только с изменением внешнего облика, а это было несовместимо с ее значением как памятника архитектуры[19].

Таким образом, Иркутский облисполком, отдел по делам архитектуры, уполномоченный по Иркутской области видели единственное решение проблемы в скорейшей передаче храма православной общине, которая вплотную займется его восстановлением.

Эта единая позиция местной власти вселила в группу верующих сознание собственной значимости и уверенность в том, что Троицкая церковь рано или поздно будет им передана. Можно сказать, что перед ними теперь не стоял вопрос, разрешит ли Совет открыть храм, их больше беспокоило, как скоро Совет примет соответствующее решение. И если в первом письме на имя Сталина верующие просили его посодействовать в открытии храма, то в следующем письме они хлопотали о том, чтобы успеть отремонтировать храм текущим летом.

Варвара Булатова 3 июля писала И. Сталину: «Строительный сезон начался. А поэтому просим Вашего содействия, чтобы бумаги не были задержаны на долгий срок и мы могли бы начать ремонт в нынешнее лето. У нас есть две церкви, но они очень далеко от наших – как Кировскаго Горьковскаго и Свердловскаго поселков, а потому нам старым людям трудно ходить далеко в Храм, а веть только и отрада старым людям, как Божий Храм тем более одиноким, а нас после войны много, а потому просим Вас, Глубокоува-

жаемый Иосиф Виссарионович помогите нам Вашим содействием мы будем Вам очень благодарны»[20].

Через некоторое время, 24 июля, Варвара Григорьевна от имени верующих писала председателю Совета Г. Г. Карпову: «Мы просим Вас т. Карпов соблаговолите дать нам скорейший ответ, получены ли наши бумаги от т. Голубева, если получены, дайте нам окончательное Ваше решение об открытии Храма»[21]. В этом письме выразилась и обеспокоенность верующих состоянием Троицкой церкви, и их благодарность Сталину за открытие храмов в стране: «Храм стоит в обезображенном виде и дождь портит прекрасную старинную Архитектуру, возстановив которую, мы будем иметь красивый памятник Архитектуры, который украсит угол г. Иркутска, дав ему культурный вид (...) Особенно будут благодарны старые люди, которым, как гласит изречение: молодым у нас дорога, старикам у нас почет, а что лучше для старого человека, как сходить в Божий Храм и помолиться за погибших сыновей, а нас таких одиноких много, много, и все мы возносим горячие молитвы за Великаго учителя Сталина, давшего нам старикам такое утешение, как открытие церквей»[22].

На что рассчитывали верующие, когда обещали восстановить храм собственными средствами? Практика показала, что все храмы Иркутской области, переданные ранее православным общинам, успешно восстанавливались силами прихожан. Так, например, в 1947 г. приход Креставоздвиженской церкви затратил на капитальный ремонт каменной церковной ограды около 100 тысяч рублей[23]. В 1947 г. церковный совет Никольского молитвенного дома в Черемхово поднял вопрос о строительстве новой деревянной церкви, причем смета на строительство составила 850 тысяч рублей. Годовой доход Михаило-Архангельской церкви Иркутска в 1946 г. составил 427 тысяч 331 рубль, доход Знаменской церкви в 1949 г. – 428 тысяч рублей[24].

Согласно смете, составленной в 1947 г. инженером Левицким по заданию облисполкома, для восстановления разрушений и ремонта Троицкого храма требовалось 515 тысяч 511 рублей[25]. Это обстоятельство не остановило верующих, которые рассчитывали произвести ремонт на средства от дохода общины, но при этом они надеялись и на помощь от-

дела по делам архитектуры, на поддержку уже действующих иркутских церквей и на пожертвования рядовых прихожан. Уже в апреле 1947 г. инициативная группа верующих с разрешения И. Ф. Голубева начала кружечный сбор средств в храмах Иркутска на восстановление Троицкой церкви.

Радостное известие о разрешении открыть Троицкий храм православные иркутяне получили 2 сентября 1948 г. Соответствующее решение Совета по делам Русской Православной Церкви было принято еще 24 июня, и одобрено Советом Министров СССР 10 августа[26].

Дальнейшие события не заставили себя ждать. Иркутский архиепископ Ювеналий (Килин) в тот же день, 2 сентября назначил настоятелем Троицкой церкви священника Василия Николаевича Репина с поручением немедленно приступить к ремонту храма. На следующий день уполномоченный И. Ф. Голубев уже зарегистрировал настоятеля и религиозную общину Троицкого храма. А 5 сентября состоялось первое организационное собрание общины в составе 124 человек, которое избрало исполнительные органы: церковный совет и ревизионную комиссию. Старостой прихода по праву была избрана Варвара Георгиевна Булатова, помощником старосты – Наталья Григорьевна Бехтерева, а казначеем – Георгий Семенович Козлов. Общее собрание прихожан постановило: «Поручить Церковному Совету немедленно приступить к сбору пожертвований деньгами и материалами и на этой основе приступить к восстановлению здания храма и его оборудованию»[27]. Священнические облачения и утварь предполагалось взять из краеведческого музея, иконостас – из закрытой церкви села Усть-Куды.

Руководить ремонтом храма должен был настоятель отец Василий Репин. Архиепископ Ювеналий не случайно выбрал на эту должность именно его. Родился Василий Репин в 1902 г. в городе Бежецке Тверской губернии в семье мещан. Окончив Бежецкое высшее городское училище, он с 1918 г. по 1945 г. состоял на работе в советских учреждениях, из них 9 лет в судебно-следственных и 17 лет в финансовых органах на должности бухгалтера, старшего инспектора. В поселок Тулун Иркутской области Василий Николаевич был выслан по решению органов НКВД в ноябре 1941 г. как спецэвакуированный из прифронтовой полосы. Здесь он до

1945 г. работал в Тулунском райфинотделе старшим инспектором по бюджету. Уволился по личной просьбе в связи с инвалидностью второй группы.

Василий Николаевич был православным христианином, и после увольнения решил посвятить жизнь церковному служению. В это время в Тулуне как раз передавали верующим Никольскую церковь, и Василий Николаевич был назначен ее псаломщиком с обязанностями руководителя работ по приготовлению храма к освящению. С этой задачей он благополучно справился и в октябре 1945 г. уже был рукоположен во иереи и назначен настоятелем Никольской церкви в поселке Тулун. На момент передачи Троицкой церкви верующим отец Василий Репин служил в Иркутске, в Крестовоздвиженской церкви. Имея за плечами большой стаж работы в финансовых органах и успешный опыт восстановления тулунского прихода, он как никто другой подходил на должность настоятеля Троицкой церкви в Иркутске[28].

14 сентября община верующих получила от иркутского горисполкома в бессрочное бесплатное пользование здание Троицкой церкви, земельный участок и каменное одноэтажное здание вблизи церкви. При этом церковный совет обязался полностью восстановить здание церкви в соответствии с требованиями отдела архитектуры в срок не позднее 1 декабря 1949 г. [29]

При архиепископе Ювеналии в Иркутске стал регулярно издаваться «Бюллетень церковной жизни Иркутской епархии». Один из его выпусков информировал о том, что в праздник Рождества Пресвятой Богородицы 21 сентября 1948 г. «Архиепископ Ювеналий с городским духовенством совершил водосвятный молебен во вновь открываемом градо-Иркутском Троицком храме... с окроплением святой водой некоторых заготовленных для ремонта материалов. После молебна в своем слове выразил благодарность Господу Богу и вместе благодарил Властей и благотворителей, горячо отозвавшихся на это святое дело восстановления храма»[30].

Помощь облисполкома верующим заключалась в выделении стройматериалов через областную плановую комиссию на ремонт храма. Тем не менее их было недостаточно, иначе архиепископ Ювеналий в октябре 1948 г. не обратился бы в Совет по делам Русской Православной Церкви за со-

действием в получении стройматериалов. В результате Совет предписал И. Ф. Голубеву поставить вопрос об отпуске материалов, необходимых для ремонта, перед председателем облисполкома и результаты сообщить руководству[31].

Несмотря на некоторые проблемы со снабжением, ремонт храма продвигался очень быстро, и к началу ноября община произвела следующие восстановительные работы. Были закрыты кирпичом и досками с земельной засыпкой все проемы и пробоины в средней части храма, а также в правой и левой сторожках; залит цементом сверху и утеплен земельной засыпкой каменный свод под средней частью храма; установлено несколько дверей, сложены две голландские печи, сделаны заново и остеклены двенадцать летних рам для храма и сторожки, сделана фигурная решетка для одного из окон главного придела, крыша над сторожкой покрыта железом[32]. Этот результат позволял начать богослужения в Троицком храме и параллельно продолжать необходимый ремонт.

Казалось, ничто не предвещало перемен к худшему, и православные иркутяне с нетерпением ожидали торжественного богослужения, за которым архиепископ Ювеналий освятит престол Свято-Троицкой церкви.

В этих условиях полной неожиданностью для уполномоченного И. Ф. Голубева явилась секретная телеграмма Совета по делам Русской Православной Церкви о приостановке открытия Троицкой церкви в Иркутске. 3 ноября 1948 г. Голубев телеграфировал заместителю председателя Совета С. К. Белышеву: «Вашу НР 10/ш выполнил указав необеспеченность объекта строительным материалом тчк Четырнадцатого сентября здание принято зпт состоянию первое ноября произведена большая работа восстановлению конце ноября предполагалось открытие»[33].

Причины такого распоряжения Совета не были известны в Иркутске никому: ни уполномоченному, ни отделу по делам архитектуры, ни архиерею, ни, тем более, простым верующим. Можно только предполагать, какие тяжелые чувства в связи с этим распоряжением испытали те православные люди, которые так долго и настойчиво добивались открытия Троицкого храма, а после работали, не покладая рук, над его благоустройством. Писать очередное письмо руководству страны у них

уже не осталось сил, но они не потеряли веры и надежды. Еще долго, почти целый год, община Троицкой церкви, ожидая разрешения на возобновление восстановительных работ, охраняла здание от разрушения и расхищения.

За храм заступился начальник областного отдела архитектуры Б. Кербель, который информировал Управление по делам архитектуры при СМ РСФСР о создавшейся ситуации. Б. Кербель, ничего не подозревавший о секретном распоряжении Совета по делам Русской Православной Церкви, считал, что основанием для решения уполномоченного И. Голубева о приостановке открытия Троицкого храма явилось отсутствие полного наличия стройматериалов для окончания ремонтных работ. Исходя из этого он убеждал свое начальство в том, что община верующих способна обеспечить приобретение необходимых материалов и, следовательно, нет причин останавливать ремонт Троицкой церкви.

Получив такую информацию, Управление по делам архитектуры при СМ РСФСР направило И. Голубеву письмо со словами: «Управление, исходя из интересов сохранности памятника архитектуры, просит Вас не оказывать препятствий в деле восстановления Троицкой церкви»[34]. Иркутский уполномоченный в этой ситуации оказался меж двух огней: он не имел права решить вопрос самостоятельно, и ему ничего не оставалось, как ожидать от руководства дальнейших инструкций.

Истинная же причина остановки восстановительных работ в Троицкой церкви была такова. Еще 10 августа 1948 г. Совет Министров СССР утвердил к открытию в стране список из 28-ми православных церквей. Но 28 октября 1948 г. Совет Министров отменил это решение под предлогом того, что оно было подписано не Председателем И. Сталиным, а его заместителем К. Ворошиловым[35]. К этому времени все 28 церковных зданий, в число которых входила и церковь Пресвятой Троицы в Иркутске, были переданы верующим, которые начали их ремонт и благоустройство. Решение об отмене открытия храмов вызвало протест духовенства, верующих, а в Иркутске еще и руководства областного архитектурного отдела. Однако изменить что-либо ни местная администрация, ни епархиальная власть при всем желании были не в силах.

Вызывает удивление, что иркутский уполномоченный Совета И. Ф. Голубев не был проинформирован о решении Совета Министров от 28 октября 1948 г. Предполагая, что остановка передачи Троицкого храма была временной, он еще долго не снимал с регистрации ни религиозную общину, ни настоятеля, а договор о передаче церковного здания в пользование общине верующих не расторгался еще в течение года. 23 июля 1949 г. И. Ф. Голубев направил председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову запрос: «Когда будет ликвидировано создавшееся неопределенное положение, и какое будет последующее решение Совета? Я считаю целесообразным, оставить здание церкви у общины и разрешить возобновить работы по восстановлению его... Мнение отдела архитектуры Вам известно. Положительное мнение и у председателя исполкома облсовета депутатов трудящихся тов. Никольского И. М. Прошу сообщить Ваше окончательно решение по изложенному вопросу»[36]. Ответ от руководства расставил, наконец, для уполномоченного все точки над і: Троицкая церковь не подлежала передаче религиозной общине, и это было окончательное решение Совета Министров.

28 сентября 1949 г. постановлением исполкома иркутского облсовета здание бывшей Троицкой церкви и жилого каменного дома при ней передавалось областному отделу культурно-просветительной работы для размещения в них планетария и служебных помещений. Планетарий предписывалось организовать в срок до 5 декабря 1949 г. На ремонт и приобретение оборудования для планетария облсовет постановил просить Совет Министров РСФСР выделить в октябре 1949 г. 50 тыс. рублей[37].

Во время своей поездки в Москву в феврале 1949 г. архиепископ Ювеналий, несомненно, с болью в сердце доложил церковному руководству о проблемах с передачей Троицкой церкви православной общине. Тогда же он подал на имя Патриарха Алексия прошение о переводе его из Иркутской епархии на другое место служения. Кто знает, быть может, не последнюю роль в этом решении иркутского архиепископа сыграла полная драматизма ситуация, сложившаяся вокруг Троицкого храма, которую он не в силах был разрешить? Патриарх удовлетворил прошение, и архиепи-

скоп Ювеналий направился на Омскую кафедру, а в Иркутск был назначен архиепископ Палладий (Шерстенников)[38].

Иркутский планетарий, безусловно, внес большой вклад в культурную жизнь города, долгие годы он был единственным планетарием от Томска до Благовещенска. Лекции авторитетных ученых, демонстрация слайдов и видеоматериалов по астрономии привлекали туда десятки тысяч человек. Вскоре после того, как 4 октября 1957 г. СССР запустил первый искусственный спутник Земли, посетил планетарий и архиепископ Палладий (Шерстенников) вместе с иркутским духовенством. Он прослушал лекцию на тему «Было ли начало, будет ли конец» и сделал запись в книге посетителей: «29. 10. 1957. Сегодня впервые я и мои сослуживцы побывали в планетарии, предупредительный прием администрации и дирекции нас пленили, а данные науки не смутили. Спасибо. Архиепископ Палладий»[39]. Не все иркутские священнослужители поддержали акцию архиепископа Палладия: и спустя десять лет после размещения в церкви планетария многие священники считали для себя оскорбительным и даже кощунственным его посещение. В свете ситуации, сложившейся вокруг Троицкой церкви в 1947–1949 гг., эти чувства становятся еще более понятными.

К сожалению, переоборудование Свято-Троицкой церкви под планетарий не способствовало поддержанию архитектурного памятника в должном виде: Иркутский планетарий был закрыт в 1986 г. в связи с аварийным состоянием помещения[40]. После передачи церковного здания Иркутской епархии здесь возобновилось богослужение, и храм вновь восстановлен силами прихода. Но кто знает, если бы в далеких 40-х годах верующие не были так настойчивы, может, не красовался бы теперь Троицкий храм на берегу Ангары?

Процесс передачи Троицкой церкви верующим позволяет сделать следующие выводы.

Отношение Иркутского облисполкома в 1940-е гг. к открытию храмов в области в целом было довольно лояльное. Объясняется это относительно невысокой активностью населения Иркутской области в деле подачи ходатайств об открытии церквей. В вопросе же передачи Троицкой церкви верующим облисполком и отдел архитектуры заняли деятельную позицию, всемерно поддерживая иркутского упол-

номоченного Совета по делам Русской Православной Церкви И. Ф. Голубева, который занимался детальной проработкой этого вопроса. В целом И. Ф. Голубев действовал в русле политики, проводимой Советом в тот период: добросовестно относился к ходатайствам об открытии церквей и старался идти верующим навстречу там, где это было возможно.

История Троицкой церкви в 1947–1949 гг. интересна еще и тем, что раскрывает отношение областной администрации к православным верующим как самостоятельной социальной группе, которую отличали организованность, наличие общей цели и средств к ее достижению. Областная администрация в вопросе о Троицкой церкви не исключала возможности помощи верующим в целях сохранения памятника архитектуры. В первую очередь, эта помощь выражалась в выделении строительных материалов, необходимых для ремонта храма.

Печальное для православных людей завершение истории с открытием Троицкого храма вызвало их протест, который, однако, в условиях сталинской диктатуры они не имели возможности выразить. Но если рядовые верующие еще могли позволить себе протестовать (в скрытой форме), то этого не мог делать епархиальный архиерей. Нельзя забывать о том, что платой за восстановление органов Высшего церковного управления, освобождение многих иерархов из лагерей и ссылок, открытие духовных школ и храмов была поддержка Церковью политических мероприятий советского правительства и участие в прославлении «великого вождя народов» И. Сталина. Церковь была насильственно исключена из общественной жизни страны, и это лишало ее возможности возвысить свой голос в защиту интересов православных христиан. Архиепископ Ювеналий прилагал все усилия к возобновлению богослужений в храме, но сложившуюся ситуацию разрешить не имел возможности.

Таким образом, Свято-Троицкая церковь в Иркутске православной общине передана не была, несмотря на положительное отношение к этому вопросу иркутской администрации, областного отдела архитектуры, а также Совета по делам Русской Православной Церкви. Это было связано с охлаждением государственно-церковных отношений в стране в 1947–1948 гг. и потерей И. Сталиным интереса к использованию Церкви в своих внешнеполитических планах.

В Иркутске на протяжении нескольких десятилетий действовало всего три православных храма: Знаменский кафедральный собор, церкви Крестовоздвиженская и Михаило-Архангельская. Для обслуживания верующего населения Иркутска такого количества храмов было явно недостаточно, но по сравнению с другими крупными городами Восточной Сибири и Дальнего Востока это был неплохой результат. В Чите, Улан-Удэ, Благовещенске, Владивостоке, Якутске в 1940-е годы было открыто всего по одному храму, в Хабаровске действовало две церкви[41].

Контрольные вопросы

1. В какие годы начались массовые расправы над представителями православного духовенства в Иркутской епархии?

2. Кто из иркутских архиереев был репрессирован в 20–30-е гг. XX в.?

3. Как изменились взаимоотношения Советской власти и православной церкви во второй половине XX в.? Проследите эти изменения на примере региональных материалов.

Заключение

В начале XVII в. в Восточной Сибири проживало около 100 тыс. человек, среди которых наиболее многочисленными были буряты, якуты, эвенки (тунгусы), менее значительными были племена енисейских кыргызов, сагайцев, моторов, качинцев и др. Практически все население исповедовало тогда различные варианты язычества.

Православие проникло в Восточную Сибирь вместе с отрядами казаков в начале XVII в. Первые церкви здесь были построены в 1620–1630-х гг. в Енисейском, Красноярском, Братском и Якутском острогах.

В дальнейшем заселении региона русскими становится все более заметным влияние православия, которое постепенно распространялось и на аборигенов. В 1710 г. русских и других несибирских народов насчитывалось 66 тыс. человек. Предположив, что к началу XIX в. численность коренного населения увеличилась до 150 тыс., получаем, что удельный вес православных достиг примерно 30 %.

Первоначально Восточная Сибирь входила в состав Тобольской епархии, а в регионе существовали ее подразделения-десятины и заказы. В 1727 г. учреждена Иркутская епархия, территория которой вскоре охватила почти всю Восточную Сибирь, за исключением бассейна Енисея. Во второй половине XIX в. организуются еще три епархии: Енисейская (1861 г.), Якутская (1870 г.), Забайкальская (1894 г.), что способствовало храмостроительству, углублению проповеднической и миссионерской деятельности в регионе.

В 1851 г. русские и другие некоренные жители Восточной Сибири составляли 56,7 % всего населения региона. Доля православных стала подавляющей (80,4 %), ламаисты и язычники составляли вместе 16,6 %, причем по сведениям за 1835 г. ламаистов было больше, чем язычников. Из общего числа «инородцев» 51,4 % их общей численности уже ис-

поведовали православие. Таким образом, если подходить формально, православие уже одержало к этому времени победу над другими конфессиями среди коренного населения. Однако, поскольку принятие православия аборигенами часто было формальным, к такому выводу приходится относиться с сомнением.

В 1911 г. общее число восточносибирских жителей составило 2 862 тыс., увеличившись по сравнению с началом XVII в. в 29 раз. Православных среди населения здесь было 83,3 %, по-прежнему меньше, чем в Западной Сибири (91,7 %), но больше, чем на Дальнем Востоке (73,5 %). На первом месте по доле православных считалась Якутия (98,9 %), затем – Енисейская губерния (93,1 %), Иркутская (85,8 %), Забайкалье (69,8 %). В регионе оставалось много буддистов (7,3 %), доля которых в Забайкалье составляла 21,2 %. Ламаисты оказали серьезное сопротивление попыткам христианизации, которая была среди них наименее успешна. Из других конфессий из-за высокого естественного прироста больше стало старообрядцев (2,71 %), а в Западной Сибири и на Дальнем Востоке их доля была еще выше. Старообрядцы упорно отстаивали свое право на особое видение православия, и попытки официальной церкви перевести их в «единоверие» были также малоуспешны. Язычников в Восточной Сибири осталось 2 %, сосредоточенных в основном в Иркутской губернии (6,9 % от числа ее жителей). Таким образом, язычество, полностью господствовавшее в регионе в начале XVII в., оказалось оттесненным на четвертое место после православных, буддистов и староверов. Однако, если учесть, что многие представители коренного населения, приняв православие, оставались фактически двоеверами, правильнее считать, что по влиянию на жителей Восточной Сибири язычество занимало примерно равное с ламаизмом положение.

Следует признать, что часть коренного населения воспринимала православие очень глубоко. Практически у всех народов Восточной Сибири имелось национальное православное духовенство. Первые представители его известны еще с XVIII в.; в начале XX в. общее число членов православного клира из коренных народов достигало нескольких сот человек, дойдя в Якутии до 36 %, а в Бурятии – не менее 10 %.

Острая в XVII–XVIII вв. проблема кадров, когда священников привозили из центральной России, решалась постепенно. Если в XVII–XVIII вв. подготовка будущих священников велась чаще всего ими самими (дома, помогая служить в церкви, а позднее – в качестве причетников), то в 1780 г. в Иркутске открывается семинария, частично утолившая крайнюю нужду региона в образованном духовенстве. Долгое время в церквях наблюдался некомплект штатов, который значительно уменьшился в XIX в. Так, если в 1754 г. некомплект причта в Иркутской епархии составлял 35 %, то к 1828 г. он уменьшился до 13 %. Возрастал и уровень образованности священников. Если в XVIII в. пастыри, окончившие семинарию, насчитывались единицами, то к 1828 г. в Иркутской епархии их доля поднялась до 23 %, а к 1859 г. даже до 70–80 %. В начале XX в. священников, не имевших образовательного ценза, встречалось мало, за исключением Якутии, куда выпускники семинарий ехали очень неохотно, и Забайкалья, где в 1905 г. их было 69 %. В начале XX в. многие преподаватели семинарий имели высшее образование.

Авторитет священника зависел в основном от его подготовленности, нравственных качеств и способностей. При тщательном выполнении своих обязанностей должность священника требовала затраты значительных духовных и физических сил. Хотя далеко не все священнослужители отвечали идеалу духовного пастыря, большинство из них, даже нарушая некоторые нормы поведения, все же стояли в нравственном отношении несколько выше основной массы прихожан. Оценка служителей церкви народом в целом не была особенном высокой и несколько ухудшилась к началу XX в., но жалобы на членов причта поступали сравнительно редко.

Вместе с тем часть духовных лиц пользовалась не только авторитетом, но иногда и огромным уважением населения. Из сотен таких подвижников церкви назовем лишь нескольких архиереев, роль которых как наиболее известных и влиятельных лиц епархии, всегда была высока. Первый иркутский епископ Иннокентий Кульчицкий (1727–1731 гг.) оставил о себе память как о человеке, многое сделавшем для исправления нравов и местного духовенства, и населения. Иннокентий Вениаминов, управлявший с 1853 по 1860 г. в Якутске Камчатской епархией и ставший в конце жизни ми-

трополитом Московским, приобрел мировую известность своей миссионерской деятельностью. Высоко ценились заслуги енисейского епископа Никодима Казанцева (1861–1870 гг.), якутского – Дионисия Хитрова (1870–1883 гг.), забайкальского – Мефодия Герасимова (1898–1912 гг.). Стойкость в борьбе с «неправедным» светским начальством проявили иркутский епископ Софроний Кристаллевский в XVIII в., архиепископы Михаил Бурдуков и Ириней Нестерович – в XIX в.

В первой четверти XVIII в. правительство Петра I производит реформу управления церковью, превращая ее в придаток государства. Вводится обязанность ежегодной исповеди; священники, в нарушение тайны исповеди, должны были сообщать властям об антиправительственных замыслах прихожан. В церквях стали отмечать «высокоторжественные дни», посвященные чаще всего датам из жизни особ царствующего дома, что не вызывало особого воодушевления народа. Храмы требовалось посещать в праздники и воскресные дни, соблюдать посты. Все это придало духовенству не только нравственно-религиозные, но и административные функции, что иногда вызывало недовольство населения. Не всегда нравилась жителям и необходимость содержать причт, а также неумеренные иногда платы за требы, корыстолюбие части клириков.

Большинству населения была присуща внутренняя религиозность: оно соблюдало церковные праздники, молилось и в домашней обстановке, знало важнейшие постулаты веры, в значительной степени соблюдало нравственные нормы. Восточносибирские жители не были, конечно, «богоносцами», но в большинстве своем оставались верующими, хотя со второй половины XIX в. появляются и становятся все более заметными и идейные противники религии – многие политические ссыльные и часть интеллигенции.

В начале XX в. в Восточной Сибири было 16 монастырей, из них 5 – женских. Монастыри региона в своем большинстве были беднее, а число монашествующих в них было меньше, чем в обычных российских. Хотя образованность монахов в целом была ниже, чем священников, в некоторых монастырях действовали школы и богадельни.

Особенностями старообрядцев региона была более высокая религиозность, нравственность и трудолюбие. Им

удалось сохранить некоторые культурные традиции Древней Руси. Однако изолированный образ жизни, стремление отказаться от общения с «никонианами» усугубляли определенную косность их мировоззрения.

В целом православная церковь и в Восточной Сибири играла важную, в основном положительную, роль в жизни общества. Она способствовала нравственному и патриотическому воспитанию и образованию, развитию и сохранению традиционной национальной культуры, благотворительности, изучению и хозяйственному освоению огромного края. Важнейшими особенностями местной православной церкви были огромные размеры приходов, обилие часовен, отсутствие церквей в большинстве сельских населенных пунктов, некоторые отличия в традициях проведения религиозных праздников, миссионерская деятельность в условиях полиэтничности, поликонфессиональности и низкой плотности населения.

УКАЗАТЕЛЬ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Учитывая возрастающий интерес к истории православия, авторы считают полезным напечатать указатель основных работ по истории православной церкви нашего региона. В нем перечислены монографические исследования, книги деятелей церкви, сборники статей, брошюры, важнейшие публикации источников, изданных в виде книг.

К сожалению, авторы, занимающиеся историей православия, нередко дают лишь фактический материал по конкретным темам, игнорируя необходимость анализа, обобщений, сопоставления территориальных, хронологических, социальных, этнических и других факторов, иногда нарушая и принципы объективности. С целью помочь авторам в этом направлении, в перечень литературы включены также некоторые исследования по истории православия в России в целом, общие работы о сибирских епархиях, а также некоторые основные издания, относящиеся к соседним регионам – Западной Сибири и Дальнему Востоку. Конечно, приведенный список далеко не исчерпывает всех публикаций по названной теме. Сотни содержательных материалов были напечатаны в «епархиальных ведомостях» XIX – начала XX в., много статей и тезисов появляется в наше время в различных журналах и научных сборниках. В приведенном далее списке более 200 публикаций. Сообщая сведения об отдельных сборниках, мы указываем заглавия более важных материалов; по отношению к некоторым книгам даем пояснения, раскрывающие их содержание.

А

Апостол Аляски. Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. 1–2 октября 1997 г. / отв. ред. проф. А. В. Дулов. Иркутск, 1998. 100 с. Из содержания: Нефедьева А. К. Домик в Анге, в котором жил И. Е. Попов-Вениаминов; Игумнова Н. Д. О круге чтения Иннокентия Вениаминова; Дулов А. В. Иркутская епархия в XVIII – начале XX веков: деятели, события, факты; Василенко М. В. Об атрибутировании автографов епископа Иннокентия Кульчицкого; Крючкова Т. А. Знаменский монастырь; Санников А. П. Церкви, приходы и приходское духовенство Заларинской волости в XVIII – начале XX веков.

Амвросий. История российской иерархии. М., 1810–1815.

А. Н. (Архиепископ Нил) Путевые заметки. Ч. 1. Ярославль, 1874 (переизданы в 1889 г.)

Андреева Л. В. И воззовет прошедшее… Церкви Братска и окрестностей и их служители. Братск, 1998.

Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 336 с.

Археологическое описание Троицкого Селенгинского монастыря. М., 1895.

Аргентов А. 15 лет в Нижнеколымском крае. б/м, 1869.

Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938.

Атеистическая работа партийных организаций среди бурятского населения. Улан-Удэ, 1969.

Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX веков. Кемерово, 2004. 190 с.

Асочакова В. Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII – первой четверти XIX в. : учеб. пособие. – Абакан, 2005. 200 с.

Акулич О. А., Крючкова Т. А., Полунина Н. М. Во имя Спаса Нерукотворного: документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006. Иркутск, 2008. 488 с.

Б

Белашов А. И. Камчатское православие. Трехсотлетний путь (1705–2005). Петропавловск-Камчатский, 2005. 204 с.

Беседина О. Н. Памятники истории и архитектуры Иркутска: культовое зодчество. Новосибирск, 1990.

Берхина Т. Г. Сохранившие веру. Иркутск, 2007. 384 с. Книга посвящена судьбам духовенства и верующих, в основном, жившим в Иркутской области в советское время.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX веках. – Новосибирск, 1994. 250 с.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья и Алтая: опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2000.

Бураева С. В. Рукописное наследие забайкальских старообрядцев. Улан-Удэ, 2006. 239 с.

Бураева С. В. «Богодуховенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ, 2003. 100 с.

Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства (1917–1938 гг.). Чита, 1968.

В

Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб, 1885.

Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Переписка архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. Иркутск, 1916.

Верномудров. Почитание святителя Иннокентия в Иркутской стране и Сибири при жизни. Иркутск, 1907.

Виноградов А. Летопись о построении в Иркутске нового Кафедрального собора. Иркутск, 1895.

Вопросы преодоления пережитков ламаизма и шаманизма и старообрядчества. Улан-Удэ, 1971.

Встреча его высокопреосвященства … Иоанна, архиепископа Иркутского и Верхоленского, при вступлении его на Иркутскую кафедру 16 февраля 1916 г. и проводы его из Читы. Иркутск, 1919.

Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Иркутский и Верхоленский (Биографический очерк). Иркутск, 1903. (Автор – протоиерей В. Копылов).

Г

Гагарин Д. Н. Указатель к Иркутским епархиальным ведомостям с 1863 по 1888 г. Иркутск, 1889.

Гирченко В. П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1926.

Громов П. Описание церквей на Камчатке. Иркутск, 1861.

Громов П. Слова и речи, произнесенные в Камчатской и Иркутской епархиях протоиереем П. Громовым. СПб., 1857.

Громов П. Обзор событий Иркутской епархии в течение полуторавекового ее существования… Иркутск, 1887.

Громов П. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Слова и речи. Иркутск, 2000. 261 с.

Громов П. Начало христианства в Иркутске и святый Иннокентий – первый епископ Иркутский. Иркутск, 1868.

Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996. 232 с.

Д

Данилов К. К двухсотлетнему юбилею со времени основания каменного здания градо-иркутской Спасской церкви (1706–1906 гг.). Иркутск, 1907.

Дамешек Л. М. Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск, 1976.

Двадцатипятилетие епископского служения Высокопреосвященного Вениамина – архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск, 1888.

Двухсотпятидесятилетие официального признание буддизма в России. Улан-Удэ, 1991.

Деятельность Иркутской духовной миссии в 1893 г. Иркутск, 1893.

Димитрук А. Патерик сибирских святых и подвижников благочестия. М., 2006. 606 с.

Дмитриев А. А. Петр I и церковь. М., 1931.

Догуревич Т. А. Распространение христианства в Сибири. СПб., 1897.

Долотов А. С. Старообрядчество в Бурятии. Улан-Удэ, 1951.

Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края и сведения о Даурской миссии (1653–1726). Казань, 1875.

Дроздов Н. Святитель Иннокентий, первый епископ Иркутский. Иркутск, 1903.

Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. 1. Иркутск, 2006. 294 с. (Гл. 1. Распространение православия в Восточной Сибири в XVII в. Гл. 2. Организация и деятельность православной церкви в XVIII в.)

Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. 2. Иркутск, 2006. 323 с. (Гл. 3. Православная церковь в 1805–1860 гг. Гл. 4. Православная церковь в Восточной Сибири в 1861–1917 гг.)

Дулов А. В. Русское православие: очерк истории. Улан-Удэ, 2000. 303 с.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX веков. Серия история Сибири. Первоисточники. Вып. 9. Новосибирск, 1999. 900 с.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX веков. Серия история Сибири. Первоисточники. Вып. 12. Т. 2. Новосибирск, 2005. 584 с.

Е

Ефремовские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. 8–10 декабря 2003 г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2004. 183 с. Сборник посвящен истории и современной деятельности православной церкви в Забайкалье. Из содержания: Первые миссионеры Троицкого Селенгинского монастыря; Православное духовенство города Верхнеудинска в XIX веке; Борьба с обновленчеством в Читинско-Забайкальской епархии в 1920 г.; Из истории Нерчинского Успенского монастыря; Троице-Селенгинский монастырь как объект историко-культурного наследия.

Ж

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. (Имеются и другие издания)

Журналы Иркутского 49-го экстренного епархиального съезда духовенства и мирян Иркутской епархии. 29 мая – 11 июня 1917 г. Нижнеудинск, 1917.

Журнал Красноярско-Енисейской епархии. Красноярск, 2000.

Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий : энцикл. справочник. Улан-Удэ, 2001. 447 с.

Журналы миссионерского съезда в Иркутске 1910 г. Иркутск, 1910.

З

Зверинский В. В. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764 по 1 июля 1890 г. СПб., 1890.

Земля Иркутская. 2000. № 14. (Журнал посвящен истории Иркутской епархии)

Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра Великого. Казань, 1873.

Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1989.

Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX веков. М., 2002.

И

Из истории Иркутской епархии. Сборник научных трудов / под ред. проф. А. В. Дулова. Иркутск, 1998. 108 с. Из содержания: Игумнова Н. Д. Книжное собрание святителя Иннокентия; Санников А. П. Церковная администрация Восточной Сибири в конце

XVII – середине XVIII веков; Дулов А. В. О книге О. Е. Наумовой «Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. »; Кузнецова М. В. Школа при Вознесенском монастыре; Санников А. П. К вопросу об обучении детей духовенства Иркутской епархии в первой половине XVIII века; Крючкова Т. А. Храмы и иконостасы Знаменского монастыря в Иркутске; Стахеева Н. Н. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди старообрядцев Восточной Сибири в XIX в.; Дулов А. В. Иркутская епархия в 1860–1917 гг.; Терновая И. И. Иркутская епархия в годы политических репрессий 1920–1930 гг.

Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Новосибирск, 1997.

Иннокентий (Вениаминов). Журналы священника Иоанна Вениаминова. Якутск, 2005.

Ионин А. Речь на торжественном заседании в г. Иркутске по поводу 900-летия крещения Руси. Иркутск, 1889.

Иркутская духовная миссия в 1861 по 1870 г. Иркутск, 1870.

Иркутские архипастыри и викарии Иркутской епархии. Иркутск, 1896.

Исторические судьбы православия в Сибири. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) и 270-летию основания Иркутской епархии. 1–3 октября 1997 г. / отв. ред. проф. И. В. Наумов. – Иркутск, 1997. 120 с. Из содержания: Зольникова Н. Д. Традиции приходского самоуправления в Иркутской епархии в первой половине XVIII века; Матханова Н. П. Архиепископ Иннокентий и деятели администрации Восточной Сибири середины XIX века; Наумова О. Е. Источники по истории Иркутской епархии; Ванина И. Ю. О проектах миссионерской работы в Сибири; Екинцев В. П. Проблемы миссионерской деятельности православной церкви в Забайкалье; Ванина И. Ю. Кадровый состав миссионеров Иркутской епархии; Хомушку О. М. Православие и местные религиозные традиции; Михайлова В. Т. Православие и религиозный синкретизм у бурят (1861–1917 гг.).

История иконописи VI–XX века. М., 2002. 287 с.

История старообрядческой церкви : краткий очерк. М., 1991.

К

Кандидов Б. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932.

Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX веков. – М., 2000. – 494 с.

Калинина И. В. Кафедральный собор во имя иконы Казанской Божьей Матери в Иркутске. Иркутск, 1994.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1–2. М., 1992.

Касьянов Василий, протоиерей. Сказание о жизни и подвигах в бозе почившего старца Даниила, подвизавшегося в Сибирской стороне, в пределах города Ачинска. М., 1890.

Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. М., 1990.

Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX веков: развитие и взаимодействие. Материалы Всероссийской научной конференции. 3–4 февраля 2005 г. / науч. ред. проф. А. В. Дулов. Иркутск, 2005. 318 с. Из содержания: Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX веков; Андреев Ч. Г. Влияние христианства на эволюцию традиционных религиозных воззрений коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков; Янгель Т. Я. Миссионерская деятельность православной церкви среди коренного населения Прибайкалья и Забайкалья во второй половине XIX века; Кузнецова Ж. Г. Особенности миссионерской деятельности православной церкви в Иркутской епархии в пореформенный период; Мазюк Ю. С. Роль интеллигенции в развитии межконфессионального сотрудничества в Сибири в конце XIX – начале XX веков; Курас Л. В., Цыремпилова Н. С. Религиозные конфессии в Бурят-Монгольской АССР в 20–30-е гг. XX века; Чернышова Н. К. Жития святителя Иннокентия Иркутского в дореволюционном российском книгоиздании; Пешкова В. К. Книжная коллекция иркутского епископа Софрония в фонде научной библиотеки ИГУ; Санников А. П. Церковное служение и деятельность приходского духовенства на территории Иркутской губернии в XVII–XVIII веках; Перцева Т. А. Декабристы и сибирское сельское духовенство; Погодаева И. А. Исполнение долга исповеди и причастия в Иркутске в XIX веке; Оглезнева Г. В. Условия деятельности православной церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков: региональные особенности; Астраханцев О. Н. Из истории церквей в воинских частях Иркутска; Матханова Н. П. Мемуары сибирского духовенства XIX века; Юрганова И. И. Историография деятельности православной церкви в Якутском крае в XVII – начале XX веков; Петрушин Ю. А. Власть и религиозная психология крестьян 1920–1930-х гг. в сибирской историографии. Кроме того, в сборнике помещено 6 статей по истории сибирского старообрядчества.

Костров А. В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2006.

Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита, 1999.

Косых В. И. Православная церковь и начальное образование в Забайкальской епархии. Чита, 1999.

Краткое описание приходов Енисейской губернии. Красноярск, 1995.

Крючкова Т. А. Иркутские иконы. Каталог. Иркутск, 1990.

Кузьмичев И. Житие святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского и чудотворца. М., 1894.

Кутузов Б. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2004. 571 с.

Л

Левченко И. В. Русская православная церковь и государство. Иркутск, 2001.

Литвинцев Ф. Краткий очерк четырнадцатилетнего управления высокопреосвященного Вениамина Иркутской епархией. Иркутск, 1887.

Литягина А. В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 9.

Литягина А. В. Деятельность Русской православной церкви в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // Вопросы истории. 2008. № 9.

Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII – 1917 г.) : биобиблиогр. слов. Иркутск, 2000. 407 с.

М

Майничева А. Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск, 2000.

Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913 (переиздан в Новосибирске в 1993 г.)

Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1996.

Маслова И. И. Советское государство и Русская православная церковь: политика сдерживания. М., 2005.

Мелетий, архимандрит. Пустынник Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской Монголии, в Чикойских горах за Байкалом. Иркутск, 1894.

Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. 577 с.

Мир старообрядчества. Вып. 1–5. М., 1992–1999.

Митыпова Е. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – начало XX веков). Улан-Удэ, 1997.

Митыпова Е. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ, 1999. 231 с.

Митыпова Е. С. Православная церковь в Бурятии (XX–XXI века). Улан-Удэ, 2006. 111 с.

Михайловский В. Воспоминания о святителе Иркутском Вениамине как ревнителе православия среди язычников. СПб., 1892.

Модест. Жизнь Св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотвор-ца. Пермь, 1878.

Модест. О проповедничестве св. Иннокентия, первого иркутского епископа и чудотворца, 1873.

Мордовский Л. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря. – М., 1841.

Мотицкий В. П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.

Н

На память об Иргени. Краткая история Иргени, житие святой мученицы Параскевы и поучение в честь ее. Чита, 1911.

На службе Богу и якутскому народу : материалы православных конференций, проходивших в Якутске (1997, 2000, 2005 гг.). Якутск, 2006. 222 с.

Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996.

Нестор, иеромонах. Православие в Сибири (исторический очерк). СПб., 1910.

Никодим, архимандрит. Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря. СПб., 1840.

Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. 445 с.

О

Очерки религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). Томск, 1982.

П

Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилюйского, а затем Уфимского и Мензелинского. СПб., 1902.

Папков А. Древнерусский приход: краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и Западной России до XVII века. Сергиев Посад, 1897.

Первосвятитель Иркутский Иннокентий I (Кульчицкий) / сост. В. В. Сидоренко. Иркутск, 2006. 576 с.

Песков В. М. Таежный тупик. История семьи староверов Лыковых. М., 2007. 223 с.

Петров П. П. Градоякутские православные храмы. Якутск, 2000.

Петрова Е. В. Современное забайкальское старообрядчество: этносоциологический анализ. Улан-Удэ, 2005. 183 с.

Писарев А. Спасо-Преображенская церковь в Иркутске. Иркутск, 1911.

Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру. СПб., 1916.

Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Т. 1–2. Казань, 1897–1913.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVII–XX веках: проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 472 с.

Полунина Н. М. Живая старина Приангарья. М., 1990.

Пономарев Н. А. Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. 230 с.

Попов Г. М. В якутской глуши. Сборник статей из приходской жизни Якутской епархии. Иркутск, 1910.

Православие на Дальнем Востоке : сб. ст. Вып. 4. СПб., 2004. 277 с.

Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.

Преосвященный Дионисий апостол Якутии. М., 2000.

Путешествия и подвиги святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Америки и Сибири / сост. Н. В. Романова, Н. Ю. Лазарева. М., 1999.

Р

Резун Д. Я. О названиях русских церквей Западной Сибири в XVIII веке // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989.

Религия и церковь в истории России. М., 1975.

Религия и церковь в Сибири. Тюмень. (Ряд сборников научных статей и материалов. Издаются периодически).

Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.

Русская православная церковь в Сибири: история и современность. – Улан-Удэ, 2003.

Русское православие: вехи истории. М., 1989. 719 с.

Русское православие в Сибири: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. Омск, 1995.

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994.

С

Сафронов Ф. Г. Православное христианство в Якутии. Мирный, 1998.

Сахаров Ф. Литература истории и обличения русского раскола. Систематический указатель книг, брошюр и статей о расколе, находящихся в духовных и светских периодических изданиях. Вып. 1. Тамбов, 1887; Вып. 2. СПб., 1892; Вып. 3. СПб, 1900.

Секерин В. П. Религии на карте Забайкалья. Чита, 1995. 78 с.

Серебренников И. И. О старинных домах и церквах в Иркутской губернии. Иркутск, 1911.

Серебренников И. И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920.

Сирин А. Д. Необоримая стена. Иркутск, 2000. Книга рассказывает о монастырях и архиереях Иркутской епархии.

Слово и речь в день освящения Иркутского Благовещенского храма 14 октября 1890 г. Иркутск, 1890.

Соколов С. И. Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Томск, 1902.

Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века. Томск, 2003. 346 с.

Софронов В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVIII – начало XX веков). Ч. 1. Тобольск, 2005. 142 с.

Справочная книжка по Якутской епархии. Якутск, 1910.

Стародубцев О. В. Русское церковное искусство X–XX веков. М., 2007.

Старообрядчество: история и культура. Вып. 1. Барнаул, 1999.

Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы Междунар. конф. Улан-Удэ, 2001.

Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции и зарубежные связи. Владивосток, 2004.

Старообрядчество в России (XVII–XVIII века). М., 1994.

Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 1999.

Старостина М. И. Деятельность протоиерея Григория Слепцова в Среднеколымском комиссарстве. Якутск, 2004.

Стрельбицкий, Модест. Жизнь святителя Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца. Варшава, 1879.

Стрельбицкий, Модест. О проповедничестве святителя Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца. Иркутск, 1873.

Столетний юбилей Иркутской духовной семинарии. Иркутск, 1879.

Субботин Ю. К. Православные таинства. М., 1990.

Сулоцкий А. И. исторические сведения об иконописи в Сибири. Омск, 1863.

Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII–XVIII столетии. Тобольск, 1888. 180 с.

Съезды, конференции и совещания классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. В Томске опубликованы сборники документов с аналогичными названиями по Енисейской губернии и Забайкалью.

Т

300 лет православия на Камчатке: миссия церкви в прошлом и настоящем : материалы научно-богословской конф. М., 2005. 236 с.

Тальцы. 1999. № 1. Журнал посвящен Иннокентию Вениаминову.

Тальцы. 2000. № 1. Журнал посвящен истории Иркутской епархии.

Тальцы. 2003. № 2. Журнал содержит статьи по истории православной церкви XVIII–XX веков.

Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, собранные И. Барсуковым. М., 1887.

Туманик А. Г. Крупнейшие православные храмы Сибири. Новосибирск, 1998.

Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.

Тресвятский Л. А. Духовная культура православия в Сибири (XVII – начало XX века). Новокузнецк, 2003. 167 с.

Тресвятский Л. А. Очерки по истории православия в Сибири (региональный аспект). Новокузнецк, 2004. 105 с.

Тресвятский Л. А. История русской православной церкви в Сибири в XVII – начале XX веков: учебное пособие. Новокузнецк, 2005. 224 с.

Тресвятский Л. А. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX века. Новокузнецк, 2006. 236 с.

Тресвятский Л. А. Влияние православной культуры на изменение этнической картины мира сибирских народов. Новокузнецк, 2006. 128 с.

Троицкое слово Забайкалья. Духовный историко-краеведческий альманах. 2000. Вып. 1.

Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885; Т. 3 (1873–1877); Т. 4 (1878–1883).

Ф

Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.

Х

Харченко Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – первая половина XIX веков). Иркутск, 2001.

Харченко Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). СПб., 2004.

Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). СПб., 2005. 510 с.

Христианская богословная литература. Сводный каталог изданий (1759–1917) / сост. : В. М. Деревскова, Н. Д. Игумнова, Ф. М. Полищук, А. З. Скаллер. – Иркутск, 2003.

Христианское начало в культуре России XIX – XXI веков. Седьмые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 8 октября 2008 г. Иркутск, 2008. 348 с.

Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX веков). Л., 1979.

Христианство на Дальнем Востоке : сб. науч. ст. Уссурийск, 2001. 107 с.

Хрусталев Д. Преосвященный Ириней, архиепископ Иркутский. Иркутск, 1895.

Хрусталев Д. Летописные сведения об Иркутске и Иркутской епархии за двухсотлетний период ее существования. Иркутск, 1905.

Хрусталев Д. Святитель Софроний, 3-й епископ Иркутский. Иркутск, 1898.

Ц

Церковь в истории России (IX век – 1917 г.). М., 1967.

Церковь и государство: прошлое и настоящее : тез. докладов научной конференции. Красноярск, 2001.

Церковь и государство: история и современность : материалы науч. конф. Иркутск, 10–11 марта 2005 г. Иркутск, 2005. 145 с. Из содержания: Жалсараев А. Д. Святитель Иннокентий в Забайкалье; Новикова Т. М. Взаимоотношения русской православной церкви и государства в годы гражданской войны в Восточной Сибири.

Цыпан В., протоиерей. История русской церкви. 1917–1977. М., 1997.

Цыремпилова И. С. Религия и власть в республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940). Улан-Удэ, 2000. 162 с.

Ч

Чефранов М. Преосвященный Софроний, 3-й епископ Иркутский. Краткое повествование о его жизни, деяния и блаженная память о них. Иркутск, 1900.

Ш

Шавельский Л. Краткое историко-статистическое описание Иркутского Вознесенского монастыря. Иркутск, 1905.

Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991.

Шишигин Е. С. Якутская епархия (Краткий исторический очерк и проблемы возрождения). Мирный, 1997.

Шишигин Е. С. Страницы миссионерства в Якутии. Якутск, 1997.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

Шмулевич М. М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ, 1982.

Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983.

Ю

Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (Деятельность духовной консистории). Якутск, 2003.

Юрганова И. И. Церкви Якутии (краткая история). Якутск, 2005.

Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

[1] Санников А. П. Иркутское викариатство: попытка обустройства церковных дел на восточных окраинах России в первой четверти XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., 2013. С. 510.

[2] Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Т. 1. Иркутск, 2006. С. 19.

[3] Там же. С. 39.

[4] Полунина Н. М. Живая Старина Приангарья. М., 1990. С. 28, 31.

[5] Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 273.

[6] А. Н. (Архиепископ Нил) Путевые заметки. Ярославль, 1874.

[7] Дионисий священник, Макаров А. Иркутский Вознесенский монастырь // Тальцы. 2000. №1(8).; Медведев С. Иркутский Вознесенский монастырь // Земля Иркутская. 1994. № 1. С. 22.

[8] Торшина Н. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. 1998. № 10. С. 26.

[9] Журналы Иркутского 49-го экстренного Епархиального съезда духовенства и мирян Иркутской епархии 29 мая – 11 июня и Чрезвычайного избирательного 50-го, юбилейного Епархиального съезда духовенства и мирян Иркутской епархии… Нижнеудинск, 1917. С. 5.

[10] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 12; Духовный ветроград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14.

Глава 2

2.1

[1] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 83.

[2] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края. Казань, 1875. С. 6–7.

[3] История Иркутской области. Иркутск, 1985. С. 27–28.

[4] Громов П. Начало христианства в Иркутске… Иркутск, 1868. С. 195–196.

[5] Медведев С. И. Иркутский Вознесенский монастырь // Земля Иркутская. 1994. № 1. С. 20.

[6] Шавельский Л. Краткое историко-статистическое описание Иркутского Вознесенского монастыря. Иркутск, 1905. С. 8; Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 118.

[7] Душкин Ю. С. Соль земли // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 11.

[8] Там же. С. 11–12.

[9] Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 115.

[10] Древние церковные грамоты… С. 157.

[11] Там же. С. 181.

[12] Санников А. П. Церковная администрация Восточной Сибири в конце XVII – середине XVIII вв. // Из истории Иркутской епархии. Иркутск, 1998. С. 15.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 16.

[15] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 899. Л. 59, 72.

[16] Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1867. С. 609–610.

[17] Санников А. П. К вопросу об обучении детей приходского духовенства Иркутской епархии в первой половине XVIII в. // Из истории Иркутской епархии. Иркутск, 1998. С. 36.

[18] Громов П. Указ. соч. С. 398.

[19] Шавельский Л. Указ. соч. С. 12.

[20] А. Н. (Архиепископ Нил). Путевые заметки. Ч. 1. Ярославль, 1874. С. 61–62.

[21] Шавельский Л. Указ. соч. С. 18.

[22] Перечень приведен в указ. книге Л. Шавельского.

[23] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 6790. Л. 41–42.

[24] Шавельский Л. Указ. соч. С. 14–16.

[25] О. Дионисий, Макаров А. Иркутский Вознесенский монастырь // Тальцы. 2000. № 1(8). С. 55.

[26] Медведев С. Указ. соч. С. 22. План монастыря приведен там же на с. 28.

[27] Иркутские епархиальные ведомости. 1881. № 15. С. 94.

[28] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13592. Л. 3.

[29] Медведев С. Указ. соч. С. 21–22.

[30] О. Дионисий, Макаров А. Указ. соч. С. 56–57.

[31] Медведев С. Указ. соч. С. 26.

2.2

[1] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края. Казань, 1875. С. 85; Крючкова Т. А. Храмы и иконостасы Знаменского монастыря в Иркутске // Из истории Иркутской епархии. Иркутск, 1998. С. 40–41; Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 98.

[2] Древние церковные грамоты… С. 85–86.

[3] Там же. С. 85.

[4] Громов П. Начало христианства в Иркутске… Иркутск, 1868. С. 195–196.

[5] Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). Прибавления. 1863. С. 83.

[6] Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 184–185.

[7] ИЕВ. Прибавления. 1863. С. 83.

[8] ИЕВ. Прибавления. 1890. С. 1–5.

[9] Громов П. Указ. соч. С. 194; Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 118.

[10] Торшина Н. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. 1998. № 10. С. 25.

[11] Крючкова Т. «…усердием и капиталом» // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 68.

[12] Пежемский П. И., Кротов В. А. Иркутская летопись. (1652–1856 гг.). Иркутск, 1911. С. 123, 142.

[13] Торшина Н. Указ. соч. С. 25.

[14] Монахиня Илария, Крючкова Т. А. Иркутский Знаменский женский монастырь // Тальцы. 2000. № 1. С. 69.

[15] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6790. Л. 41–42.

[16] Торшина Н. Указ. соч. С. 26.

[17] ИЕВ. 1881. № 15. С. 95.

[18] Торшина Н. Указ. соч. С. 26.

[19] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13592. Л. 3.

[20] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11108. Л. 314.

[21] ИЕВ. 1915. № 19. С. 217.

[22] Монахиня Илария, Крючкова Т. А. Иркутский Знаменский… С. 71.

2.3

[1] Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 334.

[2] Там же. С. 330.

[3] Аржеуцкая Т. Иркутский Князе-Владимирский монастырь // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 36.

[4] Романов Н. С. Указ. соч. С. 444–445.

[5] Аржеуцкая Т. Указ. соч. С. 38.

[6] Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 23.

[7] Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 155.

[8] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13592. Л. 3.

2.4

[1] Громов П. Начало христианства в Иркутске… Иркутск, 1868. С. 205.

[2] Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 516–517.

[3] Шерстобоев В. Н. Указ. соч. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 540, 555.

[4] Шерстобоев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 516.

[5] Там же. С. 513.

[6] Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. С. 237–239.

[7] Архиепископ Вадим. «Во Святем Духе брат наш» // Русская сила. 2001. № 5. С. 5.

[8] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 199.

[9] Шерстобоев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 555.

[10] Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. С. 628.

2.5

[1] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края. Казань, 1875. С. 6.

[2] Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 518.

[3] Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 37.

[4] Калинина И. Церковь Киренского монастыря // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 37.

[5] Шахеров В. П. Указ. соч. С. 39.

[6] Древние церковные грамоты… С. 154.

[7] Санников А. П. Церковная администрация Восточной Сибири в конце XVII – середине XVIII вв. // Из истории Иркутской епархии. Иркутск, 1998. С. 15–16.

[8] Шахеров В. П. Указ. соч. С. 40–41; Шерстобоев В. Н. Указ. соч. С. 525.

[9] Калинина И. Церковь Киренского монастыря… С. 37.

[10] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000. С. 283.

[11] Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 555.

[12] Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 72–73. В. П. Шахеров полагает, что во 2 класс монастырь переведен в 1839 г., но дата – 1836 г., которую приводят В. В. Зверинский (Зверинский В. В. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764 по 1890 год. СПб., 1890. С. 271) и О. Е. Наумова (Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 126) представляется более правильной.

[13] А. Н. (Архиепископ Нил) Путевые заметки. Ч. 1. С. 160–161.

[14] Шахеров В. П. Указ. соч. С. 73–74.

[15] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6790. Л. 41–42.

[16] Оглезнева Г. В. Экономическое и культурное развитие Киренска во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Иркутск, 2002. Вып. 4. С. 74.

[17] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. С. 284.

[18] Там же. С. 285.

[19] Оглезнева Г. В. Указ. соч. С. 73.

[20] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13592. Л. 3.

[21] Оглезнева Г. В. Указ. соч. С. 73–74.

Глава 3

3.1

[1] Громов П. Начало христианства в Иркутске и святый Иннокентий первый епископ Иркутский. Иркутск, 1868. С. 289.

[2] Там же. С. 290.

[3] Летопись города Иркутска XVII–XIX вв... С. 181.

[4] ИЕВ. Прибавления. 1870. С. 177.

[5] Вадим, архиепископ. «Во Святем Духе брат наш» // Русская сила. 2001. № 5. С. 4.

[6] Духовный ветроград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 12.

3.2

[1] Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). – Иркутск, 1911. – С. 60, 401 – о Пахомии; 15, 73, 99 – о Софронии; 101, 121 – о Михаиле Миткевиче; 122, 215 – о Вениамине; 216–240 – о Михаиле Бурдукове.

[2] Шуцкий М. М. Из воспоминаний иркутских старцев // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. – Иркутск, 1914. – Вып. 2. – С. 192.

[3] Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. – СПб, 1872. – Т. 1. – С. 38–39; Записки иркутских жителей… С. 274.

[4] Барон Корф. Жизнь графа Сперанского. – СПб, 1861. – С. 11.

[5] Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Сибири. – М., 1891. С. 25–26. Высокую оценку Михаилу дает и писатель И. Т. Калашников (Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 273–274, 313–314).

[6] Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова)… – С. 412–413.

Глава 4

4.1

[1] Мордвинов В. Н. Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе / сост. В. Н. Мордвинов ; изд. юридического кн. магазина Н. К. Мартынова. СПб., 1895. С. 24.

[2] Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей / сост. тома, прим., послесл. М. Д. Сергеева. Иркутск : Вост. -Стиб. кн. изд., 1990. С. 36–39.

[3] Авдеева-Полевая Е. А. Указ. соч. – С. 23.

[4] Там же.

[5] Щукин Н. С. Быт крестьянина Восточной Сибири // Записки иркутских жителей. С. 134.

[6] Загоскин М. В. [Загоскин М. В.] Ответы на программу Императорского Русского географического общества, для собирания народных юридических обычаев / сост. … М. В. Загоскиным ; изд. Комитета. Иркутск : Губ. тип., 1891. С. 4–5.

[7] Пахолков П. И. Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX в. / сост. Н. П. Матханова ; отв. ред. акад. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 204–205.

[8] Авдеева-Полевая Е. А. Указ. соч. С. 61–64.

[9] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 7.

[10] Там же. С. 7.

[11] Там же. С. 6.

[12] ГАИО. Ф. 275. Оп. 3. Д. 17. Л. 84.

[13] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 75. Иркутская губерния / Изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел. – [СПб.]: тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904. С. 18–19.

[14] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 75. Иркутская губерния. С. 18–19.

[15] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 6.

[16] Записки иркутских жителей. С. 508.

[17] Н. Мокеев. Иркутское Иерусалимское кладбище // Сибирский архив. 1912. № 12. С. 932.

[18] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4284.

[19] Авдеева-Полевая Е. А. Указ. соч. С. 22–28.

[20] Терновая И. И. Иркутянка: портрет на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2007. С. 149–151.

[21] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 9–11.

[22] ГАИО. Ф. 587. Оп. 1. Д. 118.

[23] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 12.

[24] Листова Т. А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований. М. : Наука, 2001. С. 26–27.

[25] Загоскин М. Указ. соч. С. 18.

[26] ГАИО. Ф. 275. Оп. 3. Д. 17. Л. 84.

[27] Статистическия сведения по Иркутской губернии за 1866 год. Вып. 2 / Иркут. губерн. стат. ком. ; под ред. гл. секретаря Н. М. Павлинова. – Иркутск : Тип. Н. Н. Синицына, 1868. С. 5.

[28] Павел, еп. От святой купели до гроба: (Краткий устав жизни православного христианина). Авдеева, Прим, обл., 1916. С. 20.

[29] Мордвинов В. Н. Указ. соч. С. 169.

[30] Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Издат. дом Сова, 2004. С. 229.

[31] Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 155–163.

[32] Зуева Е. А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Полиада про, 2007. С. 56.

[33] Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. : дис. … канд. ист. наук. С. 72.

[34] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 1–2.

[35] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 16.

[36] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11140.

[37] Авдеева-Полевая Е. А. Указ. соч. – С. 32.

[38] Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. С. 469.

[39] Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. / Б. В. Струве. СПб. : Тип. т-ва Общественная польза, 1889. С. 12.

[40] Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске. С. 470.

[41] Обзор Иркутской губернии за 1891 г. Иркутск : губ. тип., 1892. С. 37.

[42] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7935. Д. 9580.

[43] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10724. Д. 10767. Д. 11337; оп. 7. Д. 373; оп. 8. Д. 3391. Д. 3435.

[44] Павел, еп. Указ. соч. С. 19.

[45] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10767а.

[46] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7778.

[47] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10594.

[48] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3435.

[49] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 7846. Л. 43–51.

[50] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11337; оп. 8. Д. 373.

[51] Сост. нами по: ф. 50. Оп. 1. Д. 7715. Д. 8682. Д. 8887. Д. 8969; оп. 7. Д. 225. Д. 283; оп. 8. Д. 670.

[52] Загоскин М. В. Указ соч. С. 18.

[53] ГАИО. Ф. 587. Оп. 1. Д. 81.

[54] Статистическия сведения по Иркутской губернии за 1866 год. [Вып. 2]. С. 4.

[55] Обзор Иркутской губернии за 1885 год. Иркутск : Ирк. губ. тип., 1886. Табл. 3.

[56] Обзор Иркутской губернии за 1895 год. Иркутск : губ. тип., 1896. Табл. 3.

[57] Сост. нами по: Обзор Иркутской губернии за 1885 год. – Иркутск : губ. тип., 1886. – Табл. 3; Обзор Иркутской губернии за 1888 год. – Иркутск : губ. тип., 1889. – Табл. 3; Обзор Иркутской губернии за 1889 год. – Иркутск : губ. тип., 1890. – Табл. 3; Обзор Иркутской губернии за 1893 год. – Иркутск : губ. тип., 1894. – Табл. 3; . Обзор Иркутской губернии за 1894 год. – Иркутск : губ. тип., 1895. – Табл. 3; Обзор Иркутской губернии за 1895 год. – Иркутск : губ. тип., 1896. – Табл. 3.

[58] Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири... С. 150–151.

[59] Белякова Е. В. Церковный брак и развод в России в XIX веке. [Электронный ресурс] / Белякова Е. В. – URL: http: // www.orthedu.ru /ch_hist/zer_brak_i_razvod. htm.

[60] Статистическия сведения по Иркутской губернии за 1866 год. [Вып. 2]. С. 2.

[61] Загоскин М. В. Указ. соч. С. 23.

[62] ГАИО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 41.

[63] Щуцкий М. М. Иван Иванович Базанов как общественный деятель // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Иркутск : Электротип. Т-ва М. П. Окунев и К, 1913. С. 170–171.

[64] Тамм Л. И. Записки иркутянки. Иркутск : Оттиск, 2001. С. 15–16.

[65] Давыдов С. В. Оглезнева Г. В. Роль православной церкви в социализации подрастающего поколения (на примере Восточной Сибири второй половины XIX века) // Сибирский город XVIII – начала XX веков : сб. ст. / сост. В. П. Шахеров. Вып. 5. Иркутск : Оттиск, 2005. С. 51.

[66] Павел, еп. Указ. соч. С. 5.

[67] ГАИО. Ф. 266. Оп. 2. Д. 38. Л. 16.

[68] ГАИО. Ф. 266. Оп. 5. Д. 4. Л. 200.

4.2

[1] Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004. 352 с.; Гирченко В. П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. // История и культура семейских Забайкалья. Хрестоматия. Ч. 1 / сост. В. Л. Петров, Е. В. Петрова. Улан-Удэ, 2005. С. 254–286

[2] Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // История и культура семейских Забайкалья : хрестоматия. Ч. 1 / сост. В. Л. Петров, Е. В. Петрова. Улан-Удэ, 2005. С. 119–127

[3] Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. // История и культура семейских Забайкалья : хрестоматия. Ч. 1. / Сост. В. Л. Петров, Е. В. Петрова. Улан-Удэ, 2005. С. 201–253

[4] Ровинский П. А. Указ. соч. С. 121

[5] Селищев А. М. Указ. соч.

[6] Болонев Ф. Ф. Украинско-белорусские элементы в народной культуре семейских Забайкалья. // Старообрядчество Украины и России: прошлое и современность : материалы конф. Киев, 2004. С. 67–77; Бураева С. В. «Украинский элемент» в старообрядческой книжности Забайкалья // Старообрядчество Украины и России: прошлое и современность : материалы конф. Киев, 2004. С. 48–52; Ильина-Охрименко Г. И. Народное искусство семейских Забайкалья в XIX–XX вв. // История и культура семейских Забайкалья : хрестоматия. Ч. 2. Улан-Удэ, 2007. С. 32–70 и др.

[7] Г. И. Охрименко. Женский костюм семейских XIX–XX вв. и его украшения. // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 219

[8] Потанина Р. П. О природе различий в традиционной культуре семейских Бурятии и семейских Красного Чикоя Читинской области // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы III Междунар. конф. Улан-Удэ, 2001. С. 247–250.

[9] Петрова Е. В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1999. 130 с.

[10] Информант: Сучкова Степанида Григорьевна, 1928 г. р., образование – 7 классов, с. Куйтун Тарбагатайского района Республики Бурятия

[11] Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1978. С. 12

[12] Стахеева Н. Н. Старообрядчество Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. : дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1998. 325 с.

[13] ГАЧО. Ф. 1 об. Оп. 1. Д. 5042.

[14] Там же. Л. 31.

[15] Константинова Н. На волне духовного возрождения // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2004. № 1 (11). февр. – С. 43–44.

[16] ГАЧО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 910. Л. 4–5, 8.

[17] Козулин А. В. Особенности изменения численности и структуры старообрядческого населения Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы V конф. Улан-Удэ, 2007. С. 168–169.

[18] Васильева С. В. Духовный и нравственный потенциал старообрядчества Забайкалья. // Старообрядчество Украины и России: прошлое и настоящее : материалы конференции. Киев, 2004. С. 116.

[19] ГАИО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1–10.

[20] ГАИО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1–5.

[21] ГАИО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1–5.

[22] ГАИО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[23] См.: Костров А. В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск, 2006. 160 с.

[24] См.: Щапов А. П. Земство и раскол // Щапов А. П. Избранное. Иркутск, 2001. С. 245–326.

Глава 5
5.1

[1] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 5991.
[2] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3892.
[3] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5991.
[4] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5991.
[5] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4484.
[6] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 18549.
[7] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[8] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[9] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[10] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[11] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[12] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4521.
[13] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3177.
[14] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3397.
[15] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 19117.
[16] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3370.
[17] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 6780-П.
[18] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735. Л. 218 об.
[19] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3178.
[20] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 19117.
[21] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5825.
[22] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5825.
[23] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 17837.
[24] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3275.
[25] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 4405.
[26] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 6204.
[27] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 17462.
[28] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 17462. Л. 69.
[29] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 17462.
[30] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 17705.
[31] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 17462.
[32] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 17462.
[33] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 10894.
[34] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 5822.
[35] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 5961.
[36] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 12320.
[37] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 15998.
[38] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 17686.
[39] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 79, № 15998.
[40] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13762.
[41] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13794.
[42] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 10382.
[43] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13801.
[44] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 10378.
[45] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 14242.
[46] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13038.

[47] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[48] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12068.
[49] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12068.
[50] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15689.
[51] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15702.
[52] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15189.
[53] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 10382.
[54] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15236.
[55] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 10410.
[56] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[57] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 3753. Л. 3; АУД. № 15001. Л. 3, 3 об.
[58] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15142.
[59] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[60] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[61] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[62] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15617.
[63] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12675.
[64] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12744.
[65] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12786.
[66] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12629.
[67] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15197.
[68] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13762.
[69] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 114.
[70] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13762.
[71] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13762.
[72] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № П-212.
[73] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3055.
[74] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 474.
[75] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 17044.
[76] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 17044).
[77] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15792.
[78] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 609.
[79] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 617.
[80] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 11988.
[81] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3529.
[82] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 1231.
[83] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[84] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 10711.
[85] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[86] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15090.
[87] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15354.
[88] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[89] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[90] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15204.
[91] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[92] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[93] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15710.

[94] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13525.
[95] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[96] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 16962.
[97] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 1659.
[98] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[99] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[100] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД 9735.
[101] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[102] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[103] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[104] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[105] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15889.
[106] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 845.
[107] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 15889.
[108] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15754.
[109] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 1138.
[110] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 1138.
[111] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12075.
[112] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 2409.
[113] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[114] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[115] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 11806.
[116] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15001.
[117] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[118] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[119] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[120] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[121] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[122] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[123] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[124] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[125] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[126] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[127] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[128] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[129] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[130] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[131] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[132] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[133] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[134] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[135] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[136] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[137] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[138] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3434.
[139] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[140] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[141] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.

[142] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 14719.
[143] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[144] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[145] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9735.
[146] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3687.
[147] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 3687.
[148] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13472.
[149] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5169.
[150] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5169.
[151] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 5169.
[152] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9025.
[153] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9037.
[154] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9037.
[155] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9037.
[156]Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9037.
[157] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 9037.
[158] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4795.
[159] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4922.
[160] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 15637.
[161] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 12651.
[162] Архив РУ ФСБ РФ по Иркутской области, АУД № 15711.
[163] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 13692.
[164] Архив РУ ФСБ по Иркутской области, АУД № 4076.

5.2

[1] Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века. М., 2000. С. 144.
[2] ГАИО Ф. Р-2951. Оп1. Д. 27. Л. 5 об.
[3] Там же. Л. 29 об.
[4] Там же.
[5] Там же. Ф. Р-2732. Оп. 1. Д. 9. Л 21 об., 22.
[6] Там же. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 240. Л. 2.
[7] Там же. Ф. Р-2951. Оп 1. Д. 27. Л. 34.
[8] Там же. Л. 17.
[9] Там же. Л. 23.
[10] Там же. Л. 1 об.
[11] Там же. Л. 7.
[12] Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М, 1999. С. 69.
[13] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 341.
[14] Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М, 1999. С. 109.
[15] Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М, 1999. С. 113, 127.
[16] ГАИО Ф. Р-2951. Оп 1. Д. 27. Л. 31.
[17] Там же. Л. 33.
[18] Там же. Лл. 34 об., 35.

[19] Там же. Л. 37.
[20] Там же. Лл. 42, 42 об.
[21] Там же. Л. 43.
[22] Там же.
[23] Там же. Ф. Р-2732. Оп. 1. Д 9. Л. 10.
[24] Там же. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 8. Л. 199; Д. 11. Л. 195; Д. 25. Л. 71.
[25] Там же. Д. 27. Л. 5 об.
[26] Там же. Лл. 46, 47.
[27] Там же. Лл. 49, 50, 53.
[28] Там же. Д. 13. Л. 42, 42 об.
[29] Там же. Д. 27. Л. 67.
[30] Там же. Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 22. Л. 140).
[31] Там же. Д. 27. Л. 64.
[32] Там же. Лл. 80, 81.
[33] Там же. Л. 71.
[34] Там же. Л. 70.
[35] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 342.
[36] ГАИО Ф. Р-2951. Оп 1. Д. 27. Л. 76.
[37] Там же. Л. 81.
[38] Там же. Д. 22 Л. 172.
[39] Берхина Т. Г. Сохранившие веру. Иркутск, 2007. С. 324.
[40] Язев С. А. К вопросу о создании комплекса «Иркутский планетарий» // Город Иркутск в третьем тысячелетии : тез. докл. круглого стола, проводимого в рамках секции «Наука и образование», 19 дек. 2000 г. Иркутск, 2000. С. 19.
[41] ГАИО Ф. Р-2951. Оп1. Д. 44. Л. 66–68.

Учебное издание

Иркутская епархия в XVIII – начале XX века

Дулов Александр Всеволодович,
Санников Александр Павлович,
Крючкова Тамара Александровна и др.

ISBN 978-5-9624-0845-3

Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки П. О. Ершов

Темплан 2013 г. Поз. 106.
Подписано в печать 20.12.2013. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 9,9. Заказ 74. Тираж 100

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36